

Григорий Устинович Медведев

Чернобыльская тетрадь

Григорий Медведев

Чернобыльская тетрадь

От автора

Боль, угрызения совести, испытанные мною, когда я узнал о чернобыльском взрыве, были особенными. Ведь я в течение десяти лет до Чернобыля писал и публиковал повести и рассказы на атомную тему, предостерегая людей о возможности ядерной катастрофы. Повести «Экспертиза» и «Энергоблок» прямо об этом.

Фимиам, десятилетиями воскуряемый официальной наукой и атомными ведомствами «абсолютной безопасности» мирного атома, заглушал своим «благовонием» все мои предостережения.

Теперь я обязан был написать о Чернобыле, насколько это было в моих силах, наиболее правдиво (ведь я не был ночью 26 апреля у места взрыва), собрать материал, документы, свидетельства очевидцев и участников событий и, опираясь на свой опыт атомного энергетика и литератора, средствами документального и художественного исследования воссоздать картину Чернобыльской ядерной трагедии.

«Гибель экипажа Чэлленджера и авария на Чернобыльской атомной станции усилили тревогу, жестоко напомнили, что люди еще только осваиваются с теми фантастическими могучими силами, которые сами же вызвали к жизни, еще только учатся ставить их на службу прогрессу», – сказал Михаил Сергеевич Горбачев в своем выступлении по Центральному телевидению 18 августа 1986 года.

Такая предельно трезвая оценка мирному атому дана впервые за тридцать пять лет развития атомной энергетики в СССР. Бесспорно, что в этих словах ощущается веяние времени, ветер очищающей правды и перестройки, охвативший могучим дыханием всю нашу страну.

И все же, чтобы извлечь уроки из прошлого, следует вспомнить, что долгих три с половиной десятилетия наши ученые неоднократно в печати, по радио и телевидению сообщали широким кругам общественности нечто совсем противоположное. Мирный атом преподносился широким кругам общественности как чуть ли не панацея от всех бед, как верх подлинной безопасности, экологической чистоты и надежности. Дело доходило почти до телячьего восторга, когда речь шла о безопасности атомных электростанций.

«АЭС – самые „чистые“, самые безопасные из существующих станций! – восклицал в 1980 году в журнале „Огонек“ академик М. А. Стырикович. – Иногда, правда, приходится слышать опасения, что на АЭС может произойти взрыв... Это просто физически невозможно... Ядерное горючее на АЭС не может быть взорвано никакими силами – ни земными, ни небесными... Думаю, что создание серийных „земных звезд“ станет реальностью...»

«Земные звезды» действительно стали суровой реальностью, грозно противостоящей живой природе и человеку.

«Атомные реакторы – это обычные топки, а операторы, ими управляющие, – это кочегары...» – популярно разъяснял широкому читателю заместитель председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР Н. М. Синев, тем самым ставя атомный реактор рядом с обычным паровым котлом, атомных же операторов – на одну доску с кочегарами, шурующими уголь в топке.

Это была во всех отношениях удобная позиция. Во-первых, успокаивалось общественное мнение, во-вторых, оплату труда на АЭС можно было приравнять к оплате на тепловых станциях, а в ряде случаев сделать ее даже ниже. Раз безопасно и просто, можно платить меньше. И к началу восьмидесятых годов оплата труда на блочных тепловых станциях превысила оплату труда операторов на АЭС.

Но продолжим бодро оптимистические свидетельства о полной безопасности атомных электростанций.

«Отходы атомной энергетики, потенциально весьма опасные, – настолько компактны, что их можно хранить в местах, изолированных от внешней среды», – писал 25 июня 1984 года в «Правде» директор Физико-энергетического института О. Д. Казачковский. Заметим, что, когда грохнул чернобыльский взрыв, таких мест, куда можно было бы выгрузить отработавшее ядерное топливо, не оказалось. За минувшие десятилетия не было сооружено хранилище отработавшего ядерного топлива (сокращенно ХОЯТ), и его пришлось строить рядом с аварийным блоком в условиях жестких радиационных полей, переоблучая строителей и монтажников.

«Мы живем в атомной эре. АЭС оказались удобными и надежными в эксплуатации. Атомные реакторы готовятся принять на себя теплофикацию городов и населенных пунктов...» – писал О. Д. Казачковский в том же номере «Правды», забыв сказать, что атомные теплоцентрали будут возводиться вблизи крупных городов.

Месяцем позже академик А. Е. Шейдлин заявил в «Литературной газете»:

«С большим удовлетворением воспринято сообщение о замечательном достижении – вводе в действие четвертого энергоблока мощностью миллион киловатт на Чернобыльской атомной электростанции имени В. И. Ленина».

Не екнуло ли сердце у академика, когда он писал эти строки? Ведь именно четвертому энергоблоку суждено было прогреметь ядерным громом среди ясного неба гарантированной безопасности АЭС...

В другом своем выступлении, на замечание корреспондента о том, что расширенное строительство АЭС может встревожить население, академик ответил: «Тут много от эмоций. Атомные электростанции нашей страны совершенно безопасны для населения окрестных районов. Никакого повода для беспокойства просто не существует».

Особенно большую лепту в пропаганду безопасности АЭС внес Председатель Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянц.

«Нельзя не признать, – писал он за четырнадцать лет до чернобыльского взрыва, – что у атомной энергетики блестящее будущее... Атомная энергетика имеет определенные преимущества по сравнению с классической. АЭС полностью независимы от источников сырья (урановых рудников) благодаря компактности ядерного горючего и продолжительности его использования. АЭС весьма перспективны в отношении использования мощных энергоблоков... – И делал такой успокаивающий вывод: – АЭС как производители энергии являются чистыми источниками энергии, не увеличивающими загрязненность окружающей среды».¹

Рассматривая далее вопрос о масштабах развития атомной энергетики и ее месте за пределами двухтысячного года, А. Петросьянц задумывается прежде всего о том, хватит ли запасов урановой руды, и полностью снимает вопрос о безопасности столь широкой сети АЭС в самых густонаселенных районах Европейской части СССР. «Вопрос наиболее рационального использования чудесного свойства ядерного горючего – главный вопрос ядерной энергетики...» – подчеркивал он в той же книге. И при этом не безопасность АЭС, а рациональное использование ядерного горючего прежде всего беспокоило его. Далее автор продолжает: «Все еще бытующий некоторый скептицизм и недоверие к атомным

¹ А. Петросьянц. От научного поиска к атомной промышленности. М.: Атомиздат, 1972. С. 73.

электростанциям вызваны преувеличенной боязнью радиационной опасности для обслуживающего персонала станции и, главное, для населения, проживающего в районе ее расположения...

Эксплуатация АЭС в СССР и за рубежом, в том числе в США, Англии, Франции, в Канаде, Италии, Японии, ГДР и ФРГ, показывает полную безопасность их работы при соблюдении установленных режимов и необходимых правил. Более того, можно поспорить, какие электростанции более вредны для организма человека и окружающей среды – атомные или работающие на угле...»

Тут А. Петросьянц почему-то умолчал, что тепловые электростанции могут работать не только на угле и нефти (кстати эти загрязнения носят локальный характер и отнюдь не смертельны), но и на газообразном топливе, которое добывается в СССР в огромных количествах и, как известно, транспортируется и в Западную Европу. Перевод же тепловых станций Европейской части нашей страны на газообразное топливо полностью мог бы исключить проблему загрязнения среды обитания золой и серным ангидридом. Однако А. Петросьянц и эту проблему поставил с ног на голову, посвятив целую главу своей книги вопросу загрязнения окружающей среды от тепловых станций, работающих на угле, и умолчав о, конечно же, известных ему фактах загрязнения среды обитания радиоактивными выбросами от АЭС. Сделано это отнюдь не случайно, а для того, чтобы подвести читателя к оптимистическому выводу: «Приведенные выше данные о благоприятной радиационной обстановке в районах расположения Нововоронежской и Белоярской атомных станций типичны для всех АЭС Советского Союза. Такая же благоприятная радиационная обстановка характерна и для атомных электростанций других стран...» – заключает он, проявляя корпоративную солидарность с зарубежными атомными фирмами.

А между тем А. Петросьянц не мог не знать, что весь период эксплуатации, начиная с 1964 года, первый двухконтурный блок Белоярской АЭС постоянно выходил из строя: «козлили» топливные урановые сборки, ремонт которых проводился в условиях сильного переоблучения эксплуатационного персонала. Длилась эта радиоактивная история почти без перерыва пятнадцать лет. Уместно сказать, что на втором, уже одноконтурном, блоке той же станции в 1977 году расплавили пятьдесят процентов топливных сборок атомного реактора. Ремонт продолжался около года. Персонал Белоярской АЭС довольно быстро переоблучили, и пришлось на грязные ремонтные работы командировать людей с других атомных электростанций. Не мог не знать он и о том, что в городе Мелекессе Ульяновской области высокоактивные отходы закачиваются в глубинные скважины под землю, что английские атомные реакторы в Виндскейле, Уинфрите и в Доунри сбрасывают радиоактивные воды в Ирландское море с пятидесятих годов по настоящее время. Перечень подобных фактов можно было бы продолжить, но...

Не делая преждевременных выводов, скажу только, что именно А. Петросьянц на пресс-конференции в Москве 6 мая 1986 года, комментируя чернобыльскую трагедию, произнес поразившие многих слова: «Наука требует жертв». Этого забывать нельзя. Но продолжим свидетельства.

Естественно, что на пути развития новой отрасли были и препятствия. Соратник И. В. Курчатова Ю. В. Сивинцев приводит в своей книге «И. В. Курчатов и ядерная энергетика»¹ интересные воспоминания о периоде внедрения в сознание общественности идей «мирного атома» и о трудностях, с которыми пришлось столкнуться на этом пути.

«Противники развития ядерной энергетики за рубежом и в нашей стране иногда одерживают „успехи“ в борьбе с новым. Наиболее известным из них является запрет на пуск атомной станции в Австрии, принятый недавно после шумной антиатомной кампании. Эту АЭС западные журналисты уже успели окрестить „мавзолеем стоимостью в один миллиард долларов“. (Тут уместно сказать, что Ю. Сивинцев опустил одну деталь: население Австрии добровольно оплатило стоимость АЭС, внося деньги в казну, после чего правительство,

¹ Ю. Сивинцев. И. В. Курчатов и ядерная энергетика. М. Атомиздат, 1980. С 25.

расплатившись с фирмами, законсервировало станцию. – Г. М.) Развитие ядерной энергетики в нашей стране тоже проходило не без преодоления трудностей, – продолжает Ю. В. Сивинцев. – В конце пятидесятых годов сторонники традиционной энергетики подготовили и почти провели в жизнь решение ЦК КПСС и Совмина СССР о приостановке строительства Нововоронежской АЭС и сооружении вместо нее обычной ТЭЦ. Главная аргументация – неэкономичность АЭС в те времена. Курчатов, узнав об этом, отложил все дела, поехал в Кремль, добился созыва нового совещания руководящих работников и в острой дискуссии с маловерами добился подтверждения прежних решений о строительстве АЭС. Один из секретарей ЦК КПСС спросил его тогда: „А что мы будем иметь?“ Курчатов ответил: „Ничего! Лет тридцать это будет дорогостоящий эксперимент“. И все-таки добился своего. Недаром многие из нас называли Игоря Васильевича „атомным реактором“, „человеком-танком“ и даже „бомбой“...»¹

Пора сказать, что приведенные выше оптимистические прогнозы и заверения ученых мужей никогда не разделяли эксплуатационники атомных электростанций, то есть те, кто имел дело с мирным атомом непосредственно, ежедневно, на своем рабочем месте, а не в уютной тиши кабинетов и лабораторий. В те годы информация об авариях и неполадках на АЭС всячески процеживалась на министерском сите осторожности, гласности предавалось лишь то, что в верхах считалось нужным опубликовывать. Хорошо помню этапное событие тех лет – аварию на американской АЭС Тримайл Айленд 28 марта 1979 года, нанесшую первый серьезный удар по атомной энергетике и развеявшую иллюзию безопасности АЭС у многих. Но не у всех.

В то время я работал начальником отдела в объединении «Союзатомэнерго» Минэнерго СССР и помню реакцию свою и моих коллег на это печальное событие.

Проработав до этого много лет на монтаже, ремонте и эксплуатации АЭС и доподлинно зная степень надежности их, которую можно сформулировать коротко: «на лезвии», «на волоске от аварии или катастрофы», мы говорили тогда: «Вот оно то, что должно было рано или поздно произойти... Такое может случиться и у нас...»

Но ни я, ни те, кто работал раньше на эксплуатации атомных станций, полной информации об этой аварии не имели. Подробная информация о событиях в Пенсильвании была дана в «Информационном листке» для служебного пользования, распространенном среди начальников главных управлений и их заместителей. Спрашивается, зачем было наводить секрет на известную всему миру аварию? Ведь своевременный учет отрицательного опыта – есть гарантия неповторения подобного в будущем. Но... в то время так было заведено: отрицательная информация – только для высшего руководства, а в нижние этажи – урезанные сведения. Однако даже эта урезанная информация давала повод для грустных размышлений о коварстве радиации, если она, не дай бог, вырвется наружу, о необходимости просвещения широких кругов общественности в этих вопросах. Но в те годы организовать подобное обучение было просто невозможно. Такой шаг противоречил бы официальной установке о полной безопасности АЭС.

Тогда я решил действовать в одиночку и написал четыре повести о жизни и работе людей на атомных станциях. Повести назывались: «Операторы», «Экспертиза», «Энергоблок» и «Ядерный загар». Однако в ответ на мое предложение напечатать эти вещи в редакциях мне ответили: «Не может такого быть! Академики пишут везде, что на советских АЭС все безопасно. Академик Кириллин даже садовый участок собираются брать возле атомной станции, а вы тут понаписали всякое... На Западе это может быть, у нас – нет!»

Главный редактор одного толстого журнала, похвалив повести, даже сказал мне тогда: «Если бы это было у „них“, тогда напечатали бы».

Все же одну из повестей – «Операторы» – удалось опубликовать в 1981 году. И я рад,

¹ Там же.

что люди, прочитав ее, думаю, поняли, что атомная энергетика – дело сложное и в высочайшей степени ответственное.

Однако эпоха шагала своим чередом, и не будем торопить события. Ведь произошло все, что должно было произойти. В ученых кругах продолжала царить безмятежность. Трезвые голоса о возможной опасности АЭС для окружающей среды воспринимались как покушение на авторитет науки...

В 1974 году на общем годичном собрании Академии наук СССР академик А. П. Александров, в частности, сказал:

«Нас обвиняют, что атомная энергетика опасна и чревата радиоактивным загрязнением окружающей среды... А как же, товарищи, если случится ядерная война? Какое загрязнение тогда будет?»

Удивительная логика! Не правда ли?

Через десять лет, на партактиве Минэнерго СССР (за год до Чернобыля) тот же А. П. Александров с грустью заметил:

«Нас еще, товарищи, бог милует, что не произошла у нас Пенсильвания. Да, да...»

Заметная эволюция в сознании Президента Академии наук СССР. Конечно, десять лет – срок немалый. И в предчувствии беды А. П. Александрову не откажешь. Ведь за это время в атомной энергетике произошло многое: случались серьезные неполадки и аварии, мощности невиданно выросли, ажиотаж престижности был раздут непомерно, а вот ответственность атомщиков, можно сказать, и поубавилась. А откуда ей было взяться, этой повышенной ответственности, коли на АЭС, оказывается, все так просто и безопасно?..

В те же, примерно, годы начал меняться и кадровый корпус эксплуатационников АЭС при резко возросшем дефиците атомных операторов. Если раньше туда шли работать в основном энтузиасты атомной энергетики, глубоко полюбившие это дело, то теперь хлынул народ и случайный. Конечно, в первую очередь привлекали не столь уж большие деньги, а престижность. Все вроде уже есть у человека, заработал на другом поприще, вот только еще не атомщик. Сколько ведь лет говорилось: безопасно! Стало быть, вперед! Прочь с дороги, специалисты! Уступай место у руководящего атомного пирога своим и кумовьям! И потеснили таки специалистов... Впрочем, к этому еще вернемся. А теперь подробно о Пенсильвании, предтече Чернобыля. Привожу выдержку из американского журнала «Нуклер Ньюс» от 6 апреля 1979 года:

«...28 марта 1979 года рано утром произошла крупная авария реакторного блока № 2 мощностью 880 МВт (электрических) на АЭС Тримайл Айленд, расположенной в двадцати километрах от города Гаррисберг (штат Пенсильвания) и принадлежавшей компании „Метрополитен Эдисон“».

Правительство США тотчас же приступило к разбору всех обстоятельств аварии. 29 марта руководители комиссии по регулированию в ядерной энергетике (НРК) были приглашены в подкомитет палаты представителей Конгресса по проблемам энергетики и охраны окружающей среды для участия в рассмотрении причин аварии и разработке мероприятий по ликвидации ее последствий и предотвращению подобных случаев в будущем. Одновременно было отдано распоряжение о тщательной проверке исправности восьми реакторных блоков на АЭС Окони, Кристал Ривер, Ранчо Секо, Арканзас-Уан и Дэвис-Бесс. Оборудование для этих блоков, как и для блоков АЭС Тримайл Айленд, было изготовлено компанией «Бэбкок энд Уилкоккс». В настоящее время (то есть на апрель 1979 года) из восьми блоков (почти одинаковых по конструкции) работают только пять, остальные находятся в планово-предупредительном ремонте.

Блок № 2 на АЭС Тримайл Айленд, как оказалось, не был оснащен дополнительной системой обеспечения безопасности, хотя подобные системы на некоторых блоках этой АЭС имеются.

НРК потребовала проверить все оборудование и режимы работы на всех без исключения реакторных блоках, изготовленных компанией «Бэбкок энд Уилкоккс». Сотрудник НРК, несущий ответственность за выдачу лицензий на строительство и эксплуатацию

ядерных установок, заявил 4 апреля на пресс-конференции, что на всех АЭС страны будут незамедлительно приняты все необходимые меры по обеспечению безопасности.

Авария имела большой общественно-политический резонанс. Она вызвала сильную тревогу не только в Пенсильвании, но и во многих других штатах. Губернатор штата Калифорния поставил вопрос о том, чтобы АЭС Ранчо Секо мощностью 913 МВт (эл.), находящаяся близ города Сакраменто, была остановлена до тех пор, пока не будут окончательно выяснены все причины аварии на АЭС Тримайл Айленд и приняты меры по предотвращению возможности подобных происшествий.

Официальная позиция Министерства энергетики США заключалась в том, чтобы успокоить общественное мнение. Через два дня после аварии министр энергетики Шлесинджер заявил, что за все время эксплуатации промышленных ядерных реакторов это случилось впервые и к событиям на АЭС Тримайл Айленд нужно отнестись объективно, без излишних эмоций и скороспелых выводов. Он подчеркнул, что осуществление программы развития ядерной энергетики будет продолжено в целях скорейшего достижения Соединенными Штатами энергетической независимости.

По словам Шлесинджера, радиоактивное заражение местности вокруг АЭС «крайне ограничено» по величине и масштабам, и у населения нет никаких оснований для беспокойства. А между тем, только за 31 марта и 1 апреля из 200 тысяч человек, проживающих в радиусе 35 километров от станции, около 80 тысяч покинули свои дома. Люди отказывались верить представителям компании «Метрополитен Эдисон», пытавшимся убедить их, что ничего страшного не произошло. По распоряжению губернатора штата, был составлен план срочной эвакуации всего населения округа. В районе местонахождения АЭС было закрыто семь школ. Губернатор приказал эвакуировать всех беременных женщин и детей дошкольного возраста, проживающих в радиусе 8 километров от станции, и рекомендовал не выходить на улицу населению, проживающему в радиусе 16 километров. Эти действия были предприняты по указанию представителя НРК Дж. Хендри после того, как была обнаружена утечка радиоактивных газов в атмосферу. Наиболее критическая ситуация сложилась 30–31 марта и 1 апреля, когда в корпусе реактора образовался огромный пузырь водорода, что грозило взрывом оболочки реактора. В таком случае вся окружающая местность подверглась бы сильнейшему радиоактивному заражению.

В Гаррисберге было срочно создано отделение Американского общества по страхованию от ядерной катастрофы, которое уже к 3 апреля выплатило 200 тысяч долларов страхового возмещения.

1 апреля электростанцию посетил президент Картер. Он обратился к населению с просьбой «спокойно и точно» соблюдать все правила эвакуации, если в этом возникнет необходимость.

Выступая 5 апреля с речью, посвященной проблемам энергетики, президент подробно остановился на таких альтернативных методах, как использование солнечной энергии, переработка битуминозных сланцев, газификация угля и т. п., но совершенно не упомянул об ядерной энергии, будь то расщепление атомного ядра или управляемый термоядерный синтез.

Многие сенаторы заявляют, что авария может повлечь за собой «мучительную переоценку» отношения к ядерной энергетике, однако, по их словам, страна вынуждена будет и далее производить электроэнергию на АЭС, так как иного выхода для США не существует. Двойственная позиция сенаторов в этом вопросе наглядно свидетельствует о том затруднительном положении, в котором очутилось правительство США после аварии.

ОПИСАНИЕ АВАРИИ

«Первые признаки аварии были обнаружены в 4 часа утра, когда по неизвестным причинам прекратилась подача питательной воды основными насосами в парогенератор. Все три аварийных насоса, предусмотренных специально для бесперебойной подачи питательной

воды, уже две недели находились в ремонте, что было грубейшим нарушением правил эксплуатации АЭС.

В результате парогенератор остался без питательной воды и не мог отводить от первого контура тепло, вырабатываемое реактором. Автоматически отключилась турбина из-за нарушения параметров пара. В первом контуре реакторного блока резко возросли температура и давление воды. Через предохранительный клапан компенсатора объема смесь перегретой воды с паром начала сбрасываться в специальный резервуар (барбатер). Однако после того, как давление воды в первом контуре снизилось до нормального уровня (160 ат), клапан не сел на место, вследствие чего давление в барбатере также повысилось сверх допустимого. Аварийная мембрана на барбатере разрушилась, и около 370 кубометров горячей радиоактивной воды вылилось на пол бетонной защитной оболочки реактора (в центральный зал).

Автоматически включились дренажные насосы, которые начали перекачивать скопившуюся воду в цистерны, находящиеся во вспомогательном здании АЭС. Персонал должен был немедленно отключить дренажные насосы, чтобы вся радиоактивная вода осталась внутри защитной оболочки, однако этого сделано не было.

Во вспомогательном здании АЭС имелось три цистерны, но вся радиоактивная вода поступила только в одну из них. Цистерна переполнилась, и вода залила пол слоем в несколько дюймов. Вода начала испаряться, и радиоактивные газы вместе с паром проникли в атмосферу через вентиляционную трубу вспомогательного здания, что явилось одной из главных причин последующего радиоактивного заражения местности.

В момент открытия предохранительного клапана сработала система аварийной защиты реактора со сбросом стержней-поглотителей, в результате чего цепная реакция прекратилась и реактор был практически остановлен. Процесс деления ядер урана в топливных стержнях прекратился, однако продолжался ядерный распад осколков с выделением тепла в количестве около 10 процентов от номинальной электрической мощности, или примерно 250 МВт тепловых.

Поскольку предохранительный клапан оставался открытым, давление охлаждающей воды в корпусе реактора быстро падало, а вода интенсивно испарялась. Уровень воды в корпусе реактора снижался, а температура быстро возрастала. По-видимому, это привело к образованию пароводяной смеси, в результате чего произошел срыв главных циркуляционных насосов и они остановились.

Как только давление упало до 11,2 ат, автоматически сработала система аварийного расхолаживания активной зоны, и топливные сборки начали охлаждаться. Это произошло через две минуты после начала аварии. (Здесь ситуация похожа на чернобыльскую за 20 секунд до взрыва. Но в Чернобыле система аварийного охлаждения активной зоны была отключена персоналом заблаговременно. – Г. М.)

По невыясненным до сих пор причинам оператор выключил два насоса, приводивших в действие систему аварийного расхолаживания, через 4,5 минуты после начала аварии. Очевидно, он полагал, что вся верхняя часть активной зоны находится под водой. Вероятно, оператор неправильно отсчитал по манометру давление воды внутри первого контура и решил, что в аварийном расхолаживании активной зоны нет необходимости. Между тем вода по-прежнему испарялась из реактора. Предохранительный клапан, по-видимому, заклинило, а операторам не удалось закрыть его с помощью дистанционного управления. Поскольку клапан расположен в верхней части компенсатора объема, находящегося под защитной оболочкой, его вручную практически невозможно ни закрыть, ни открыть.

Клапан оставался открытым так долго, что уровень воды в реакторе упал, и одна треть активной зоны оказалась без охлаждения.

По мнению специалистов, незадолго до включения системы аварийного расхолаживания либо вскоре после ее включения по меньшей мере двадцать тысяч топливных стержней из общего количества тридцать шесть тысяч (177 топливных сборок по 208 стержней в каждой) оказались без охлаждения. Защитные циркониевые оболочки

топливных стержней начали трескаться и крошиться. Из поврежденных тепловыделяющих элементов начали выходить высокоактивные продукты деления. Вода первого контура стала еще более радиоактивной.

Когда обнажились верхние части топливных стержней, температура внутри корпуса реактора превысила 400 градусов и указатели на пульте управления зашкалили. ЭВМ, следившая за температурой в активной зоне, начала выдавать сплошные вопросительные знаки и выдавала их в течение последующих одиннадцати часов...

Через 11 минут после начала аварии оператор снова включил систему аварийного расхолаживания активной зоны, которую прежде по ошибке выключил.

В последующие 50 минут падение давления в реакторе приостановилось, однако температура продолжала расти. Насосы, нагнетавшие воду для аварийного расхолаживания активной зоны, начали сильно вибрировать, и оператор выключил все четыре насоса – два из них через 1 час 15 минут, другие два через 1 час 40 минут после начала аварии. Видимо, он опасался, что насосы будут повреждены.

В 17 часов 30 минут был, наконец, снова пущен главный насос подачи питательной воды, который отключился в самом начале аварии. Возобновилась циркуляция воды в активной зоне. Вода снова покрыла верхние части топливных стержней, которые находились без охлаждения и разрушались в течение почти одиннадцати часов.

В ночь с 28 на 29 марта в верхней части корпуса реактора начал образовываться газовый пузырь. Активная зона разогрелась до такой степени, что из-за химических свойств циркониевой оболочки стержней произошло расщепление молекул воды на водород и кислород. Пузырь объемом около 30 метров кубических, состоявший главным образом из водорода и радиоактивных газов – криптона, аргона, ксенона и других, сильно препятствовал циркуляции охлаждающей воды, поскольку давление в реакторе значительно возросло. Но главная опасность заключалась в том, что смесь водорода и кислорода могла в любой момент взорваться. (То, что произошло в Чернобыле. – Г. М.) Сила взрыва была бы эквивалентна взрыву трех тонн тринитротолуола, что привело бы к неминуемому разрушению корпуса реактора. В другом случае смесь водорода и кислорода могла проникнуть из реактора наружу и скопилась бы под куполом защитной оболочки. Если бы она взорвалась там, все радиоактивные продукты деления попали бы в атмосферу (что произошло в Чернобыле. – Г. М.). Уровень радиации внутри защитной оболочки достиг к тому времени 30000 бэр/час, что в 600 раз превышало смертельную дозу. Кроме того, если бы пузырь продолжал увеличиваться, он постепенно вытеснил бы из корпуса реактора всю охлаждающую воду, и тогда температура поднялась бы настолько, что расплавился бы уран (что произошло в Чернобыле. – Г. М.).

В ночь на 30 марта объем пузыря уменьшился на 20 процентов, а 2 апреля составлял всего лишь 1,4 метра кубических. Чтобы окончательно ликвидировать пузырь и устранить опасность взрыва, техники применили метод так называемой дегазации воды. Охлаждающая вода, циркулировавшая в первом контуре, впрыскивалась в компенсатор объема (к тому времени предохранительный клапан неизвестно почему оказался закрытым). При этом из воды выделялся растворенный в ней водород. Затем охлаждающая вода снова поступала в реактор и там поглощала очередную порцию водорода из газового пузыря. По мере того как кислород растворялся в воде, объем пузыря становился все меньше. За пределами защитной оболочки находилось специально доставленное на АЭС устройство – так называемый рекомбинатор для превращения водорода и кислорода в воду.

С восстановлением подачи питательной воды в парогенератор и возобновлением циркуляции теплоносителя (охлаждающей воды) в первом контуре начался нормальный отвод тепла от активной зоны.

Как отмечалось ранее, под защитной оболочкой создавалась очень высокая радиоактивность с долгоживущими изотопами, и дальнейшая эксплуатация блока экономически была бы неоправдана. По предварительным данным, ликвидация последствий аварии обойдется в сорок миллионов долларов (в Чернобыле – восемь

миллиардов рублей. – Г. М.). Реактор остановлен на длительный срок. Для выяснения причин аварии создана комиссия.

Представители общественности обвиняют компанию „Метрополитен Эдисон“ в том, что она торопилась ввести энергоблок № 2 в эксплуатацию 30 декабря, за 25 часов до наступления нового года, чтобы выиграть на этом 40 миллионов долларов за счет налоговых обложений, хотя незадолго до этого, в конце 1978 года, уже отмечались неполадки в работе механических устройств и блок приходилось несколько раз останавливать на этапе испытаний. Однако федеральные инспекторы все же разрешили его промышленную эксплуатацию. В январе 1979 года только что пущенный блок был остановлен на две недели, так как обнаружили утечки в трубопроводах и насосах.

Даже после того, как произошла авария, продолжались грубые нарушения правил безопасности со стороны компании „Метрополитен Эдисон“. Так, в пятницу 30 марта, на третий день аварии, в реку Сакуахана были сброшены 52000 метров кубических радиоактивной воды. Компания сделала это, не заручившись предварительно разрешением Комиссии по регулированию в ядерной энергетике, якобы для того, чтобы освободить емкости для более радиоактивной воды, откачиваемой дренажными насосами из оболочки реактора...»

Теперь, ознакомившись с подробностями катастрофы в Пенсильвании и предвзяв Чернобыль, следует окинуть беглым взором минувшее 35-летие с начала пятидесятых годов. Проследить, так ли случайны были Пенсильвания и Чернобыль, случались ли за минувшие тридцать пять лет аварии на АЭС в США и СССР, которые могли бы послужить уроком и предостеречь людей от облегченного подхода к сложнейшей проблеме современности – развитию атомной энергетики?

Действительно, так ли благополучно работали атомные электростанции в обеих странах за минувшие годы? Оказывается, не совсем. Заглянем в историю развития атомной энергетики и увидим, что аварии на ядерных реакторах начались фактически сразу же после их появления.

В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

1951 год. Детройт. Авария исследовательского реактора. Перегрев расщепляемого материала в результате превышения допустимой температуры. Загрязнение воздуха радиоактивными газами.

24 июня 1959 года. Расплав части топливных элементов в результате выхода из строя системы охлаждения на экспериментальном энергетическом реакторе в Санта-Сюзана, штат Калифорния.

3 января 1961 года. Взрыв пара на экспериментальном реакторе около Айдахо-Фолс, штат Айдахо. Погибло трое.

5 октября 1966 года. Частичное расплавление активной зоны в результате выхода из строя системы охлаждения на реакторе «Энрико Ферми» неподалеку от Детройта.

19 ноября 1971 года. Почти 200 тысяч литров загрязненной радиоактивными веществами воды из переполненного хранилища отходов реактора в Монтжелло, штат Миннесота, вытекло в реку Миссисипи.

28 марта 1979 года. Расплавление активной зоны из-за потери охлаждения реактора на АЭС Тримайл Айленд. Выброс радиоактивных газов в атмосферу и жидких радиоактивных отходов в реку Сакуахана. Эвакуация населения из зоны бедствия.

7 августа 1979 года. Около 1000 человек получили дозу облучения в шесть раз выше нормы в результате выброса высокообогащенного урана с завода по производству ядерного топлива возле города Эрвинга, штат Теннесси.

25 января 1982 года. В результате разрыва трубы парогенератора на реакторе Джина, близ Рочестера, произошел выброс радиоактивного пара в атмосферу.

30 января 1982 года. Чрезвычайное положение введено на атомной электростанции близ города Онтарио, штат Нью-Йорк. В результате аварии в системе охлаждения реактора произошла утечка радиоактивных веществ в атмосферу.

28 февраля 1985 года. На АЭС Самер-Плант преждевременно достигнута критичность, то есть имел место неуправляемый разгон.

19 мая 1985 года. На АЭС Индиан-Пойнт-2 близ Нью-Йорка, принадлежащей компании «Консолидэйтед Эдисон», произошла утечка радиоактивной воды. Авария возникла из-за неисправности в клапане и привела к утечке нескольких сотен галлонов, в том числе за пределы АЭС.

1986 год. Уэбберс Фолс. Взрыв резервуара с радиоактивным газом на заводе обогащения урана. Один человек погиб. Восемь ранено...

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

29 сентября 1957 года. Авария на реакторе близ Челябинска. Произошел самопроизвольный ядерный разгон отходов топлива с сильным выбросом радиоактивности. Радиацией заражена обширная территория. Загрязненную зону огородили колючей проволокой, окольцевали дренажным каналом. Население эвакуировали, грунт срыли, скот уничтожили и все обваловали в курганы.

7 мая 1966 года. Разгон на мгновенных нейтронах на АЭС с кипящим ядерным реактором в городе Мелекесе. Облучились дозиметрист и начальник смены АЭС. Реактор погасили, сбросив в него два мешка с борной кислотой.

1964–1979 годы. На протяжении 15 лет неоднократное разрушение (пережог) топливных сборок активной зоны на первом блоке Белоярской АЭС. Ремонты активной зоны сопровождались переоблучением эксплуатационного персонала.

7 января 1974 года. Взрыв железобетонного газгольдера выдержки радиоактивных газов на первом блоке Ленинградской АЭС. Жертв не было.

6 февраля 1974 года. Разрыв промежуточного контура на первом блоке Ленинградской АЭС в результате вскипания воды с последующими гидроударами. Погибли трое. Высокоактивные воды с пульпой фильтропорошка сброшены во внешнюю среду.

Октябрь 1975 года. На первом блоке Ленинградской АЭС частичное разрушение активной зоны («локальный козел»). Реактор был остановлен и через сутки продут аварийным расходом азота в атмосферу через вентиляционную трубу. Во внешнюю среду выброшено около полутора миллионов кюри высокоактивных радионуклидов.

1977 год. Расплавление половины топливных сборок активной зоны на втором блоке Белоярской АЭС. Ремонт с переоблучением персонала длился около года.

31 декабря 1978 года. Сгорел второй блок Белоярской АЭС. Пожар возник от падения плиты перекрытия машзала на маслобак турбины. Выгорел весь контрольный кабель. Реактор оказался без контроля. При организации подачи аварийной охлаждающей воды в реактор переоблучилось восемь человек.

Октябрь 1982 года. Взрыв генератора на первом блоке Армянской АЭС. Пожар в кабельном хозяйстве. Потеря энергоснабжения собственных нужд. Оперативный персонал организовал подачу охлаждающей воды в реактор. Для оказания помощи с Кольской и других АЭС прибыли группы технологов и ремонтников.

Сентябрь 1982 года. Разрушение центральной топливной сборки на первом блоке Чернобыльской АЭС из-за ошибочных действий эксплуатационного персонала. Выброс радиоактивности на промзону и город Припять, а также переоблучение ремонтного персонала во время ликвидации «малого козла».

27 июня 1985 года. Авария на первом блоке Балаковской АЭС. В период пусконаладочных работ вырвало предохранительный клапан и трехсотградусный пар стал поступать в помещение, где работали люди. Погибли 14 человек. Авария произошла в результате необычайной спешки и нервозности из-за ошибочных действий малоопытного

оперативного персонала.

Все аварии на АЭС в СССР не были преданы гласности, за исключением аварий на первых блоках Армянской и Чернобыльской атомных станций в 1982 году, о которых вскользь было упомянуто в передовой «Правды» уже после избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю. В. Андропова.

Кроме того, косвенное упоминание об аварии на первом блоке Ленинградской АЭС имело место в марте 1976 года на партактиве Минэнерго СССР, на котором выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Он, в частности, сказал тогда, что правительства Швеции и Финляндии сделали Правительству СССР запрос относительно повышения радиоактивности над их странами. Косыгин сказал также, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР обращают внимание энергетиков на особую важность соблюдения ядерной безопасности и качества АЭС в СССР.

Положение, когда аварии на атомных станциях скрывались от общественности, стало нормой при министре энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожном. Но аварии скрывались не только от общественности и правительства, но и от работников АЭС страны, что особенно опасно, ибо отсутствие гласности негативного опыта всегда чревато непредсказуемым. Порождает беспечность и легкомыслие.

Естественно, что преемник П. С. Непорожного на посту министра – А. И. Майорец, человек в энергетических, особенно в атомных, вопросах недостаточно компетентный, – продолжил традиции умолчания. Уже через полгода после своего вступления в должность им был подписан приказ Минэнерго СССР от 19 мая 1985 года № 391-ДСП, где в пункте 64-1 предписывалось:

«Не подлежат открытому опубликованию в печати, в передачах по радио и телевидению – сведения о неблагоприятных результатах экологического воздействия на обслуживающий персонал и население, а также на окружающую среду энергетических объектов (воздействие электромагнитных полей, облучение, загрязнение атмосферы, водоемов и земли)».

Сомнительную нравственную позицию заложил товарищ Майорец в основу своей деятельности уже в первые месяцы работы в новом министерстве.

Вот в такой обстановке тщательно продуманной «безаварийности» товарищ Петросьянц и писал свои многочисленные книги и, не опасаясь быть разоблаченным, пропагандировал полную безопасность АЭС...

А. И. Майорец действовал тут в рамках давно отлаженной системы. Обезопасив себя пресловутым «приказом», он принялся управлять атомной энергетикой...

Но ведь управлять таким хозяйством, как Минэнерго СССР, пронизавшим своей разветвленной энергоснабжающей сетью фактически весь организм экономики СССР, необходимо компетентно, мудро и осторожно, то есть нравственно, памятуя о потенциальной опасности ядерной энергетики. Ибо еще Сократ сказал: «Каждый мудр в том, что хорошо знает».

Как же мог управлять ядерной энергетикой человек, который совершенно не знал этого сложного и опасного дела? Конечно, не боги горшки обжигают. Но ведь здесь не просто горшки, а ядерные реакторы, которые при случае сами могут здорово обжечь...

Но тем не менее А. И. Майорец, засучив рукава, взялся за это неизвестное ему дело и с легкой руки заместителя Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербины, выдвинувшего его на этот пост, стал «обжигать ядерные горшки».

Став министром, А. И. Майорец первым делом ликвидировал в Минэнерго СССР Главниипроект – главк, ведавший в министерстве энергетике проектированием и научно-исследовательскими работами, пустив этот важный сектор инженерной и научной деятельности на самотек.

Далее, за счет сокращения ремонтов оборудования электростанций повысил

коэффициент использования установленной мощности, резко снизив резерв наличных мощностей на электростанциях страны.

Частота в энергосистеме стала более стабильной, однако резко увеличился риск крупной аварии...

Заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина с трибуны расширенной Коллегии Минэнерго СССР в марте 1986 года (за месяц до Чернобыля) счел возможным отметить это достижение. Сам Щербина возглавлял тогда топливно-энергетическое направление в правительстве. Его похвала деятельности Майорца понятна.

Тут надо коротко сказать о Б. Е. Щербине как о человеке. Опытный администратор, беспощадно требовательный, автоматически перенесший в энергетику методы управления из газовой промышленности, где он долгое время был министром, жесткий и недостаточно компетентный в вопросах энергетики, особенно атомной, вот кто стал в правительстве во главе топливно-энергетического направления. Но хватка у этого невысокого шуплого человека была поистине мертвая. Кроме того, он обладал поистине удивительной способностью навязывать строителям АЭС свои сроки пуска энергоблоков, что не мешало ему, спустя время, обвинять их же за срыв «принятых обязательств».

При этом навязывание сроков пуска Щербина проводил без учета необходимого технологического времени на возведение атомных электростанций, монтаж оборудования и пусконаладочные работы.

Помню, 20 февраля 1986 года на совещании в Кремле директоров АЭС и начальников атомных строек сложился своеобразный регламент. Не более двух минут говорил отчитывающийся директор или начальник стройки и как минимум – тридцать пять – сорок минут прерывавший их Б. Е. Щербина.

Наиболее интересным было выступление начальника управления строительства Запорожской АЭС Р. Г. Хеноха, который набрался мужества и густым басом (бас на таком совещании расценивался как бестактность) заявил, что 3-й блок Запорожской АЭС будет пущен в лучшем случае не ранее августа 1986 года (реальный пуск состоялся 30 декабря 1986 года) из-за поздней поставки оборудования и неготовности вычислительного комплекса, к монтажу которого только приступили.

– Видали, какой герой! – возмутился Щербина. – Он назначает свои собственные сроки! – И повысил голос до крика: – Кто дал вам право, товарищ Хенох, устанавливать свои сроки взамен правительственных?!

– Сроки диктует технология производства работ, – упрямылся начальник стройки.

– Бросьте! – прервал его Щербина. – Не заводите рака за камень! Правительственный срок – май 1986 года. Извольте пускать в мае!

– Но только в конце мая завершат поставку специальной арматуры, – парировал Хенох.

– Поставляйте раньше, – поучал Щербина. И обратился к сидевшему рядом Майорцу: – Заметьте, Анатолий Иванович, ваши начальники строек прикрываются отсутствием оборудования и срывают сроки...

– Мы это пресечем, Борис Евдокимович, – пообещал Майорец.

– Непонятно, как без оборудования можно строить и пускать атомную станцию... Ведь оборудование поставляю не я, а промышленность через заказчика... – пробурчал Хенох и, огорченный, сел.

Уже после совещания, в фойе Кремлевского дворца, он сказал мне:

– В этом вся наша национальная трагедия. Лжем сами и учим лгать подчиненных. Ложь даже с благородной целью – все равно ложь. И до добра это не доведет...

Подчеркнем, что сказано это было за два месяца до Чернобыльской катастрофы.

В апреле же 1983 года я написал статью о ползучем планировании в атомном энергетическом строительстве и предложил ее в одну из центральных газет. (Ползучее планирование – это когда после срыва одного срока ввода объекта неоднократно назначается новый срок без организационных выводов в отношении работников, проваливших правительственное задание. Сползание по времени вправо идет зачастую много лет с

колоссальным превышением сметной стоимости строительства.) Статья принята не была. Приведу краткую выдержку из этой неопубликованной статьи.

«В чем же причины нереальности планирования в атомостроительной отрасли и стойких, десятилетиями продолжающихся срывов? Их три:

1. Некомпетентность работников, осуществляющих планирование вводов энергомошностей и управление атомостроительной отраслью.

2. Нереальность и как следствие ползучесть планирования, вызванные некомпетентностью оценок.

3. Неготовность машиностроительных министерств к производству в должном количестве и надлежащего качества оборудования для атомных станций.

Разберемся по порядку.

Атомное строительство, как и эксплуатация АЭС, бесспорно требуют глубокой компетентности. Как говорил 2 ноября 1982 года на Сессии Генеральной Ассамблеи ООН тогдашний министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, крупная авария на АЭС с разгерметизацией корпуса реактора равносильна по некоторым последствиям действию от взрыва мегатонной атомной бомбы.

Отсюда ясно, что управлять строительством и эксплуатацией АЭС должны подлинно знающие работники. И если в отношении эксплуатации АЭС это очевидно (хотя и тут мы имеем массу нарушений, приведших к Чернобылю), то в вопросах строительства атомных станций на первый взгляд кажется, что атомная компетентность тут вроде бы ни к чему. Мол, строительная часть, бери больше, кидай дальше, клади бетон, куда как проще... Но это только кажущаяся простота. (Ею были обмануты и Щербина, и Майорец, с такой легкостью ринувшийся в воду, не зная броду.)

Задача возведения атомного энергоблока с первого же куба бетона, уложенного в его основание, осложняется будущей радиоактивностью объекта, и более того – необходимостью своевременного ввода в строй действующих радиоактивных объектов, каковыми являются атомные станции.

Иными словами, компетентность имеет непосредственное отношение как к качеству и реальности плана, так и к безопасности атомных станций. Очевидные истины, но, к сожалению, о них приходится говорить. Ведь многие руководящие должности в атомной отрасли заняты не по праву...»

Так центральный аппарат Минэнерго СССР, включая министра и ряд его заместителей, в канун Чернобыля были некомпетентны в атомной специфике. Атомным направлением в энергетическом строительстве руководил 60-летний заместитель министра А. Н. Семенов, три года назад только поставленный на это сложное дело, будучи по образованию и многолетнему опыту работы строителем гидростанций. Только в январе 1987 года он был отстранен от руководства ходом строительства атомных станций по итогам 1986 года за срыв ввода энергомошностей.

Не лучшим образом обстояло дело и в руководстве эксплуатацией действующих атомных электростанций, которое в канун катастрофы осуществляло Всесоюзное промышленное объединение по атомной энергетике (сокращенно – ВПО Союзатомэнерго). Начальником его был Г. А. Веретенников, на эксплуатации АЭС никогда не работавший. Атомной технологии он не знал и после 15-летней работы в Госплане СССР решил пойти на живое дело (по итогам Чернобыля в июле 1986 года он был исключен из партии и снят с работы)...

Уже после Чернобыльской аварии Б. Е. Щербина с трибуны расширенной Коллегии Минэнерго СССР в июле 1986 года заявил, обращаясь к сидящим в зале энергетикам:

– Вы все эти годы шли к Чернобылю!

Если это так, то следует добавить, что Щербина и Майорец ускорили шествие к взрыву...

Здесь я считаю необходимым прерваться, чтобы познакомить читателя с выдержкой из любопытной статьи Ф. Олдса «О двух подходах к ядерной энергетике», опубликованной в

журнале «Павер Энжиниринг» еще в октябре 1979 года.

«...В то время как страны – члены Организации экономического сотрудничества и развития (СЭСР) сталкиваются с многочисленными затруднениями в ходе реализации своих ядерных программ, страны – члены СЭВ приступили к выполнению совместного плана, который предусматривает увеличение установленной мощности АЭС к 1990 году на 150000 МВт (это более чем одна треть современной мощности всех АЭС на земном шаре). В Советском Союзе намечено ввести 113 000 МВт.

На 30-й юбилейной Сессии СЭВ в июне 1979 года была разработана совместная программа. Похоже, что за этой решимостью осуществить планы развития атомной энергетики скрываются определенные опасения, вызванные возможной нехваткой нефти в будущем. СССР поставляет нефть странам Восточной Европы и, кроме того, экспортирует ее на Запад в количестве 130 тысяч тонн в сутки. (Тут надо добавить, что по состоянию на 1986 год СССР перекачивает на Запад 336 миллионов тонн условного топлива в год – нефть плюс газ. – Г. М.) Однако в 1978 году объем добычи нефти в СССР не достиг планового уровня. Видимо, это не произойдет в 1979 году. Согласно прогнозам, план добычи нефти едва ли будет выполнен и в 1980 году. Все говорит о том, что освоение гигантских нефтяных месторождений Сибири сопряжено с немалыми трудностями.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в своем выступлении на юбилейной Сессии СЭВ отметил, что развитие ядерной энергетики представляет собой ключ к решению энергетической проблемы.

Поступают сведения о том, что между СССР и ФРГ ведутся переговоры об экспорте в СССР оборудования и технологии. Вероятно, это должно будет способствовать скорейшему решению ядерной программы стран СЭВ. (Переговоры были прерваны из-за неприемлемых встречных условий западногерманской стороны. – Г. М.)

В начале 1979 года Румыния заключила с Канадой лицензионное соглашение на сумму 20 миллионов долларов о строительстве четырех ядерных реакторов типа КАНДУ единичной мощностью 600 МВт. Сообщается, что Куба намерена построить одну или несколько АЭС по советскому проекту. Специалисты полагают, что в этом проекте не предусмотрены такие обязательные на Западе элементы конструкции, как защитная оболочка реактора и дополнительная система охлаждения активной зоны. (Тут Ф. Олдс явно ошибся. На кубинских АЭС, строящихся по советским проектам, предусмотрены и защитные оболочки, и дополнительные системы охлаждения активной зоны. – Г. М.)

Академия наук СССР – этого, впрочем, следовало ожидать, – заверяет широкую общественность, что советские ядерные реакторы являются абсолютно надежными и что последствия аварии на АЭС Тримайл Айленд чрезмерно драматизированы в зарубежной печати. Выдающийся советский ученый-атомщик А. П. Александров, президент Академии наук СССР и директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова недавно дал интервью лондонскому корреспонденту газеты „Вашингтон Стар“. По его словам, неудача в освоении ядерной энергии может иметь тяжелые последствия для всего человечества.

А. П. Александров сожалеет о том, что США использовали случай на АЭС Тримайл Айленд в качестве предлога для замедления темпов дальнейшего развития ядерной энергетики. Он убежден, что мировые запасы нефти и газа иссякнут через 30–50 лет, поэтому необходимо строить АЭС во всех частях света, иначе неизбежно возникнут военные конфликты из-за обладания остатками минерального топлива. Он считает, что эти вооруженные столкновения произойдут только между капиталистическими странами, так как СССР будет к тому времени в изобилии обеспечен энергией атома.

Организации СЭСР и СЭВ – действуют в противоположных направлениях.

В промышленно развитых странах мира созданы две организации СЭСР и СЭВ, располагающие огромными запасами нефти. Любопытно, что они по-разному относятся к проблеме будущего обеспечения энергоресурсами.

СЭВ делает основной упор на развитие атомной энергетики и не придает большого значения перспективам использования солнечной энергии и другим вариантам постепенного

перехода к альтернативным источникам энергоснабжения. Так, ГДР рассчитывает в будущем удовлетворять свои потребности в энергии за счет этих источников не более чем на 20 процентов. Вопросам защиты окружающей среды отводится видное место, однако на первом плане – увеличение производительности оборудования и повышение уровня жизни населения.

Страны, входящие в СЭСР, разработали целый ряд собственных программ развития ядерной энергетики. Франция и Япония добились в этом отношении большего, чем все остальные. США и ФРГ пока занимают выжидательную позицию, Канада по многим причинам колеблется, а прочие государства не особенно спешат с выполнением своих программ.

На протяжении многих лет США лидировали среди стран – членов СЭСР и в области практического использования ядерной энергии, и по объему ассигнований на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Но затем это положение довольно быстро изменилось, и теперь развитие ядерной энергетики рассматривается в США не как приоритетная задача государственной важности, а всего лишь как крайнее средство решения энергетической проблемы. Главное внимание при обсуждении любого законопроекта, относящегося к энергетике, уделяется защите окружающей среды. Таким образом, ведущие страны – члены СЭСР и СЭВ занимают диаметрально противоположные позиции по отношению к развитию ядерной энергетики...»

Позиции, конечно, не диаметрально противоположные, особенно в вопросах, касающихся повышения безопасности АЭС. Ф. Олдс здесь допускает неточность. Обе стороны уделяют максимум внимания этому вопросу. Есть и бесспорные различия в оценках проблемы развития ядерной энергетики.

- чрезмерная критика и явное завышение опасности атомных станций в США;
- полное отсутствие в течение трех с половиной десятилетий критики и явно занижаемая опасность АЭС для персонала и окружающей среды в СССР.

Удивителен также явно выраженный конформизм советской общественности, безоглядно верившей заверениям академиков и других некомпетентных деятелей.

Не потому ли громом среди ясного неба свалился на нас и так многих перепыхал Чернобыль?

Перепыхал, да не всех. К сожалению, конформизм и легковерие продолжают. Что ж, верить легче, чем подвергать трезвому сомнению. Поначалу меньше хлопот...

На состоявшейся 4 ноября 1986 года в Бухаресте 41-й Сессии СЭВ, то есть через семь лет после опубликования статьи Ф. Олдса «О двух подходах к ядерной энергетике», вновь прозвучало уверенное слово участников Сессии о необходимости ускоренного развития атомной энергетики.

Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков в докладе на этой сессии, в частности, сказал:

«Трагедия в Чернобыле не только не перечеркнула перспективы ядерной энергетики в сотрудничестве, но, напротив, поставив в центр внимания вопросы обеспечения большей безопасности, укрепляет ее значение как единственного источника, гарантирующего надежное энергообеспечение на будущее... Социалистические страны еще более активно включаются в международное сотрудничество в этой области, исходя из предложений, внесенных нами в МАГАТЭ. Кроме того, мы будем строить атомные станции теплоснабжения, экономя ценное и дефицитное органическое топливо – газ и мазут».

Здесь следует подчеркнуть, что атомные станции теплоснабжения будут возводиться в пригородной черте крупных городов, и безопасности этих станций необходимо уделять особое внимание.

Энергичная постановка вопроса по развитию атомной энергетики как в СССР, так и в

странах СЭВ заставляет еще более пристально постигнуть черныбыльскый урок, что возможно только в случае предельно правдивого анализа причин, существа и последствий пережитой всеми нами, всем человечеством катастрофы на ядерной станции в Белорусско-Украинском Полесье. Попробуем это сделать, проследив день за днем, час за часом, как развивались события в предаварийные и аварийные дни и ночи.

25 апреля 1986 года

В канун катастрофы я работал заместителем начальника главного производственного управления Минэнерго СССР по строительству атомных электростанций.

18 апреля 1986 года я выехал на строящуюся Крымскую АЭС для инспекции хода строительно-монтажных работ.

25 апреля 1986 года, в 16 часов 50 минут вечера (за 8,5 часов до взрыва) на самолете Ил-86 я вылетел из Симферополя в Москву. Не припомню каких-либо предчувствий или беспокойства по поводу чего-либо. При взлете и посадке, правда, сильно чадило керосином. Это раздражало. В полете же воздух был идеально чистым. И только слегка беспокоило непрерывное тарактение плохо отрегулированного лифта, возившего вверх – вниз стюардесс и стюардов с прохладительными напитками. В их действиях было много суетолюки, и, казалось, они делали лишнюю работу.

Летели над Украиной, утопающей в цветущих садах. Пройдет каких-нибудь 7–8 часов, и наступит для этой земли, житницы нашей родины, новая эра, эра беды и ядерной грязи.

А пока я смотрел через иллюминатор на землю. В синеватой дымке внизу проплыл Харьков. Помню, пожалел, что Киев остался в стороне. Ведь там, в 130 километрах от столицы Украины, в семидесятые годы я работал заместителем главного инженера на первом энергоблоке Чернобыльской АЭС, жил в городе Припяти на улице Ленина, в первом микрорайоне, наиболее подвергшемся радиоактивному заражению после взрыва.

Чернобыльская АЭС расположена в восточной части большого региона, именуемого Белорусско-Украинским Полесьем, на берегу реки Припять, впадающей в Днепр. Места в основном равнинные, с относительно плоским рельефом, с очень небольшим уклоном поверхности в сторону реки и ее притоков.

Общая длина Припяти до впадения в Днепр – 748 километров, ширина около трехсот метров, скорость течения полтора метра в секунду, средний многолетний расход воды 400 кубометров в секунду. Площадь водосбора у створа атомной станции – 106 тысяч квадратных километров. Именно с этой площади радиоактивность будет уходить в грунт, а также смываться дождями и тальми водами в реки...

Хороша река Припять! Вода в ней коричневатая, видимо, потому, что вытекает из торфяных полесских болот, густо насыщена жирными кислотами, течение мощное, быстрое. Во время купания сильно сносит. Тело и руки непривычно стягивает, при потирании рукой кожа поскрипывает. Много поплавал я в этой воде и погреб на академических лодках. Обычно после работы приходил к эллингу, что на берегу старицы, выносил скиф-одиночку и часа два скользил по водной глади древней, как сама Русь, реки. Берега тихие, песчаные, поросшие молодым сосняком, вдали железнодорожный мост, по которому в восемь вечера громыхал пассажирский поезд «Хмельницкий – Москва».

И ощущение первозданной тишины и чистоты. Перестанешь грести, черпнешь рукой коричневатой воды, и ладонь сразу стянет от жирных болотных кислот, которые впоследствии, после взрыва реактора и радиоактивного выброса, станут хорошими коагулянтами – носителями радиоактивных частиц и осколков деления...

Но вернемся к характеристике местности, на которой расположена Чернобыльская АЭС. Это немаловажно.

Водоносный горизонт, который используется для хозяйственного водоснабжения рассматриваемого региона, залегает на глубине 10–15 метров относительно уровня реки Припять и отделен от четвертичных отложений почти непроницаемыми глинистыми

мергельями. Это означало, что радиоактивность, достигнув этой глубины, будет разноситься грунтовыми водами по горизонтали...

В районе Белорусско-Украинского Полесья плотность населения в целом небольшая. До начала строительства Чернобыльской атомной станции она составляла примерно 70 человек на один квадратный километр. В канун катастрофы в 30-километровой зоне вокруг атомной станции проживало уже около ста десяти тысяч человек, из которых почти половина – в городе Припяти, расположенном к западу от 3-километровой санитарной зоны АЭС, и тринадцать тысяч – в районном центре Чернобыле, в восемнадцати километрах к юго-востоку от атомной станции.

Я часто вспоминал этот славный городок атомных энергетиков. Он при мне строился почти с нуля. Когда я уезжал на работу в Москву, было уже заселено три микрорайона. Городок уютный, удобный для жизни и очень чистый. Часто можно было слышать от приезжих: «Какая прелесть Припять!» Сюда стремились и приезжали на постоянное место жительства многие отставники. Порою с большим трудом, через правительственные учреждения и даже суд, добивались права жить в этом райском уголке, сочетающем в себе прекрасную природу и удачные градостроительные находки.

Совсем недавно, 25 марта 1986 года, я приезжал в Припять с проверкой хода работ на строящемся 5-м энергоблоке Чернобыльской АЭС. Все та же свежесть чистого пьянящего воздуха, все те же тишина и уют, теперь уже не поселка, а города с пятидесятитысячным населением...

Киев и Чернобыльская АЭС остались северо-западнее трассы полета. Воспоминания отошли, и реальностью стал огромный салон авиалайнера. Два прохода, три ряда полупустых кресел. Почему-то ощущение, что находишься в большущем амбаре. И если крикнуть, то аукнется. Рядом со мной постоянный грохот и тарактенье снующего туда-сюда лифта. Создается впечатление, что я лечу не в самолете, а еду в огромном пустопорожнем тарантасе по голубой булыжной дороге. И в багажнике гремят бидоны от молока...

Домой из аэропорта «Внуково» добрался к девяти вечера. За пять часов до взрыва...

В этот же день, 25 апреля 1986 года, на Чернобыльской АЭС готовились к останову 4-го энергоблока на планово-предупредительный ремонт.

Во время остановки блока на ремонт по утвержденной главным инженером Н. М. Фоминым программе предполагалось провести испытания (с отключенными защитами реактора) в режиме полного обесточивания оборудования АЭС с использованием при этом механической энергии выбега ротора генератора (вращение по инерции) для выработки электроэнергии.

Кстати, проведение подобного опыта предлагалось многим атомным электростанциям, но из-за рискованности эксперимента все отказывались. Руководство Чернобыльской АЭС согласилось...

Зачем понадобился такой эксперимент?

Дело в том, что в случае полного обесточивания оборудования атомной станции, что может произойти в процессе работы, останавливаются все механизмы, в том числе и насосы, прокачивающие охлаждающую воду через активную зону атомного реактора. В результате происходит расплавление активной зоны, что равносильно предельной ядерной аварии.

Использование любых возможных источников электроэнергии в таких случаях и предусматривает эксперимент с выбегом ротора турбогенератора. Ведь пока вращается ротор генератора, вырабатывается электроэнергия. Ее можно и должно использовать в критических случаях.

Подобные испытания, но только с включенными в работу защитами реактора, проводились и раньше на других атомных станциях. И все проходило успешно. Мне также приходилось принимать в них участие.

Обычно программы таких работ готовятся заранее, согласовываются с главным конструктором реактора, генеральным проектировщиком электростанции, Госатом-

энергонадзором. Программа обязательно предусматривает в этих случаях резервное электроснабжение ответственных потребителей на время проведения эксперимента. Ибо обесточивание собственных нужд электростанций при выполнении испытаний только подразумевается, а не происходит на самом деле.

В таких случаях обязательно подключается электропитание собственных нужд от энергосистемы через рабочий и пуско-резервный трансформаторы, а также автономное энергоснабжение от двух резервных дизель-генераторов...

Для обеспечения ядерной безопасности в период проведения испытаний должна находиться в работе аварийная защита реактора (аварийное введение поглощающих стержней в активную зону), срабатывающая по превышению проектных уставок, а также система аварийной подачи охлаждающей воды в активную зону.

При надлежащем порядке выполнения работ и принятии дополнительных мер безопасности такие испытания на работающей АЭС не запрещались.

Тут же следует подчеркнуть, что испытания с выбегом ротора генератора следует проводить только после срабатывания аварийной защиты реактора (сокращенно АЗ), то есть с момента нажатия кнопки АЗ. Реактор перед этим должен находиться в стабильном, управляемом режиме, имея регламентный оперативный запас реактивности.

Программа, утвержденная главным инженером Чернобыльской АЭС Н. М. Фоминым, не соответствовала ни одному из перечисленных требований...

Несколько необходимых пояснений для широкого читателя.

Очень упрощенно активная зона реактора РБМК представляет собой цилиндр диаметром около четырнадцати метров и высотой семь метров. Внутри этот цилиндр плотно заполнен графитовыми колоннами, в каждой из которых имеется трубчатый канал. В эти-то каналы и загружается ядерное топливо. С торцевой стороны цилиндра активной зоны равномерно пронизан сквозными отверстиями (трубами), в которых перемещаются стержни регулирования, поглощающие нейтроны. Если все стержни внизу (то есть в пределах активной зоны), реактор заглушен. По мере извлечения стержней начинается цепная реакция деления ядер, и мощность реактора растет. Чем выше извлечены стержни, тем больше мощность реактора.

Когда реактор загружен свежим топливом, его запас реактивности (упрощенно – способность к росту нейтронной мощности) превышает способность поглощающих стержней к заглушению цепной реакции. В этом случае извлекается часть топливных кассет и на их место вставляются неподвижные поглощающие стержни (их называют дополнительными поглотителями – ДП) как бы на помощь подвижным стержням. По мере выгорания урана эти дополнительные поглотители извлекаются и на их место устанавливается ядерное топливо.

Однако остается непреложным правило: по мере выгорания топлива число погруженных в активную зону поглощающих стержней не должно быть менее двадцати восьми-тридцати штук (после Чернобыльской аварии это число увеличено до семидесяти двух), поскольку в любой момент может возникнуть ситуация, когда способность топлива к росту мощности окажется большей, чем поглощающая способность стержней регулирования.

Эти двадцать восемь-тридцать стержней, находящихся в зоне высокой эффективности, и составляют оперативный запас реактивности. Иными словами, на всех этапах эксплуатации реактора его способность к разгону не должна превышать способности поглощающих стержней заглушить цепную реакцию...

Короткая справка о самой станции. 4-й энергоблок Чернобыльской АЭС был введен в эксплуатацию в декабре 1983 года. К моменту остановки блока на планово-предупредительный ремонт, которая была запланирована на 25 апреля 1986 года, активная зона атомного реактора содержала 1659 топливных сборок (около двухсот тонн двуокиси урана), один дополнительный поглотитель, загруженный в технологический канал, и один незагруженный технологический канал. Основная часть тепловыделяющих сборок (75 процентов) представляла собой кассеты первой загрузки с глубиной выгорания, близкой к

максимальным значениям, что свидетельствует о максимальном количестве долгоживущих радионуклидов в активной зоне...

Испытания, намеченные на 25 апреля 1986 года, ранее уже проводились на этой станции. Тогда было выяснено, что напряжение на шинах генератора падает намного раньше, чем расходуется механическая энергия ротора генератора при выбеге. В планируемых испытаниях предусматривалось использование специального регулятора магнитного поля генератора, который должен был устранить этот недостаток.

Возникает вопрос, почему предыдущие испытания обошлись без ЧП? Ответ простой: реактор находился в стабильном, управляемом состоянии, весь комплекс защиты оставался в работе.

Но вернемся к рабочей программе испытаний турбогенератора № 8 Чернобыльской АЭС. Качество программы, как я уже говорил, оказалось низким, предусмотренный в ней раздел по мерам безопасности был составлен чисто формально. В нем указывалось лишь то, что в процессе испытаний все переключения на оборудовании делаются с разрешения начальника смены блока, а в случае возникновения аварийной ситуации персонал должен действовать в соответствии с местными инструкциями. Перед началом же испытаний руководитель электрической части эксперимента инженер-электрик Геннадий Петрович Метленко, не являющийся работником АЭС и специалистом по реакторным установкам, проводит инструктаж дежурной вахты.

Помимо того, что в программе по существу не были предусмотрены дополнительные меры безопасности, ею предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора (сокращенно САОР). Это означало, что в течение всего намеченного периода испытаний, то есть около четырех часов, безопасность реактора окажется существенно сниженной.

В силу того, что безопасности этих испытаний в программе не было уделено должного внимания, персонал к испытаниям готов не был, не знал о возможной опасности.

Кроме того, как это будет видно из дальнейшего, персонал АЭС допускал отклонения и от выполнения самой программы, создавая тем самым дополнительные условия для возникновения аварийной ситуации.

Операторы не представляли также в полной мере, что реактор РБМК, обладает серией положительных эффектов реактивности, которые в некоторых случаях срабатывают одновременно, приводя к так называемому «положительному останову», то есть к взрыву. Этот мгновенный мощностной эффект и сыграл свою роковую роль...

Но вернемся к самой программе испытаний. Попытаемся понять, почему она оказалась несогласованной с вышестоящими организациями, несущими, как и руководство атомной станции, ответственность за ядерную безопасность не только самой АЭС, но и государства.

В январе 1986 года эта программа была направлена директором АЭС В. П. Брюхановым Генеральному проектировщику в институт Гидропроект и в Госатомэнергонадзор. Однако ответа не последовало.

Ни дирекцию Чернобыльской АЭС, ни эксплуатационное объединение Союзатомэнерго не беспокоило подобное развитие ситуации. Не беспокоило это и Гидропроект, и Госатомэнергонадзор.

Тут же вроде можно позволить себе далеко идущие выводы: безответственность, халатность в указанных государственных учреждениях достигла такой степени, что все они сочли возможным отмолчаться, не применив никаких санкций, хотя и Генеральный проектировщик, и Генеральный заказчик (ВПО Союзатомэнерго), и Госатомэнергонадзор наделены такими правами. Более того – это их прямая обязанность. Но в этих организациях есть конкретные ответственные люди. Кто же они? Соответствуют ли возложенной на них ответственности?

Разберем по порядку.

В Гидропроекте – генпроектанте Чернобыльской АЭС за безопасность атомных станций отвечал В. С. Конвиз. Что это за человек? Опытный проектировщик гидростанций,

кандидат технических наук по гидротехническим сооружениям. Он же долгие годы (с 1972 по 1982) руководитель сектора проектирования АЭС, с 1983 года – ответственный за безопасность АЭС. Взявшись в семидесятые годы за проектирование атомных станций, Конвиз едва ли имел понятие о том, что такое атомный реактор, ядерную физику изучал по учебнику средней школы и привлек к работе по атомному проектированию специалистов гидротехников.

Тут, пожалуй, все ясно. Такой человек не мог предвидеть возможности катастрофы, заложенной в программе, да и в самом реакторе.

– Но почему же он взялся не за свое дело? – воскликнет недоумевающий читатель.

– Потому что престижно, денежно, удобно, – отвечу я. – А зачем за это дело взялись Майорец, Щербина? Этот вопрос и перечень имен можно продолжить...

В ВПО Союзатомэнерго – объединении Министерства энергетики и электрификации СССР, эксплуатирующем АЭС и фактически отвечающем за все действия эксплуатационного персонала, руководителем был Г. А. Веретенников, человек, никогда не работавший на эксплуатации атомных станций. С 1970 по 1982 годы он работал в Госплане СССР вначале главным специалистом, а затем начальником подотдела в Отделе энергетики и электрификации. Занимался вопросами планирования поставок оборудования для атомных станций. Дело поставок по разным причинам шло плохо. Из года в год недопоставлялось до 50 процентов запланированного оборудования.

Веретенников часто болел, у него была, как говорили, слабая голова, спазмировали сосуды мозга. Но внутренняя установка на занятие высокой должности была в нем, видимо, сильно развита. В 1982 году, включив все свои связи, он занял освободившуюся совмещенную должность заместителя министра – начальника объединения Союзатомэнерго. Она оказалась ему не по силам даже чисто физически. Снова начались спазмы сосудов мозга, обмороки, длительные лежания в кремлевской больнице.

Один из старых работников Главатомэнерго Ю. А. Измайлов шутил по этому поводу:

– У нас при Веретенникове отыскать атомщика в главке, понимающего толк в реакторах и ядерной физике, почти невозможно. Зато невероятно раздулись бухгалтерия, отдел снабжения и плановый отдел...

В 1984 году должность-приставку «замминистра» сократили, и Веретенников стал просто начальником объединения Союзатомэнерго. Удар этот был для него похлеще Чернобыльского взрыва. У него участились обмороки, и он вновь лег в больницу.

Начальник производственного отдела Союзатомэнерго Е. С. Иванов оправдывал незадолго до Чернобыля участвовавшие аварийные ситуации на атомных станциях:

– Ни одна АЭС не выполняет до конца технологический регламент. Да это и невозможно. Практика эксплуатации постоянно вносит свои коррективы...

Только ядерная катастрофа в Чернобыле решила судьбу Веретенникова. Его исключили из партии и освободили от должности начальника Союзатомэнерго. Приходится сожалеть, что наших бюрократов можно извлекать из мягких начальственных кресел лишь с помощью взрывов...

В Госатомэнергонадзоре собрался довольно грамотный и опытный народ во главе с председателем Комитета Е. В. Куловым, опытным физиком-ядерщиком, долгое время до того работавшим на атомных реакторах Минсредмаша. Но как ни странно, и Кулов оставил без внимания сырую программу испытаний из Чернобыля. Почему, спрашивается? Ведь Положением о Госатомэнергонадзоре, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 4 мая 1984 года № 409, предусматривалось, что главными задачами Комитета являются:

Государственный надзор за соблюдением всеми министерствами, ведомствами, предприятиями, организациями, учреждениями и должностными лицами установленных правил, норм и инструкций по ядерной и технической безопасности при проектировании, сооружении и эксплуатации объектов атомной энергетики.

Комитету дано также право, в частности, в пункте «ж»: применять ответственные меры,

вплоть до приостановки работы объектов атомной энергетики, при несоблюдении правил и норм безопасности, обнаружении дефектов оборудования, недостаточной компетентности персонала, а также в других случаях, когда создается угроза эксплуатации этих объектов...

Помнится, на одном из совещаний в 1984 году Е. В. Кулов, только назначенный тогда председателем Госатомэнергонадзора, так разъяснил собравшимся атомным энергетикам свои функции:

– Не думайте, что я буду за вас работать. Образно говоря, я милиционер. Мое дело: запрещать, отменять неправильные ваши действия...

К сожалению, и как «милиционер» Е. В. Кулов в случае с Чернобылем не сработал...

Что же помешало ему приостановить работы на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС? Ведь программа испытаний не выдерживала критики...

А Гидропроекту и Союзатомэнерго что помешало?

Никто не вмешался, будто сговорились. В чем же тут дело? А дело тут в заговоре умолчания. В отсутствии гласности отрицательного опыта. Нет гласности – нет уроков. Ведь об авариях на АЭС последние 35 лет никто друг друга не оповещал, никто не требовал учитывать опыт этих аварий в своей работе. Стало быть, аварий не было. Все безопасно, все надежно... Но не зря ведь Абуталиб сказал: «Кто выстрелит по Прошлому из пистолета, по тому Будущее выстрелит из пушки». Я бы перефразировал специально для атомных энергетиков: «по тому Будущее ударит взрывом атомного реактора... Ядерной катастрофой...»

Тут необходимо добавить еще одну деталь, которая не нашла отражения ни в одном из технических отчетов о происшедшем. Вот эта деталь: режим с выбегом ротора генератора, используемый в одной из подсистем быстродействующей системы аварийного охлаждения реактора (САОР), планировался заранее и не только нашел отражение в программе испытаний, но и был подготовлен технически. За две недели до эксперимента на панели блочного щита управления четвертого энергоблока была врезана кнопка «МПА» (максимальной проектной аварии), сигнал от нажатия которой задействовали лишь во вторичные электроцепи, но без контрольно-измерительных приборов и насосной части. То есть сигнал от этой кнопки был чисто имитационный и проходил «мимо» всех основных уставок и блокировок атомного реактора. Это была серьезная ошибка.

Поскольку началом максимальной проектной аварии считается разрыв всасывающего или напорного коллектора диаметром 800 миллиметров в прочно-плотном боксе, то уставками на срабатывание аварийной защиты (АЗ) и системы САОР являлись:

- снижение давления на всасывающей линии главных циркуляционных насосов,
- снижение перепада «нижние водяные коммуникации – барабаны-сепараторы»,
- повышение давления в прочно-плотном боксе.

При достижении этих уставок в нормальном случае срабатывает аварийная защита (АЗ). Все 211 штук поглощающих стержней падают вниз, врубается охлаждающая вода от емкостей САОР, включаются аварийные насосы техводоснабжения и разворачиваются дизель-генераторы надежного электропитания. Включаются также насосы аварийной подачи воды из бассейна-барбатера в реактор. То есть средств защиты более чем достаточно, если они задействованы и сработают в нужный момент...

Так вот – все эти защиты и надо было завести на кнопку «МПА». Но они, к великому сожалению, были выведены из работы из опасения теплового удара по реактору, то есть поступления холодной воды в горячий реактор. Эта хилая мысль, видимо, загипнотизировала и руководство АЭС (Брюханов, Фомин, Дятлов), и вышестоящие организации в Москве. Таким образом была нарушена святая святых атомной технологии. Ведь если максимальная проектная авария была предусмотрена проектом, значит, она могла произойти в любой момент. И кто же давал в таком случае право лишать реактор всех предусмотренных проектом и правилами ядерной безопасности защит? Никто не давал. Сами себе разрешили...

Но спрашивается, почему безответственность Госатомэнергонадзора, Гидропроекта и Союзатомэнерго не насторожила директора Чернобыльской АЭС Брюханова и главного

инженера Фомина? Ведь по несогласованной программе работать нельзя. Кто же такие Брюханов и Фомин? Что это за люди, что за специалисты?

Познакомился я с Виктором Петровичем Брюхановым зимой 1971 года, приехав на площадку строительства АЭС, в поселок Припять, прямо из московской клиники, где лечился по поводу лучевой болезни. Чувствовал я себя еще плохо, но ходить мог и решил, что, работая, приду в норму быстрее.

Дав подписку, что покидаю клинику по собственному желанию, я сел в поезд и утром уже был в Киеве. Оттуда на такси за два часа домчал до Припяти. В дороге несколько раз мутило сознание, тошнота, головокружение. Но тянуло к работе, назначение на которую получил незадолго до болезни.

Лечился я в той самой шестой клинике Москвы, куда через пятнадцать лет привезут смертельно облученных пожарников и людей эксплуатационного персонала, пострадавших при ядерной катастрофе четвертого энергоблока...

А тогда, в начале семидесятых, на месте будущей АЭС еще ничего не было. Рыли котлован под главный корпус. Вокруг – редкий молодой сосняк, как нигде в другом месте, пьянящий воздух. Эх, знать бы заранее, где не стоит начинать рыть котлованы!

Еще при подъезде к Припяти обратил внимание на песчаную холмистую местность, поросшую низкорослым лесом, частые проплешины чистого желтого песка на фоне темно-зеленого мха. Снега нет. В иных местах, пригретая солнцем, зеленела трава. Тишина и первозданность.

– Бросовые земли, – сказал таксист, – но древние. Здесь, в Чернобыле, князь Святослав невесту себе выбирал. Норовистая, говорят, была невеста... Более тысячи лет этому маленькому городку. А ведь выстоял, не умер...

Зимний день в поселке Припять был солнечный и теплый. Так здесь часто бывало и потом. Вроде зима, а все время весной пахнет. Таксист остановился возле длинного деревянного барака, в котором временно расположились дирекция строящейся АЭС и управление строительством.

Я вошел в барак. Пол прогибался и скрипел под ногами. Вот и кабинет директора – комнатенка площадью около шести квадратных метров. Такой же кабинет у главного инженера М. П. Алексеева, будущего зампреда Госатомэнергонадзора. По итогам Чернобыльской катастрофы ему будет объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. А пока...

Когда я вошел, Брюханов встал, невысокий, сильно кудрявый, темноволосый, с морщинистым загорелым лицом. Смущенно улыбаясь, пожал мне руку. Во всем облике его чувствовалось, что человек он мягкий, покладистый.

Позднее это первое впечатление подтвердилось, но открылись в нем еще некоторые другие стороны, в частности внутреннее упорство при недостатке знания людей, что заставляло его тянуться к многоопытным в житейском смысле, но порою не всегда чисто плотным работникам. Ведь тогда Брюханов был совсем молодой – тридцати шести лет от роду. По профессии и опыту работы он турбинист. С отличием окончил энергетический институт. Выдвинулся на Славянской ГРЭС (угольной станции), где хорошо проявил себя на пуске блока. Домой не уходил сутками, оперативно и грамотно решал вопросы. И вообще, я позже узнал, трудясь с ним бок о бок несколько лет, что инженер он хороший, сметливый, работоспособный, но вот беда – не атомщик. А это, оказывается, в конечном счете, как показал Чернобыль, самое главное. На атомной станции надо быть прежде всего профессионалом-атомщиком...

Курирующий Славянскую ГРЭС замминистра из Минэнерго Украины заметил Брюханова и выдвинул его кандидатуру на Чернобыль...

С общей образованностью, имею в виду широту кругозора, начитанность, гуманитарную культуру, у Брюханова было слабовато. Этим в какой-то мере объяснял я позже его стремление окружать себя сомнительными знатоками жизни...

А тогда, в 1971 году, я представился, и он обрадованно произнес:

– А, Медведев! Мы ждем вас. Скорее приступайте к работе.

Брюханов вышел из кабинета и позвал главного инженера.

Вошел Михаил Петрович Алексеев, успевший поработать здесь уже несколько месяцев. Приехал он в Припять с Белоярской АЭС, где работал заместителем главного инженера по третьему строящемуся блоку, который числился пока только на бумаге. Опыта атомной эксплуатации Алексеев не имел и до Белоярки 20 лет трудился на тепловых станциях. И как вскоре выяснилось, рвался в Москву, куда месяца через три после начала моей работы на Чернобыльской АЭС и уехал. О понесенном им наказании по итогам Чернобыля я уже рассказал ранее. Его начальник по московской работе, председатель Госатомэнергонадзора Е. В. Кулов понес более суровую кару. Его сняли с работы и исключили из партии. Такое же наказание до суда понес Брюханов...

Но это случилось через пятнадцать лет. А в течение этих пятнадцати лет произошли важные события, главным образом в кадровой политике на АЭС. Эту политику проводил и Брюханов. Она-то и привела, на мой взгляд, к 26 апреля 1986 года...

С первых же месяцев работы на Чернобыльской атомной станции (до нее я много лет работал начальником смены АЭС на другой станции) я приступил к формированию персонала цехов и служб. Предлагал Брюханову кандидатуры с многолетним стажем работы на атомных станциях. Как правило, Брюханов прямо не отказывал, но и на работу не принимал, исподволь предлагая или даже проводя на эти должности работников тепловых станций. Говорил при этом, что, по его мнению, на АЭС должны работать опытные станционники, хорошо знающие мощные турбинные системы, распредустройства и линии выдачи мощности.

С большим трудом, через голову Брюханова, заручившись поддержкой Главатомэнерго, мне удалось укомплектовать реакторный и спецхимический цеха нужными специалистами. Брюханов комплектовал турбинистов и электриков. Примерно в конце 1972 года на Чернобыльскую АЭС пришли работать Н. М. Фомин и Т. Г. Плохий. Первого Брюханов предложил на должность начальника электроцеха, второго – на должность заместителя начальника турбинного цеха. Оба эти человека прямые кандидатуры Брюханова, а Фомин, электрик по опыту работы и образованию, был выдвинут на Чернобыльскую атомную станцию с Запорожской ГРЭС (тепловая станция), до которой работал в Полтавских энергосетях. Называю эти две фамилии, ибо с ними через пятнадцать лет будут связаны две крупнейшие аварии в Балаково и Чернобыле...

Как заместитель главного инженера по эксплуатации я беседовал с Фоминым и предупредил его, что атомная станция предприятие радиоактивное и чрезвычайно сложное. Крепко ли он подумал, оставив электроцех Запорожской ГРЭС?

У Фомина красивая белозубая улыбка. Похоже, он знает это и улыбается почти непрерывно к месту и не к месту. Хитро улыбаясь, он ответил, что АЭС предприятие престижное, суперсовременное и что не боги горшки обжигают...

У него был довольно приятный напористый баритон, перемежавшийся в минуты волнения альтовыми нотками. Квадратная угловатая фигура, наркотический блеск темных глаз. В работе четок, исполнительен, требователен, импульсивен, честолобив, злопамятен. Походка и движения резкие. Чувствовалось, что внутренне он всегда сжат как пружина и готов для прыжка... Останавливаюсь на нем так подробно потому, что ему предстояло стать своеобразным атомным Геростратом, личностью в некотором роде исторической, с именем которой начиная с 26 апреля 1986 года будет связываться одна из страшнейших ядерных катастроф на АЭС...

Тарас Григорьевич Плохий, напротив, вял, обстоятелен, типичный флегматик, манера речи растянутая, нудная, но дотошен, упорен, работающ. О нем по первому впечатлению можно было бы сказать: тюха, размазня, если бы не его методичность и упорство в работе. К тому же многое скрадывала его близость к Брюханову (вместе работали на Славянской ГРЭС). В отсвете этой дружбы он казался многим более значительным и энергичным...

После моего отъезда из Припяти на работу в Москву Брюханов стал активно продвигать

Плохия и Фомина в руководящий эшелон Чернобыльской АЭС. Впереди шел Плохий. Он стал со временем заместителем главного инженера по эксплуатации, затем главным инженером. В этой должности он долго не задержался и по предложению Брюханова был выдвинут главным инженером на строящуюся Балаковскую АЭС, станцию с водо-водяным реактором, проекта которого он не знал, а в итоге, в июне 1985 года во время пусконаладочных работ, из-за халатности и разгильдяйства, допущенных эксплуатационным персоналом под его руководством, и грубого нарушения технологического регламента произошла авария, при которой живьем сварились четырнадцать человек. Трупы из кольцевых помещений вокруг шахты реактора вытаскивали к аварийному шлюзу и складывали к ногам бледного как смерть некомпетентного главного инженера...

А тем временем на Чернобыльской АЭС Брюханов продолжал двигать по службе Фомина. Тот прошел семимильными шагами должности заместителя главного инженера по монтажу и эксплуатации и вскоре заменил Плохия на посту главного инженера. Тут следует отметить, что Минэнерго СССР не поддерживало кандидатуру Фомина. На эту должность предлагали В. К. Бронникова, опытного реакторщика. Но Бронникова не утвердили в Киеве, называя его обыкновенным технарем. Мол-де, Фомин – жесткий, требовательный руководитель. Хотим его. И Москва уступила. Кандидатуру Фомина согласовали с отделом ЦК КПСС, и дело было решено. Цена этой уступки известна...

Тут бы надо было остановиться, осмотреться, задуматься над балаковским опытом, усилить бдительность и осторожность, но...

В конце 1985 года Фомин попадает в автокатастрофу и ломает себе позвоночник. Длительный паралич, крушение надежд. Но могучий организм справился с недугом, Фомин выздоровел и вышел на работу 25 марта 1986 года, за месяц до Чернобыльского взрыва. Я был в Припяти как раз в это время с инспекцией строящегося 5-го энергоблока, на котором дела шли неважно, ход работ сдерживался нехваткой проектной документации и технологического оборудования. Видел Фомина на совещании, которое мы собрали специально по 5-му энергоблоку. Он здорово сдал. Во всем облике его была какая-то заторможенность и печать перенесенных страданий. Автокатастрофа не прошла бесследно.

– Может, тебе лучше отдохнуть еще парочку месяцев, подлечиться? – спросил я его. – Травма-то серьезная.

– Да нет... Все нормально, – резко и как-то, мне показалось, деланно засмеялся он, при этом глаза у него, как и пятнадцать лет назад, имели выражение лихорадочное, злое, напряженное. – Работа не ждет...

И все же я считал, что Фомин нездоров, что это опасно не только для него лично, но и для атомной станции, для четырех ядерных энергоблоков, оперативное руководство которыми он осуществлял. Обеспокоенный, я решил поделиться своими опасениями с Брюхановым, но он тоже стал успокаивать меня: «Я думаю, ничего страшного. Он поправился. В работе скорее дойдет до нормы...»

Такая уверенность меня смутила, но я не стал настаивать. В конце концов, мое ли это дело? Человек, может, и вправду чувствует себя неплохо. К тому же теперь я занимался вопросами строительства АЭС. Эксплуатационные дела по нынешней должности меня не касались, и потому решать вопрос о снятии или временной замене Фомина я не мог. Ведь выписали его на работу врачи, опытные специалисты, знали, что делали... И все же, сомнение в моей душе было, и я не мог еще раз не обратить внимание Брюханова на, как мне казалось, факт нездоровья Фомина. Потом мы разговорились. Брюханов пожаловался, что на Чернобыльской АЭС много течей, не держит арматура, текут дренажи и воздушники. Общий расход течей почти постоянно составляет 50 кубометров радиоактивной воды в час. Еле успевают перерабатывать ее на выпарных установках. Много радиоактивной грязи. Сказал, что ощущает уже сильную усталость и хотел бы уйти куда-нибудь на другую работу...

Он недавно только вернулся из Москвы, с XXVII съезда КПСС, на котором был делегатом.

Но что же происходило на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС 25 апреля, пока я находился еще на Крымской станции, а потом летел на Ил-86 в Москву?

В 1 час 00 минут ночи 25 апреля 1986 года оперативный персонал приступил к снижению мощности реактора № 4, работавшего на номинальных параметрах, то есть на 3000 МВт тепловых.

Снижение мощности производилось по распоряжению заместителя главного инженера по эксплуатации второй очереди атомной станции А. С. Дятлова, готовившего четвертый блок к выполнению утвержденной Фоминым программы.

В 13 часов 05 минут того же дня турбогенератор № 7 был отключен от сети при тепловой мощности реактора 1600 МВт тепловых. Электропитание собственных нужд блока (четыре главных циркуляционных насоса, два питательных электронасоса и др.) было переведено на шины оставшегося в работе турбогенератора № 8, с которым и предстояло проводить задуманные Фоминым испытания.

В 14 часов 00 минут в соответствии с программой эксперимента от контура многократной принудительной циркуляции, охлаждающего активную зону, была отключена система аварийного охлаждения реактора (САОР). Это была одна из грубейших и роковых ошибок Фомина. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что сделано это было сознательно, чтобы исключить возможный тепловой удар при поступлении холодной воды из емкостей САОР в горячий реактор.

Ведь когда начнется разгон на мгновенных нейтронах, сорвут подачу воды главные циркуляционные насосы, и реактор останется без охлаждающей воды, 350 кубометров аварийной воды из емкостей САОР, возможно, спасли бы положение, погасив паровой эффект реактивности, самый весомый из всех. Кто знает, какой был бы итог. Но... Что не сделает некомпетентный в ядерных вопросах человек с острой внутренней установкой на лидерство, с желанием выделиться в престижном деле и доказать, что атомный реактор это не трансформатор и без охлаждения может работать...

Трудно сейчас предположить, какие тайные замыслы освещали сознание Фомина в те роковые часы, но отключить систему аварийного охлаждения реактора, которая в критические секунды, быть может, спасла бы от взрыва, резко снизив паросодержание в активной зоне, мог только человек, совершенно не понимающий нейтронно-физических процессов в атомном реакторе или, по меньшей мере, крайне самонадеянный.

Но тем не менее, это было сделано, и сделано, как мы уже знаем, сознательно. Видимо, гипнозу самонадеянности, идущей вразрез с законами ядерной физики, поддались и заместитель главного инженера по эксплуатации А. С. Дятлов, и весь персонал службы управления четвертого энергоблока. В противном случае хотя бы кто-нибудь один должен был в момент отключения САОР опомниться и крикнуть:

– Отставить! Что творите, братцы! Гляньте вокруг. Рядом, рукой подать, древние города: Чернобыль, Киев, Чернигов, плодороднейшие земли нашей страны, цветущие сады Украины и Белоруссии... В Припятском родильном доме регистрируются новые жизни! В чистый мир они должны прийти, в чистый! Опомнитесь!

Но никто не опомнился, никто не крикнул. САОР была спокойноенько отключена, задвижки на линии подачи воды в реактор заранее обесточены и закрыты на замок, чтобы в случае надобности не открыть их даже вручную. А то ведь сдуру и открыть могут, и 350 кубометров холодной воды ударит по раскаленному реактору... Но ведь в случае максимальной проектной аварии в активную зону все равно пойдет холодная вода. Здесь из двух зол нужно выбирать меньшее. Лучше подать холодную воду в горячий реактор, нежели оставить раскаленную активную зону без воды. Ведь снявши голову, по волосам не плачут. Вода САОР поступает как раз тогда, когда ей надо поступить, и тепловой удар тут несоизмерим со взрывом...

Психологически вопрос очень сложный. Ну, конечно же, конформизм операторов, отвыкших самостоятельно думать, халатность и разгильдяйство, которые проникли, утвердились в службе управления АЭС и стали нормой. Еще – неуважение к атомному

реактору, который воспринимался эксплуатационниками чуть ли не как тульский самовар, может, чуть сложнее. Забвение золотого правила работников взрывоопасных производств: «Помни! Неверные действия – взрыв!» Был тут и электротехнический крен в мышлении, ведь главный инженер – электрик, к тому же после тяжелой спинномозговой травмы, последствия которой для психики не остались бесследными. Бесспорен и недосмотр психиатрической службы медсанчасти Чернобыльской АЭС, которая должна зорко следить за психическим состоянием атомных операторов, а также руководства АЭС, и вовремя отстранять их от работы в случае необходимости...

И тут снова надо напомнить, что система аварийного охлаждения реактора (САОР) была выведена из работы сознательно, чтобы избежать теплового удара по реактору при нажатии кнопки «МПА». Стало быть, Дятлов и операторы были уверены, что реактор не подведет. Самонадеянность? Да. Именно здесь начинаешь думать, что эксплуатационники не представляли до конца физики реактора, не предвидели крайнего развития ситуации. Думаю, что сравнительно успешная работа Чернобыльской АЭС в течение десяти лет также способствовала размагничиванию людей. И даже тревожный сигнал – частичное расплавление активной зоны на первом энергоблоке этой станции в сентябре 1982 года – не послужил должным уроком. И не мог послужить. Ведь долгие годы аварии на атомных станциях скрывались, хотя эксплуатационники разных АЭС друг от друга отчасти узнавали о них. Но не придавали должного значения, «Раз уж начальство помалкивает – нам сам бог велел». Более того – аварии воспринимались уже как неизбежные, хоть и неприятные спутники атомной технологии.

Десятилетиями ковалась уверенность атомных операторов, которая со временем превратилась в самонадеянность и возможность полного попрания законов ядерной физики и требований технологического регламента, иначе...

Однако начало эксперимента откладывалось. По требованию диспетчера Киевэнерго в 14 часов 00 минут 25 апреля 1986 года вывод блока из работы был задержан.

В нарушение технологического регламента эксплуатация четвертого энергоблока в это время продолжалась с отключенной системой аварийного охлаждения реактора (САОР), хотя формально повод для такой работы был: наличие кнопки «МПА» и преступное при этом блокирование защит из-за опасения при ее нажатии заброса холодной воды в горячий реактор...

В 23 часа 10 минут (начальником смены четвертого энергоблока в это время был Юрий Трегуб) снижение мощности было продолжено.

В 24 часа 00 минут Юрий Трегуб сдал смену Александру Акимову, а его старший инженер управления реактором (сокращенно СИУР) сдал смену старшему инженеру управления реактором Леониду Топтунову...

Тут возникает вопрос: а если бы эксперимент проводился в смену Трегуба, произошел бы взрыв реактора? Думаю, что нет. Реактор находился в стабильном, управляемом состоянии, оперативный запас реактивности был более 28 поглощающих стержней, уровень мощности – 1700 МВт тепловых. Но завершение опыта взрывом могло произойти и в этой вахте, если бы при отключении системы локального автоматического регулирования (сокращенно ЛАР) старший инженер управления реактором (СИУР) смены Трегуба допустил бы ту же ошибку, что и Топтунов, а допустив ее, стал бы подниматься из «йодной ямы»...

Трудно сказать, что бы случилось, но хочется надеяться, что СИУР смены Юрия Трегуба сработал бы профессиональнее Леонида Топтунова и проявил бы большее упорство в отстаивании своей правоты. Так что человеческий фактор налицо...

Но события развивались так, как их запрограммировала Судьба. И кажущаяся отсрочка, которую дал нам диспетчер Киевэнерго, сдвинув испытания с 14 часов 25 апреля на 1 час 23 минуты 26 апреля, оказалась на самом деле лишь прямым путем к взрыву...

В соответствии с программой испытаний выбег ротора генератора с нагрузкой собственных нужд предполагалось произвести при мощности 700—1000 МВт тепловых. Тут необходимо подчеркнуть, что такой выбег следовало производить в момент глушения

реактора, ибо при максимальной проектной аварии аварийная защита реактора (АЗ) по пяти аварийным уставкам падает вниз и глушит аппарат. Но был выбран другой, катастрофически опасный путь – производить выбег ротора генератора при работающем реакторе. Почему был выбран такой опасный режим, остается загадкой. Можно только предположить, что Фомин желал чистого опыта...

Дальше произошло вот что. Надо пояснить, что поглощающими стержнями можно управлять всеми сразу или по частям, группами. При отключении одной из таких локальных систем, что предусмотрено регламентом эксплуатации атомного реактора на малой мощности, СИУР Леонид Топтунов не смог достаточно быстро устранить появившийся разбаланс в системе регулирования (в ее измерительной части). В результате этого мощность реактора упала до величины ниже 30 МВт тепловых. Началось отравление реактора продуктами распада. Это было начало конца...

Тут коротко следует охарактеризовать заместителя главного инженера по эксплуатации второй очереди Чернобыльской АЭС Анатолия Степановича Дятлова. Высокий, худощавый, с маленьким угловатым лицом, с гладко зачесанной назад серой от седины шевелюрой и уклончивыми, глубоко запавшими тусклыми глазами, А. С. Дятлов появился на атомной станции где-то в середине 1973 года. Его анкету передал мне Брюханов для изучения загодя. От Брюханова же и пришел Дятлов ко мне на собеседование некоторое время спустя.

По анкете значилось, что работал он заведующим физлабораторией на одном из предприятий Дальнего Востока, где, насколько можно было судить по анкете, занимался небольшими корабельными атомными установками. В беседе с ним это подтвердилось.

– Исследовал физические характеристики активных зон малых реакторов, – сказал он тогда.

На АЭС никогда не работал. Тепловых схем станции и уран-графитовых реакторов не знает.

– Как будете работать? – спросил я его. – Объект для вас новый.

– Выучим, – сказал он как-то натужно, – задвижки там, трубопроводы... Это проще, чем физика реактора...

Странная манера держаться: нагнутая вперед голова, ускользающий взгляд мрачноватых серых глаз, натужная прерывистая речь. Казалось, он с большим трудом выдавливал из себя слова, разделяя их значительными паузами. Слушать его было нелегко, характер в нем ощущался тяжелый.

Я доложил Брюханову, что принимать Дятлова на должность начальника реакторного цеха нельзя. Управлять операторами ему будет трудно не только в силу черт характера (искусством общения он явно не владел), но и по опыту предшествующей работы: чистый физик, атомной технологии не знает.

Брюханов выслушал меня молча. Сказал, что подумает. Через день вышел приказ о назначении Дятлова заместителем начальника реакторного цеха. Где-то Брюханов прислушался к моему мнению, назначив Дятлова на более низкую должность. Однако направление «реакторный цех» – осталось. Тут, я думаю, Брюханов допустил ошибку, и как показала жизнь – роковую...

Прогноз относительно Дятлова подтвердился: неповоротлив, тугодум, тяжел и конфликтен с людьми...

Пока я работал на Чернобыльской АЭС, Дятлов по службе не продвигался. Более того, впоследствии я планировал перевести его в физлабораторию, где он был бы на месте.

После моего отъезда Брюханов стал двигать Дятлова, он стал начальником реакторного цеха, а затем и заместителем главного инженера по эксплуатации второй очереди атомной станции.

Приведу характеристики, данные Дятлову его подчиненными, проработавшими с ним бок о бок много лет.

Давлетбаев Разим Ильгамович – заместитель начальника турбинного цеха

четвертого блока:

«Дятлов человек непростой, тяжелый характер. В отличие от основного контингента руководства АЭС вел себя обособленно. Особо не утруждал себя. Фактически техническое руководство блоком взяли на себя начальники цехов и их заместители. Если необходимо было решать вопросы, касающиеся участия нескольких подразделений, – они решались „по горизонтальным связям“. Дятлова это устраивало, нас – нет. Но другого выхода не было, так как он всячески уходил от трудных вопросов, даже вопросы пуска и освоения четвертого блока прошли без его помощи и реального руководства. Душой за состояние дел Дятлов не болел, хотя носил маску сурового и требовательного руководителя. Операторы его не уважали. Он отвергал все предложения и возражения, которые требовали его усилий. Подготовкой операторов не занимался. Требовал, чтобы цеха сами их готовили. Он лишь вел учет их количества. На экзаменах стал присутствовать через полтора года после пуска четвертого блока, хотя как председатель комиссии должен был это делать еще до пуска блока. За ошибки персонала и непослушание наказывал строго, применяя метод окриков и нагнетания нервозности на БЩУ и технических совещаниях. В существо вопросов вдавался долго, хотя инженерный потенциал у него был достаточный. Реакторную установку, похоже, знал. Технологию других цехов знал ограниченно. Под его руководством работа выполнялась без чувства удовлетворения. В обстановке, отвлеченной от работы, был общителен, располагающий к себе собеседник, не лишенный своеобразного юмора. Упрямый, нудный, не держит слова...»

Смагин Виктор Григорьевич – начальник смены четвертого блока:

«Дятлов человек тяжелый, замедленный. Подчиненным обычно говорил: – Я сразу не наказываю. Я обдумываю поступок подчиненного не менее суток и, когда уже не остается в душе осадка, принимаю решение...»

Костяк физиков-управленцев Дятлов собрал с Дальнего Востока, где сам работал начальником физлаборатории. Орлов, Ситников (оба погибли) тоже оттуда. И многие другие – друзья-товарищи по прежней работе... Бывал Дятлов несправедлив, даже подл. Перед пуском блока, в период монтажа и пусконаладки у меня была возможность съездить подучиться. „Тебе учиться нечего, – сказал мне Дятлов. – И так все знаешь. А они вот (двое других) пусть учатся. Они мало знают...“ В итоге – мы тянули во время монтажа и пусконаладочных работ основной воз, а когда настало время раздавать должности и оклады, то большие оклады дали тем, кто учился. Когда я напомнил Дятлову об его обещании, он сказал:

– Они учились, а вы нет...

Общая тенденция на Чернобыльской АЭС до взрыва, которую четко проводил в жизнь Дятлов, – „дрючить“ оперативный персонал смен, шадить и поощрять дневной (неоперативный) персонал цехов. Обычно больше аварий было в турбинном зале, меньше – в реакторном отделении. Отсюда размагниченное отношение к реактору. Мол, надежней, безопасней...»

В. Г. Смагин о Н. М. Фомине:

«Работоспособен, самолюбив, напорист, тщеславен, злопамятен, зол, иногда справедлив. Голос – приятный баритон, при волнении порою срывается на альт, но в основном переходит в красивый басок...»

Так вот – способен ли был Дятлов к мгновенной, единственно правильной оценке ситуации в момент ее перехода в аварию? Думаю, что не способен. Более того, в нем, видимо, не был в достаточной степени развит необходимый запас осторожности и чувства опасности, столь нужных руководителю атомных операторов. Зато самонадеянности, неуважения к операторам и технологическому регламенту – хоть отбавляй...

Именно эти качества развернулись в Дятлове в полную силу, когда при отключении

системы локального автоматического регулирования (ЛАР) старший инженер управления реактором (СИУР) Леонид Топтунов не сумел удержать реактор на мощности 1500 МВт и «упал» до 30 МВт тепловых.

Топтунов совершил грубую ошибку. При такой малой мощности начинается интенсивное отравление реактора продуктами распада (ксенон, йод). Восстановление параметров становится затрудненным или даже невозможным. Все это означало: проведение эксперимента с выбегом ротора срывается, что сразу поняли все атомные операторы, в том числе СИУР Леонид Топтунов, начальник смены блока Александр Акимов. Понял это и заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов.

В помещении блочного щита управления четвертого энергоблока создалась довольно-таки драматическая ситуация. Обычно замедленный Дятлов с несвойственной ему прытью забегал вокруг панелей пульта операторов, изрыгая матюки и проклятия. Сиплый тихий голос его обрел теперь гневное металлическое звучание.

– Японские караси! Не умеете! Бездарно провалились! Срываете эксперимент! Мать вашу перемать!

Гнев его можно было понять. Реактор отравляется продуктами распада. Надо или немедленно поднимать мощность, или ждать сутки, пока он разотравится. И надо было ждать... Ах, Дятлов, Дятлов! Не учел ты, что отравление активной зоны идет быстрее, чем ты предполагал. Остановись! Может, и минет человечество Чернобыльская катастрофа...

Но он не желал останавливаться. Метая громы и молнии, носился по помещению блочного щита управления и терял драгоценные минуты. Надо же немедленно поднимать мощность!

Но Дятлов продолжал разряжаться.

СИУР Леонид Топтунов и начальник смены блока Акимов задумались, и было над чем. Дело в том, что падение мощности до столь низких значений произошло с уровня 1500 МВт, то есть с 50-процентной величины. Оперативный запас реактивности при этом составлял 28 стержней (то есть 28 стержней были погружены в активную зону). Восстановление параметров еще было возможно... Технологический регламент запрещал подъем мощности, если падение происходило с 80-процентной величины при том же запасе реактивности, ибо отравление в этом случае идет более интенсивно. Но уж больно близки были значения 80 и 50 процентов. Время шло, реактор отравлялся. Дятлов продолжал браниться. Топтунов бездействовал. Ему было ясно, что подняться до прежнего уровня мощности, то есть до 50 процентов, ему вряд ли удастся, а если и удастся, то с резким уменьшением числа погруженных в зону стержней, что требовало немедленной остановки реактора. Стало быть... Топтунов принял единственно правильное решение.

– Я подниматься не буду! – твердо сказал Топтунов. Акимов поддержал его. Оба изложили свои опасения Дятлову.

– Что ты брешь, японский карась! – накинулся Дятлов на Топтунова, – После падения с 80 процентов по регламенту разрешается подъем через сутки, а ты упал с 50 процентов! Регламент не запрещает. А не будете подниматься, Трегуб поднимется... – Это была уже психическая атака (Юрий Трегуб – начальник смены блока, сдавший смену Акимову и оставшийся посмотреть, как идут испытания, был рядом). Неизвестно, правда, согласился бы он поднимать мощность. Но Дятлов рассчитал правильно, Леонид Топтунов испугался окрика начальства, изменил своему профессиональному чутью. Молод, конечно, всего 26 лет от роду, неопытен. Эх, Топтунов, Топтунов... Но он уже прикидывал:

«Оперативный запас реактивности 28 стержней... Чтобы компенсировать отравление, придется подвыдернуть еще пять-семь стержней из группы запаса... Может, проскочу... Ослушаюсь – уволют...» (Топтунов рассказал об этом в Припятской медсанчасти незадолго до отправки в Москву.)

Леонид Топтунов начал подъем мощности, тем самым подписав смертный приговор себе и многим своим товарищам. Под этим символическим приговором четко видны также подписи Дятлова и Фомина. Разборчиво видна подпись Брюханова и многих других, более

высокопоставленных товарищей...

И все же, справедливости ради, надо сказать, что смертный приговор был предопределен в некоторой степени и самой конструкцией реактора типа РБМК. Нужно было только обеспечить стечение обстоятельств, при которых возможен взрыв. И это было сделано...

Но мы забегаем несколько вперед. Было, было еще время одуматься. Но Топтунов продолжал подъем мощности реактора. Только к 1 часу 00 минут 26 апреля 1986 года ее удалось стабилизировать на уровне 200 МВт тепловых. В этот период продолжалось отравление реактора продуктами распада, дальнейший подъем мощности был затруднен из-за малого оперативного запаса реактивности, который к тому моменту был гораздо ниже регламентного. (По отчету СССР в МАГАТЭ он составлял 6–8 стержней, по заявлению умирающего Топтунова, который смотрел распечатку машины «Скала» за семь минут до взрыва, – 18 стержней.)

Чтобы читателю было понятно, напомним, что под оперативным запасом реактивности понимается определенное число погруженных в активную зону поглощающих стержней, находящихся в области высокой дифференциальной эффективности. (Он определяется пересчетом на полностью погруженные стержни.) Для реактора типа РБМК оперативный запас реактивности принят 30 стержней. При этом скорость ввода отрицательной реактивности при срабатывании аварийной защиты реактора (АЗ) составляет 1в (одну бету) в секунду, что достаточно для компенсации положительных эффектов реактивности при нормальной работе реактора.

Надо сказать, что, отвечая на мои вопросы, начальник смены блока № 4 ЧАЭС В. Г. Смагин рассказал, что минимально допустимое регламентное значение оперативного запаса реактивности реактора 4-го блока составляло 16 стержней. Реально же, как сообщил А. С. Дятлов в своем письме уже из мест заключения, на момент нажатия кнопки «АЗ» – было 12 стержней.

Качественной картины эти сведения не изменяют: реальный оперативный запас реактивности был ниже регламентного. Сам же технологический регламент, испачканный радиоактивностью, был доставлен в Москву, в комиссию по расследованию аварии, и 16 стержней в регламенте обернулись тридцатью стержнями в отчете СССР в МАГАТЭ. Не исключено также, что в регламенте число стержней оперативного запаса реактивности, вопреки рекомендации Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, было занижено с 30 до 16 стержней на самой электростанции, что позволяло операторам манипулировать большим количеством стержней регулирования. Возможности по управлению в этом случае вроде бы расширяются, однако вероятность перехода реактора в нестабильное состояние резко возрастает...

Но вернемся к нашему анализу.

Фактически оперативный запас реактивности составлял 6–8 стержней по отчету в МАГАТЭ и 18 стержней по свидетельству Топтунова, что значительно снижало эффективность аварийной защиты реактора, который стал в силу этого малоуправляемым.

Объясняется это тем, что Топтунов, выходя из «йодной ямы», извлек несколько стержней из группы неприкосновенного запаса...

И все же испытания решено было продолжить, хотя реактор был уже фактически малоуправляемым. Видимо, велика была уверенность старшего инженера управления реактором Топтунова и начальника смены блока Акимова – главных ответственных за ядерную безопасность реактора и АЭС в целом. Правда, у них были сомнения, были попытки неподчинения Дятлову в роковой момент принятия решения, но все же главным на фоне всего этого была прочная внутренняя уверенность в успехе. Надежда на то, что не подведет и на этот раз выручит реактор. Была тут, как я уже говорил, и инерция привычного конформистского мышления. Ведь за 35 минувших лет аварий на АЭС, носящих глобальный характер, не было. А о тех, что были, никто и слухом не слыхивал. Все тщательно скрывалось. Отсутствовал у ребят негативный опыт минувшего. Да и сами операторы были

молоды и недостаточно бдительны. Но не только Топтунов и Акимов (они заступили в ночь), но и операторы всех предшествующих смен 25 апреля 1986 года не проявили должной ответственности и с легкой душой пошли на грубое нарушение технологического регламента и правил ядерной безопасности.

Действительно, нужно было полностью потерять чувство опасности, забыть, что главным на АЭС является атомный реактор, его активная зона. Основным мотивом в поведении персонала было стремление быстрее закончить испытания. Я бы сказал, что здесь не было и должной любви к своему делу, ибо таковая обязательно предполагает глубокую вдумчивость, подлинный профессионализм и бдительность. Без этого за управление столь опасным устройством, как атомный реактор, лучше не браться.

Нарушения установленного порядка при подготовке и проведении испытаний, небрежность в управлении реакторной установкой – все это говорит о том, что операторы неглубоко понимали особенность технологических процессов, протекающих в ядерном реакторе. Не все, видимо, представляли специфику конструкции поглощающих стержней...

До взрыва оставалось двадцать четыре минуты пятьдесят восемь секунд...

Подытожим грубейшие нарушения, как заложенные в программу, так и допущенные в процессе подготовки и проведения испытаний:

- стремясь выйти из «йодной ямы», снизили оперативный запас реактивности ниже допустимой величины, сделав тем самым аварийную защиту реактора неэффективной;

- ошибочно отключили систему ЛАР, что привело к провалу мощности реактора ниже предусмотренного программой; реактор оказался в трудноуправляемом состоянии;

- подключили к реактору все восемь главных цирк-насосов (ГЦН) с аварийным превышением расходов по отдельным ГЦН, что сделало температуру теплоносителя близкой к температуре насыщения (выполнение требований программы);

- намереваясь при необходимости повторить эксперимент с обесточиванием, заблокировали защиты реактора по сигналу остановки аппарата при отключении двух турбин;

- заблокировали защиты по уровню воды и давлению пара в барабанах-сепараторах, стремясь провести испытания, несмотря на неустойчивую работу реактора. Защита по тепловым параметрам была отключена;

- отключили системы защиты от максимальной проектной аварии, стремясь избежать ложного срабатывания САОР во время проведения испытаний, тем самым потеряв возможность снизить масштабы вероятной аварии;

- заблокировали оба аварийных дизель-генератора а также рабочий и пуско-резервный трансформаторы, отключив блок от источников аварийного электропитания и от энергосистемы, стремясь провести «чистый опыт», а фактически завершив цепь предпосылок для предельной ядерной катастрофы...

Все перечисленное обретало еще более зловещую окраску на фоне ряда неблагоприятных нейтронно-физических параметров реактора РБМК, имеющего положительный паровой эффект реактивности 2в (две беты), положительный температурный эффект реактивности, а также порочную конструкцию поглощающих стержней системы управления защитой реактора (сокращенно СУЗ).

Дело в том, что при высоте активной зоны, равной семи метрам, поглощающая часть стержня имела длину пять метров, а ниже и выше поглощающей части находились метровой длины полые участки. Нижний же концевик поглощающего стержня, уходящий при полном погружении ниже активной зоны, заполнен графитом. При такой конструкции находящиеся сверху стержни регулирования при вводе их в реактор входят в активную зону вначале нижним графитовым концевиком, затем в зону попадает пустотелый метровый участок и только после этого поглощающая часть. Всего на Чернобыльском 4-м энергоблоке 211 поглощающих стержней. По данным отчета СССР в МАГАТЭ – 205 стержней находились в крайнем верхнем положении, по свидетельству СИУРа Топтунова сверху находилось 193 стержня. Одновременное введение такого количества стержней в активную зону дает в

первый момент всплеск положительной реактивности из-за обезвоживания каналов СУЗ, поскольку в зону вначале входят графитовые концевики (длина 5 метров) и пустотелые участки метровой длины, вытесняющие воду. Всплеск реактивности достигает при этом половины беты и при стабильном, управляемом реакторе не страшен. Однако при совпадении неблагоприятных факторов эта добавка может оказаться роковой, ибо потянет за собой неуправляемый разгон.

Возникает вопрос: знали об этом операторы или находились в святом неведении? Думаю, отчасти знали. Во всяком случае, обязаны были знать. СИУР Леонид Топтунов в особенности. Но он молодой специалист, знания не вошли еще в плоть и кровь...

А вот начальник смены блока Александр Акимов мог я не знать, потому что СИУРом никогда не работал. Но конструкцию реактора он изучал, сдавал экзамены на рабочее место. Впрочем, эта тонкость в конструкции поглощающего стержня могла пройти мимо сознания всех операторов, ибо напрямую не связывалась с опасностью для жизни людей. А ведь именно в образе этой конструкции и притаились до времени смерть и ужас Чернобыльской ядерной катастрофы.

Думаю также, что вчерне конструкцию стержня представляли Брюханов, Фомин и Дятлов, не говоря уже о конструкторах-разработчиках реактора, но вот не подумали, что будущий взрыв спрятался в каких-то концевых участках поглощающих стержней, которые являются наиглавнейшей системой защиты ядерного реактора. Убило то, что должно было защитить, потому и не ждали отсюда смерти...

Но ведь конструировать реакторы надо так, чтобы они при непредвиденных разгонах самозатухали. Это правило – святая святых конструирования ядерных управляемых устройств. И надо сказать, что водо-водяной реактор Нововоронежского типа отвечает этим требованиям.

Да, ни Брюханов, ни Фомин, ни Дятлов не довели до своего сознания возможность такого развития событий. А ведь за десять лет эксплуатации АЭС можно дважды закончить физико-технический институт и до тонкостей освоить ядерную физику. Но это в случае, если по-настоящему изучать и болеть душой за дело, а не почивать на лаврах...

Тут читателю надо коротко пояснить, что атомным реактором возможно управлять только благодаря доле запаздывающих нейтронов, которая обозначается греческой буквой β (бета). По правилам ядерной безопасности скорость увеличения реактивности безопасна при 0,0065 в, эффективное в каждые 60 секунд. При избыточной реактивности, равной уже 0,5 в, начинается разгон на мгновенных нейтронах...

Те же нарушения регламента и защит реактора со стороны оперативного персонала, о которых я говорил выше, грозили высвобождением реактивности, равной по меньшей мере 5 в, что означало фатальный взрывной разгон.

Представляли всю эту цепочку Брюханов, Фомин, Дятлов, Акимов, Топтунов? Первые двое наверняка всей этой цепочки не представляли. Последние трое – теоретически должны были знать, практически, думаю, нет, что подтверждают их безответственные действия.

Акимов же вплоть до самой смерти 11 мая 1986 года повторял, пока мог говорить, одну мучившую его мысль:

– Я все делал правильно. Не понимаю, почему так произошло.

Все что говорит еще и о том, что противоаварийные тренировки на АЭС, теоретическая и практическая подготовка персонала велись из рук вон плохо, и в основном в пределах примитивного управленческого алгоритма, не учитывающего глубинные процессы в активной зоне атомного реактора в каждый данный оперативный отрезок времени.

Возникает вопрос – как же докатились до такой размагниченности, до такой преступной халатности? Кто и когда заложил в программу нашей судьбы возможность ядерной катастрофы в Белорусско-Украинском Полесье? Почему именно уран-графитовый реактор был выбран к установке в 130 километрах от столицы Украины Киева?

Вернемся на пятнадцать лет назад, в октябрь 1972 года, когда я работал заместителем главного инженера на Чернобыльской атомной станции. Уже в то время у многих возникали

подобные вопросы.

В один из дней октября 1972 года мы с Брюхановым поехали на газике в Киев по вызову тогдашнего министра энергетики Украинской ССР А. Н. Макухина, который и выдвинул Брюханова на пост директора Чернобыльской АЭС. Сам Макухин по образованию и опыту работы – теплоэнергетик.

По дороге в Киев Брюханов сказал мне:

– Не возражаешь, если выкроим часок-другой, прочтешь министру и его замам лекцию об атомной энергетике, о конструкции ядерного реактора? Постарайся популярнее, а то они, как и я, в атомных станциях мало понимают...

– С удовольствием, – ответил я.

Министр энергетики Украинской ССР Алексей Наумович Макухин держался очень начальственно. Каменное выражение на прямоугольном лице отпугивало. Говорил отрывисто. Речь самоуверенного прораба.

Я рассказал собравшимся об устройстве Чернобыльского реактора, о компоновке атомной станции и об особенностях АЭС данного типа.

Помню, Макухин спросил:

– На ваш взгляд, реактор выбран удачно или? Я имею в виду – рядом все же Киев...

– Мне думается, – ответил я, – для Чернобыльской АЭС больше подошел бы не уран-графитовый, а водо-водяной реактор Нововоронежского типа. Двухконтурная станция чище, меньше протяженность трубопроводных коммуникаций, меньше активность выбросов. Словом, безопасней...

– А вы знакомы с доводами академика Доллежала? Он ведь не советует выдвигать реакторы РБМК в Европейскую часть страны... Но вот что-то неотчетливо аргументирует этот свой тезис. Вы читали его заключение?

– Читал... Ну что я могу сказать... Доллежал прав. Выдвигать не стоит. У этих реакторов большой сибирский опыт работы. Они там зарекомендовали себя, если можно так выразиться, с «грязной стороны». Это серьезный аргумент...

– А почему же Доллежал не проявил настойчивость в отстаивании своей идеи? – спросил Макухин.

– Не знаю, Алексей Наумович, – развел я руками, – видимо, нашлись силы помощнее академика Доллежала...

– А какие же у Чернобыльского реактора проектные выбросы? – уже озабоченней спросил Макухин.

– До четырех тысяч кюри в сутки.

– А у Нововоронежского?

– До ста кюри в сутки. Разница существенная.

– Но ведь академики... Применение этого реактора утверждено Совмином... Анатолий Петрович Александров хвалит этот реактор как наиболее безопасный и экономичный. Вы, товарищ Медведев, сгустили краски. Но ничего... Освоим... Не боги горшки обжигают... Эксплуатационникам и предстоит организовать дело так, чтобы наш первый украинский реактор был чище и безопасней Нововоронежского...

В 1982 году А. Н. Макухин был переведен на работу в центральный аппарат Минэнерго СССР на должность первого заместителя министра по эксплуатации электростанций и сетей.

14 августа 1986 года, уже по итогам Чернобыльской катастрофы, решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за непринятие должных мер по повышению надежности эксплуатации Чернобыльской АЭС первому заместителю министра энергетики и электрификации СССР А. Н. Макухину был объявлен строгий партийный выговор без снятия с работы.

А ведь еще тогда, в 1972 году, можно было сменить тип Чернобыльского реактора на водо-водяной и тем самым резко уменьшить возможность того, что случилось в апреле 1986 года. И слово министра энергетики УССР было бы здесь не последним.

Следует упомянуть еще об одном характерном эпизоде. В декабре 1979 года, уже

работая в Москве, в атомостроительном объединении Союзатомэнергострой, я выехал с инспекционной поездкой на Чернобыльскую АЭС для контроля хода строительства 3-го энергоблока.

В работе совещания атомостроителей принимал участие тогдашний первый секретарь Киевского обкома КПУ Владимир Михайлович Цыбулько. Он долго молчал, внимательно слушая выступавших, затем сам выступил с речью. Его обожженное лицо со следами келлоидных рубцов (во время войны он был танкистом и горел в танке) густо покраснело. Он смотрел в пространство перед собой, не останавливая взгляд на ком-либо, и говорил тоном человека, не привыкшего к возражениям. Но в голосе его проскакивали и отеческие нотки, нотки заботы и добрых пожеланий. Я слушал и невольно думал о том, как легко непрофессионалы в атомной энергетике готовы разглагольствовать о сложнейших вопросах, природа которых им неясна, готовы давать рекомендации и «управлять» процессом, в котором равным счетом ничего не смыслят.

– Посмотрите, товарищи, какой прекрасный город Припять, глаз радуется, – сказал первый секретарь Киевского обкома, делая частые паузы (перед тем речь на совещании шла о ходе строительства третьего энергоблока и о перспективах строительства всей АЭС). – Вы говорите – четыре энергоблока. А я скажу так – мало! Я бы построил здесь восемь, двенадцать, а то и все двадцать атомных энергоблоков!.. А что?! И город вымахнет до ста тысяч человек. Не город, а сказка... Вы имеете прекрасный обкатанный коллектив атомных строителей и монтажников. Чем открывать площадку на новом месте, давайте строить здесь...

Во время одной из его пауз кто-то из проектировщиков вклинился и сказал, что чрезмерное скопление в одном месте большого числа атомных активных зон чревато серьезными последствиями, ибо снижает ядерную безопасность государства как в случае военного конфликта и нападения на атомные станции, так и в случае предельной ядерной аварии...

Дельная реплика осталась незамеченной, зато предложение товарища Цыбулько было подхвачено с энтузиазмом как директивное указание.

Вскоре началось строительство третьей очереди Чернобыльской АЭС, приступили к проектированию четвертой...

Однако 26 апреля 1986 года было не за горами, и взрыв атомного реактора четвертого энергоблока одним махом вырубил из единой энергосистемы страны четыре миллиона киловатт установленной мощности и прекратил строительство пятого энергоблока, ввод которого был реален в 1986 году.

Теперь представим, что мечта В. М. Цыбулько была бы осуществлена. Если бы это случилось, то 26 апреля 1986 года все двенадцать энергоблоков были бы выбиты из энергосистемы на длительный срок, обезлюдел бы город со стотысячным населением и ущерб государству исчислялся бы не восемью, а как минимум двадцатью миллиардами рублей.

Следует также упомянуть, что взорвался энергоблок № 4, спроектированный Гидропроектом, с расположением взрывоопасного прочно-плотного бокса и бассейна-барбатера под атомным реактором. В свое время, будучи председателем экспертной комиссии по этому проекту, я категорически возражал против такой компоновки и предлагал непременно убрать взрывоопасное устройство из-под реактора. Однако мнение экспертизы было тогда проигнорировано. Как показала жизнь, взрыв произошел как в самом реакторе, так и в прочно-плотном боксе...¹

26 апреля 1986 года

Вернувшись вечером 25 апреля из командировки на Крымскую АЭС, я просмотрел все

¹ Подробно об экспертизе этого проекта я рассказал в своей повести «Экспертиза», опубликованной в советско-болгарском журнале «Дружба» за 1986 год, № 6.

свои записи и протоколы совещаний, подробнее остановившись на конспекте заседания бюро Крымского обкома КПСС 23 апреля 1986 года, в работе которого принимал участие.

Перед заседанием Бюро обкома я имел беседы с заведующим промышленным отделом обкома В. В. Курашиком и секретарем обкома по промышленности В. И. Пигаревым. Меня удивило тогда, что оба товарища задали мне почти один и тот же вопрос; не опрометчиво ли строительство атомной станции в Крыму, в курортной здравнице страны? Неужели нет других мест в Советском Союзе?

– Есть, – ответил я. – Есть много бросовых и малозаселенных или вообще незаселенных земель-неудобий, где можно было бы строить атомные электростанции...

– Так почему же?... Кто решает так?..

– Министр энергетики, Госплан СССР... А проектирует распределение мощностей по территории страны «Энергосетьпроект», сообразуясь с потребностями в энергии в том или ином районе...

– Но ведь мы тянем на тысячи километров линии электропередач из Сибири в Европейскую часть страны, неужели...

– Да, вы правы.

– Значит, в Крыму можно не строить?

– Можно.

– И нужно... – сказал Пигарев, печально улыбнувшись. – Но будем строить... – уже деловито поправился секретарь обкома.

– Да, будем.

– Об этом и будет сегодня принципиальный разговор на Бюро. Строители и дирекция работают вяло, срывают плановые показатели. Такое положение терпеть дальше нельзя... – Пигарев как-то просительно посмотрел на меня: – Обрисуйте мне, пожалуйста, как в действительности обстоят дела на стройке, чтобы я мог поубедительней выступить на Бюро обкома.

Я проанализировал ситуацию. Секретарь убедительно выступил.

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года все будущие ответственные за ядерную катастрофу в Чернобыле спокойно спали. И министры Майорец и Славский, и президент Академии наук СССР А. П. Александров, и председатель Госатомэнергонадзора Е. В. Кулов, и даже директор Чернобыльской АЭС В. П. Брюханов, и главный инженер станции Н. М. Фомин. Спала Москва и вся ночная половина земного шара. А тем временем в помещении блочного щита управления четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции происходили поистине исторические события.

Напомню, что смена Александра Акимова заступила на вахту в 24 часа 00 минут, то есть за 1 час 25 минут до взрыва. Многие из заступивших на смену не доработают до утра. Двое погибнут сразу...

Итак, в 1 час 00 минут 26 апреля 1986 года мощность атомного реактора 4-го энергоблока из-за грубого нажима заместителя главного инженера А. С. Дятлова была стабилизирована на уровне 200 МВт тепловых. Продолжалось отравление реактора продуктами распада, дальнейший подъем мощности был невозможен, оперативный запас реактивности был значительно ниже регламентного и, как я уже говорил ранее, по словам СИУРа Леонида Топтунова составлял 18 стержней. Этот расчет дала ЭВМ «Скала» за семь минут до нажатия кнопки «АЗ» (аварийной защиты).

Следует отметить, что реактор находился в неуправляемом состоянии и был взрывоопасен. Это означало, что нажатие кнопки «АЗ» в любое из оставшихся мгновений до известной уже нам исторической точки момента взрыва привело бы к неуправляемому фатальному разгону. Воздействовать на реактивность было нечем.

До взрыва оставалось еще 17 минут 40 секунд. Это очень большое время. Почти вечность. Историческая вечность. Ведь мысль летит со скоростью света. Сколько можно передумать за эти 17 минут 40 секунд, всю жизнь вспомнить, всю историю человечества. Но,

к сожалению, это было всего лишь время движения к взрыву...

В 1 час 03 минуты и в 1 час 07 минут дополнительно к шести работавшим главным циркуляционным насосам (ГЦН) было включено еще по одному насосу с каждой стороны. При этом имелось в виду, что после окончания эксперимента в контуре циркуляции осталось бы четыре насоса для надежного охлаждения активной зоны.

Тут надо разъяснить читателю, что гидравлическое сопротивление активной зоны и контура принудительной циркуляции имеет прямую зависимость от мощности реактора. А поскольку мощность реактора была мала (всего 200 МВт тепловых), гидравлическое сопротивление активной зоны тоже было низкое. В работе же находились все восемь главных циркуляционных насосов, суммарный расход воды через реактор возрос до 60 тысяч кубических метров в час, при норме 45 тысяч метров кубических в час, что является грубым нарушением регламента эксплуатации. При таком режиме работы насосы могут сорвать подачу, возможно возникновение вибрации трубопроводов контура вследствие кавитации (вскипание воды с сильными гидроударами).

Резкое увеличение расхода воды через реактор привело к уменьшению парообразования, падению давления пара в барабанах-сепараторах, куда поступает пароводяная смесь из реактора, к нежелательному изменению других параметров.

Старший инженер управления реактором Леонид Топтунов, начальник смены блока Александр Акимов и старший инженер управления блоком Борис Столярчук пытались вручную поддерживать параметры реактора: давление пара и уровень воды в барабанах-сепараторах, однако в полной мере сделать это не смогли. В это время в барабанах-сепараторах наблюдались провалы по давлению пара на 5–6 атмосфер и провалы по уровню воды ниже аварийной уставки. А. Акимов с согласия А. С. Дятлова приказал заблокировать сигналы аварийной защиты по этим параметрам.

Спрашивается, можно ли было в этой ситуации избежать катастрофы? Можно. Надо было только категорически отказаться от проведения эксперимента, подключить к реактору систему аварийного охлаждения реактора (САОР), задействовать аварийные дизель-генераторы, зарезервировав таким образом электропитание на случай полного обесточивания. Вручную ступенями приступить к снижению мощности реактора, вплоть до его полной остановки, ни в коем случае не сбрасывая аварийную защиту, ибо это было равносильно взрыву...

Но этот шанс не был использован. Реактивность реактора продолжала медленно падать...

В 1 час 22 минуты 30 секунд (за полторы минуты до взрыва) СИУР Леонид Топтунов по распечатке программы быстрой оценки запаса реактивности увидел, что он составлял величину, требующую немедленной остановки реактора. То есть те самые 18 стержней вместо необходимых двадцати восьми. Некоторое время он колебался. Ведь бывали случаи, когда вычислительная машина ошибалась. Тем не менее Топтунов доложил обстановку Акимову и Дятлову.

Еще не поздно было прекратить эксперимент и осторожно вручную снизить мощность реактора, пока цела активная зона. Но этот шанс был упущен, и испытания начались. При этом нужно подчеркнуть, что все операторы, кроме Топтунова и Акимова, которых все же смутили данные вычислительной машины, были спокойны и уверены в своих действиях. Спокоен был и Дятлов. Он прохаживался вдоль помещения блочного щита управления и потираливал ребят:

– Еще две-три минуты, и все будет кончено. Веселей, парни!

В 1 час 23 минуты 04 секунды старший инженер управления турбиной Игорь Кершенбаум по команде Г. П. Метленко: «Осциллограф включен!» закрыл стопорно-дроссельные клапаны восьмой турбины, и начался выбег ротора генератора. Одновременно была нажата и кнопка «МПА» (максимальной проектной аварии). Таким образом, оба турбоагрегата – седьмой и восьмой – были отключены. Имеющаяся аварийная защита

реактора по отключению двух турбин была заблокирована, чтобы иметь возможность повторить испытания, если первая попытка окажется неудачной. Тем самым было сделано еще одно отступление от программы испытаний, в которой не предусматривалась блокировка аварийной защиты реактора по отключению двух турбоагрегатов. Но весь парадокс заключался в том, что если бы действия операторов были в данном случае правильными, а блокировка не выведена, то по отключению второй турбины сработала бы аварийная защита, и взрыв настиг бы нас на полторы минуты раньше...

В этот же момент, то есть в 1 час 23 минуты 04 секунды, началось запаривание главных циркуляционных насосов и произошло уменьшение расхода воды через активную зону. В технологических каналах реактора вскипел теплоноситель. Процесс при этом развивался вначале медленно, и через некоторое время после начала испытаний стала медленно повышаться мощность. Кто знает, может быть, рост мощности и в дальнейшем оказался бы плавным, кто знает...

Старший инженер управления реактором Леонид Топтунов первым заметил рост мощности и забил тревогу.

– Надо бросать аварийную защиту, Александр Федорович, разгоняемся, – сказал он Акимову.

Акимов быстро посмотрел распечатку вычислительной машины. Процесс развивался медленно. Да, медленно... Акимов колебался. Был, правда, и другой сигнал: восемнадцать стержней вместо двадцати восьми, но... Начальник смены блока испытывал сложные чувства. Ведь он не хотел подниматься после падения мощности до 30 МВт. Не хотел... До ощущения тошноты, до слабости в ногах не хотел. Не сумел, правда, противостоять Дятлову. Характера не хватило. Скрепя сердце, подчинился. А когда подчинился, пришла уверенность. Поднял мощность реактора из нерегламентного состояния и все это время ждал достаточно серьезной новой причины для нажатия кнопки аварийной защиты. Теперь, похоже, такое время настало.

Можно также предположить, что блокировка на срабатывание аварийной защиты была заведена на кнопку «МПА», при нажатии которой стержни «АЗ» вниз почему-то не пошли.

Это могло послужить причиной того, что Акимов в 1 час 23 минуты 40 секунд нажал кнопку «АЗ», пытаясь продублировать аварийный сигнал...

Но это только предположение. Документальных подтверждений или свидетельств очевидцев на этот счет пока нет...

– Бросаю аварийную защиту! – крикнул Акимов и протянул руку к красной кнопке.

В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены блока Александр Акимов нажал кнопку аварийной защиты пятого рода, по сигналу которой в активную зону вошли все регулирующие стержни, находившиеся сверху, а также стержни собственно аварийной защиты. Но прежде всего в зону вошли те роковые концевые участки стержней, которые дают приращение реактивности половину беты из-за обезвоживания каналов СУЗ. И они вошли в реактор как раз в тот момент, когда там началось обширное парообразование, также дающее мощное приращение реактивности. Тот же эффект дал рост температуры активной зоны. Сошлись воедино три неблагоприятных для активной зоны фактора.

Последовательность развития аварии могла быть несколько иной. При относительно спокойных параметрах и падающем расходе теплоносителя (снижались обороты выбегающего ротора) введение в активную зону стержней СУЗ (положительная реактивность более 0,5 р) явилось провоцирующим фактором. Вскипел теплоноситель, добавив свою составляющую (до 4 (3), плюс температурный эффект. Далее – лавинный разгон, взрыв...

В любом случае эти проклятые 0,5 в и были той последней каплей, которая переполнила «чашу терпения» реактора.

Вот тут-то Акимову и Топтунову надо было бы повременить, не нажимать кнопку, тут-то, ой, как пригодилась бы система аварийного охлаждения реактора (САОР), которая была отключена, закрыта на цепь и опломбирована, тут бы надо было им срочно заняться главными циркуляционными насосами, подать во всасывающую линию холодную воду, сбить

кавитацию, прекратить запаривание и тем самым подать воду в реактор и уменьшить парообразование, а стало быть, высвободить избыточную реактивность. Тут бы им обеспечить включение дизель-генераторов и рабочего трансформатора, чтобы подать электропитание на электродвигатели ответственных потребителей, но увы!.. Такая команда перед нажатием кнопки аварийной защиты дана не была.

Была нажата кнопка, и начался разгон реактора на мгновенных нейтронах...

Стержни пошли вниз, однако почти сразу же остановились. Вслед за тем со стороны центрального зала донеслись удары. Леонид Топтунов растерянно переминался на месте. Начальник смены блока Александр Акимов, увидев, что стержни-поглотители прошли всего лишь 2–2,5 метра вместо положенных семи, рванулся к пульту оператора и обесточил муфты сервоприводов, чтобы стержни упали в активную зону под действием собственной тяжести. Но этого не произошло. Видимо, каналы реактора деформировались, и стержни заклинило...

Потом реактор будет разрушен. Значительную часть топлива, реакторного графита и других внутриреакторных конструкций взрывом выбросит наружу. Но на сельсинах-указателях положения стержней-поглотителей блочного щита управления четвертого энергоблока, как на знаменитых часах в Хиросиме, стрелки навечно застынут в промежуточном положении, показывая глубину погружения 2–2,5 метра вместо положенных семи, и в таком положении будут захоронены в укрытие...

Время 1 час 23 минуты 40 секунд...

В момент нажатия кнопки «АЗ-5» (аварийная защита пятого рода) пугающе вспыхнула яркая подсветка шкал сельсинов-указателей. Даже у самых опытных и хладнокровных операторов в такие секунды сжимается сердце. В недрах активной зоны началось уже разрушение реактора, но это еще не взрыв. До времени «икс» оставалось двадцать секунд...

Напомню, что на блочном щите управления 4-м энергоблоком в это время находились: начальник смены блока Александр Акимов, старший инженер управления реактором Леонид Топтунов, заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов, старший инженер управления блоком Борис Столярчук, старший инженер управления турбиной Игорь Кершенбаум, заместитель начальника турбинного цеха блока № 4 Разим Давлетбаев, начальник лаборатории Чернобыльского пусконаладочного предприятия Петр Паламарчук, начальник смены блока Юрий Трегуб, сдавший смену Акимову, старший инженер управления турбиной из предыдущей смены Сергей Газин, стажеры СИУРа из других смен Виктор Проскуряков и Александр Кудрявцев, а также представитель «Донтехэнерго» Геннадий Петрович Метленко и два его помощника, находившихся в соседних неоперативных помещениях БЩУ, поблизости.

В задачу Метленко и его группы входило снятие электрических характеристик генератора во время выбега ротора. Сам Метленко, находясь в помещении блочного щита управления, должен был следить за темпом падения оборотов ротора генератора по тахометру. Странная судьба выпала на долю этого человека, фактически оставшегося в тени. Ничего не понимая в атомном реакторе, Метленко стал фактическим руководителем электроэксперимента, приведшего к тяжелейшей ядерной катастрофе. Он даже не знал лично людей, с которыми вышел на работу в ту роковую ночь. Позднее Г. П. Метленко рассказывал:

«Я не знал операторов. Я впервые увидел их, нас свел в ту ночь эксперимент. Я сутки ждал опыта. Он мог быть и в предыдущую смену. Мне надо было снять показания... Во время взрывов ничего не понимал. У операторов запомнилось – недоумение. Почему так произошло?..»

Что испытывали Акимов и Топтунов – операторы атомного технологического процесса – в момент, когда на полпути застряли поглощающие стержни и раздались первые грозные удары со стороны центрального зала? Трудно сказать, потому что оба оператора погибли мучительной смертью от радиации, не оставив на этот счёт никаких свидетельств.

Но представить, что испытывали они, можно. Мне знакомо чувство, переживаемое операторами в первый момент аварии. Неоднократно бывал в подобной ситуации, когда

работал на эксплуатации атомных электростанций.

В первый миг: онемение, в груди все обрушивается лавиной, обдает холодной волной невольного страха, прежде всего оттого, что застигнут врасплох и вначале не знаешь, что делать, пока стрелки самописцев и показывающих приборов разбегаются в разные стороны, а твои глаза враздрай вслед за ними, когда неясна еще причина и закономерность аварийного режима, когда одновременно (опять же невольно) думается где-то в глубине, третьим планом, об ответственности и последствиях случившегося. Но уже в следующее мгновение наступает необычайная ясность головы и хладнокровие. Следствие – быстрые и точные действия по локализации аварии...

Топтунов, Дятлов, Акимов, Столярчук – в замешательстве. Кершенбаум, Метленко, Давлетбаев ничего не понимают в ядерной физике, но тревога операторов передалась им тоже.

Поглощающие стержни остановились на полпути, не идут вниз даже после того, как начальник смены блока Акимов обесточил муфты сервоприводов. Со стороны центрального зала слышны резкие удары, пол дрожит. Но это еще не взрыв...

Время 1 час 23 минуты 40 секунд... Покинем на эти, оставшиеся до взрыва, двадцать секунд блочный щит управления четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС...

В этот самый момент в центральный зал четвертого энергоблока, на отметку плюс пятьдесят (балкон в районе узла развески свежего топлива), вошел с обходом начальник смены реакторного цеха акимовской вахты Валерий Иванович Перевозченко. Он посмотрел на перегрузочную машину, застывшую у противоположной стены, на дверь в стене, за которой в небольшом помещении находились операторы центрального зала Кургуз и Генрих, на пол центрального зала, осмотрел бассейны выдержки топлива, битком набитые выгруженным отработавшим топливом, на «пяточок» реактора...

«Пяточок» – так называется круг пятнадцатиметрового диаметра, состоящий из двух тысяч кубиков. Эти кубики в совокупности представляют собой верхнюю биологическую защиту реактора. Каждый из таких кубиков весом 350 килограммов насаживается в виде шапки на головку технологического канала, в котором находится топливная кассета. Вокруг пяточка нержавеющей пол, образованный коробами биозащиты, перекрывающей собою помещения пароводяных трубопроводов, идущих от реактора к барабанам-сепараторам.

И вдруг Перевозченко вздрогнул. Начались сильные и частые гидроудары, и 350-килограммовые кубики (у них еще есть проектное название «сборка одиннадцать») начали подпрыгивать и опускаться на головки каналов, будто тысяча семьсот человек стали подбрасывать вверх свои шапки. Вся поверхность пяточка ожила, заходила ходуном в дикой пляске. Вздрагивали и прогибались короба биозащиты вокруг реактора. Это означало, что хлопки гремучей смеси уже происходили под ними...

Обдирая руки и больно ударяясь об углы поручней, Перевозченко бросился по крутой, почти вертикальной винтовой лестнице вниз, на отметку плюс десять, в переходный коридор, соединяющий помещения главных циркуляционных насосов. Фактически он провалился, чуть притормаживая себя на лету, в яму глубиной сорок метров.

С гулко бьющимся сердцем, с паническим чувством в душе, сознавая, что происходит что-то ужасное, непоправимое, на слабевших от невольного страха ногах он побежал влево, к выходу на деаэрационную этажерку, где за спасительным поворотом, в двадцати метрах от двери, начинался стометровый коридор, посередине которого был вход в помещение блочного щита управления четвертого энергоблока. Он спешил туда, чтобы доложить Акимову о происходящем в центральном зале...

В то мгновение, когда Перевозченко выскочил в соединительный коридор, в дальнем конце помещения главных циркуляционных насосов находился машинист Валерий Ходемчук. Он следил за поведением насосов в режиме выбега ротора генератора. Насосы сильно трясло, и Ходемчук собирался сообщить об этом Акимову, но тут грохнул взрыв...

На отметке плюс двадцать четыре, в 604-м киповском помещении, расположенном под

питательным узлом реактора, дежурил с приборами наладчик с Чернобыльского пусконаладочного предприятия Владимир Шашенок. Он снимал показания приборов в режиме выбега и поддерживал телефонную связь с блочным щитом управления и вычислительным комплексом «Скала»...

Что же происходило в реакторе? Чтобы это понять, надо вернуться немного назад и проследить цепочку действий операторов.

В 1 час 23 минуты параметры реактора были наиболее близки к стабильным. За минуту до этого старший инженер управления блоком Борис Столярчук резко снизил расход питательной воды на барабаны-сепараторы, что, естественно, повлекло увеличение температуры воды на входе в реактор.

После того как был закрыт стопорно-регулирующий клапан и отключен турбогенератор № 8, начался выбег ротора. Из-за уменьшения расхода пара из барабанов-сепараторов его давление стало слабо расти, со скоростью 0,5 ат/секунду. Суммарный расход через реактор начал падать из-за того, что все восемь главных циркуляционных насосов работали от выбегающего турбогенератора. Их тряску и наблюдал Валерий Ходемчук (не хватало энергии, мощность насосов падала пропорционально снижению оборотов генератора, соответственно падала и подача воды в реактор).

Повышение давления пара, с одной стороны, и снижение расхода воды через реактор, а также подачи питательной воды в барабаны-сепараторы – с другой, явились конкурирующими факторами, определившими паросодержание в активной зоне, а следовательно, мощность реактора.

Как я уже указывал ранее, паровой эффект реактивности (от 2 до 4 бета) – наиболее весомый в уран-графитовых реакторах. Эффективность аварийной защиты оказалась существенно сниженной. Суммарная же положительная реактивность в активной зоне в результате резкого снижения расхода охлаждающей воды через реактор начала расти. То есть рост температуры привел, с одной стороны, к росту парообразования, а с другой – к стремительному росту температурного и парового эффектов. Это и послужило толчком к нажатию кнопки аварийной защиты. Но, как я уже говорил выше, с нажатием кнопки «АЗ» была введена дополнительная реактивность 0,5 бета. Через три секунды после нажатия кнопки «АЗ» мощность реактора превысила 530 МВт, а период разгона стал намного меньше 20 секунд...

С ростом мощности реактора гидравлическое сопротивление активной зоны резко возросло, расход воды еще более снизился, возникло интенсивное парообразование, кризис теплоотдачи, разрушение топливных ядерных кассет, бурное вскипание теплоносителя, в который попали уже частицы разрушенного топлива, резко повысилось давление в технологических каналах, и они стали разрушаться.

В период резкого роста давления в реакторе захлопнулись обратные клапаны главных циркуляционных насосов и полностью прекратилась подача воды через активную зону. Парообразование усилилось. Давление росло со скоростью 15 атмосфер в секунду.

Момент массового разрушения технологических каналов и наблюдал начальник смены реакторного цеха Перевозченко в 1 час 23 минуты 40 секунд...

Затем, в последние 20 секунд до взрыва, когда Перевозченко стремглав летел с пятидесятиметровой высоты вниз на отметку плюс десять, в активной зоне происходила бурная пароциркониевая и другие химические и экзотермические реакции с образованием водорода и кислорода, то есть гремучей смеси.

В это время произошел мощный паровой выброс – сработали главные предохранительные клапаны реактора. Однако выброс длился недолго, клапаны не способны были справиться с таким давлением и расходом и разрушились.

В это же время огромным давлением оторвало нижние водяные и верхние пароводяные коммуникации (трубопроводы). Реактор сверху получил свободное сообщение с центральным залом и помещениями барабанов-сепараторов, а снизу – с прочно-плотным боксом, который проектировщиками предусматривался для локализации предельной ядерной

аварии. Но той аварии, какая случилась, никто не предполагал, и потому в данном случае прочно-плотный бокс послужил просто огромной емкостью, в которой стал скапливаться гремучий газ.

В 1 час 23 минуты 58 секунд концентрация водорода в гремучей смеси в разных помещениях блока достигла взрывоопасной и, по свидетельству одних очевидцев, раздалось последовательно два, а по свидетельству других – три и более взрыва. По сути дела реактор и здание четвертого энергоблока были разрушены серией мощных взрывов гремучей смеси.

Взрывы раздалились как раз в тот момент, когда машинист Валерий Ходемчук находился в дальнем конце помещения главных циркуляционных насосов, а начальник смены реакторного цеха Перевозченко бежал по коридору деаэрационной этажерки в сторону блочного щита управления...

Над четвертым энергоблоком взлетели горящие куски, искры, пламя. Это были раскаленные куски ядерного топлива и графита, которые частично упали на крышу машинного зала и вызвали ее загорание, поскольку кровля имела битумное покрытие.

Чтобы понять, сколько было выброшено взрывом радиоактивных веществ в атмосферу и на территорию станции, надо представить характеристику нейтронного поля за минуту двадцать восемь секунд до взрыва.

В 1 час 22 минуты 30 секунд на вычислительной системе «Скала» была получена распечатка фактических полей энерговыделений и положений всех поглощающих стержней регулирования. (Тут надо заметить, что вычислительная машина считает в течение 7—10 минут, стало быть, она представила состояние аппарата примерно за десять минут до взрыва.) Общая картина нейтронного поля на момент расчета представляла собой: в радиально-азимутальном направлении, то есть по диаметру активной зоны, – выпуклое поле, а по высоте в среднем двугорбое с более высоким энерговыделением в верхней части активной зоны.

Таким образом, если верить машине, в верхней трети активной зоны образовался как бы приплюснутый шар области высокого энерговыделения диаметром около семи метров и высотой до трех метров. Именно в этой части активной зоны (весом около пятидесяти тонн) и происходил прежде всего разгон на мгновенных нейтронах, именно здесь в первую очередь возник кризис теплоотдачи, произошло разрушение, расплавление, а затем и испарение ядерного топлива. Именно эту часть активной зоны выбросило взрывом гремучей смеси в атмосферу на большую высоту и унесло ветром в северо-западном направлении, через Белоруссию и республики Прибалтики за пределы границ СССР.

То, что радиоактивное облако передвигалось на высоте от одного до одиннадцати километров, косвенно подтверждается свидетельством техника аэродромного обслуживания аэропорта «Шереметьево» С. Антонова, который рассказал, что прибывающие самолеты (известно, что современные реактивные лайнеры летают на высоте до 13 километров) подвергали дезактивации в течение недели после взрыва в Чернобыле...

Таким образом, около пятидесяти тонн ядерного топлива испарилось и было выброшено взрывом в атмосферу в виде мелкодисперсных частичек двуокиси урана, высокорadioактивных радионуклидов йода-131, плутония-239, нептуния-139, цезия-137, стронция-90 и многих других радиоактивных изотопов с различными периодами полураспада. Еще около семидесяти тонн топлива было выброшено с периферийных участков активной зоны боковыми лучами взрыва в завал со строительными конструкциями, на крышу деаэрационной этажерки и машинного зала четвертого энергоблока, а также на околостанционную территорию.

Часть топлива оказалась заброшенной на оборудование, трансформаторы подстанции, шинопроводы, крышу центрального зала третьего энергоблока, вентиляционную трубу АЭС.

Следует подчеркнуть, что активность выброшенного топлива достигала 15–20 тысяч рентген в час, и вокруг аварийного энергоблока сразу же образовалось мощное радиационное поле, практически равное активности выброшенного топлива (активность ядерного взрыва). С удалением от завала активность падала пропорционально квадрату расстояния.

Тут же надо отметить, что испарившаяся часть топлива образовала мощный атмосферный резервуар высокорadioактивных аэрозолей, особенно плотный и интенсивно излучающий в районе аварийного энергоблока, да и всей АЭС.

Резервуар этот, быстро наполняясь, разрастался в радиальном направлении, а разносимый меняющимся ветром, обретал форму огромного зловещего радиоактивного цветка.

Примерно пятьдесят тонн ядерного топлива и около восьмисот тонн реакторного графита (всего загрузка графита – 1700 тонн) остались в шахте реактора, образовав воронку, напоминающую кратер вулкана. (Оставшийся в реакторе графит в последующие дни полностью выгорел.) Частично ядерная труха через образовавшиеся дыры просыпалась вниз, в подреакторное пространство, на пол, ведь нижние водяные коммуникации были оторваны взрывом...

Подробно останавливаюсь на этом, чтобы нарисовать картину радиоактивной зараженности энергоблока и местности и чтобы читатель смог представить, в каких ужасных условиях работали пожарники и оперативный персонал, не представлявшие еще, что же на самом деле произошло.

Чтобы весомо оценить масштабы радиоактивного выброса, вспомним, что атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, весила четыре с половиной тонны, то есть вес радиоактивных веществ, образовавшихся при взрыве, составил четыре с половиной тонны.

Реактор же четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС вышвырнул в атмосферу пятьдесят тонн испарившегося топлива, создав колоссальный атмосферный резервуар долгоживущих радионуклидов (то есть десять хиросимских бомб без первичных факторов поражения плюс семьдесят тонн топлива и около семисот тонн радиоактивного реакторного графита, осевшего в районе аварийного энергоблока).

Подводя предварительные итоги, скажем, что активность в районе аварийного энергоблока составляла от тысячи до двадцати тысяч рентген в час. Правда, были места в удалении и за укрытиями, где активность была значительно ниже.

Чего же стоят в таком случае заверения зампреда Совета Министров СССР Б. Е. Щербины, председателя Госкомитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянца и первого заместителя председателя Госкомгидромета СССР Ю. С. Седунова на пресс-конференции 6 мая 1986 года в Москве о том, что радиоактивность в районе аварийного энергоблока Чернобыльской АЭС составляет всего лишь 15 миллирентген в час, то есть 0,015 рентгена в час. Думаю, такая, мягко говоря, неточность непростительна.

Достаточно сказать, что только в городе Припяти радиоактивность на улицах весь день 26 апреля и нескольких последующих дней составляла от 0,5 до 1 рентгена в час повсеместно, и своевременная правдивая информация и организационные меры уберегли бы десятки тысяч людей от переоблучения, но...

На анализе радиоактивной зараженности местности и облучении людей на пространствах от Припяти до Киева и Чернигова я остановлюсь подробнее несколько позже, ибо без этого анализа нельзя представить как степени героизма работающих на ликвидации последствий катастрофы, так и ответственности тех, кто по некомпетентности своей осуществляли безграмотное руководство и по сути дела привели к трагедии...

Но вернемся несколько назад.

Важны последовательность, количество и места взрывов гремучей смеси, разрушивших атомный реактор и здание четвертого энергоблока.

После разрушения технологических каналов и обрыва от них пароводяных и водяных коммуникаций пар, насыщенный испарившимся топливом, вместе с продуктами радиолитиза и парациркониевой реакции (водород плюс кислород) поступил в центральный зал, в помещения барабанов-сепараторов справа и слева, в подаппаратные помещения прочно-плотного бокса.

С обрывом нижних водяных коммуникаций, через которые в активную зону подавалась охлаждающая вода, атомный реактор был полностью обезвожен. К сожалению, как мы

увидим позже, операторы не поняли этого или не захотели в это поверить, что вызвало целую цепь неправильных действий, переоблучения и смерти, которых можно было бы избежать...

Итак – взрывы... Как я уже говорил, они начались вначале в технологических каналах реактора, когда непомерно возросшим давлением их начало разрушать. Та же участь постигла нижние и верхние коммуникации реактора. Ведь давление, как мы помним, росло почти с взрывной скоростью – 15 атмосфер в секунду и очень быстро достигло 250–300 атмосфер. Рабочие же конструкции технологических каналов и трубопроводных коммуникаций рассчитаны максимум на 150 атмосфер (оптимальное давление в каналах реактора – 83 атмосферы).

Разорвав каналы и попав в реакторное пространство, рассчитанное всего на 0,8 ат, пар надул его, и прежде всего произошел паровой взрыв металлоконструкций. Имевшийся паросбросный трубопровод из реакторного пространства был рассчитан на разрушение только одного-двух технологических каналов, а тут разрушились все...

Приведу фрагмент записи из журнала, сделанный одним из пожарников в 6-й клинике Москвы:

«Во время взрыва находился возле диспетчерской, на посту дневального. Вдруг послышался сильный выброс пара. Мы этому не придали значения, потому что выбросы пара происходили неоднократно за мое время работы (имеется в виду срабатывание предохранительных клапанов в процессе нормальной работы АЭС. – Г. М.). Я собирался уходить отдыхать, и в это время – взрыв. Я бросился к окну, за взрывом последовали мгновенно следующие взрывы...»

Итак – «сильный выброс пара... Взрыв... За взрывом мгновенно последовали следующие взрывы...»

Сколько же было взрывов? По свидетельству пожарника – как минимум три. Или больше.

Где могли произойти взрывы? Шум от сильного выброса пара – сработали предохранительные клапаны реактора, но тут же разрушились, далее рвались трубопроводы пароводяных и водяных коммуникаций. Возможно, и трубопроводы контура циркуляции в прочно-плотном боксе. Следовательно, водород с паром поступил прежде всего в помещения пароводяных коммуникаций, последовали первые мелкие удары гремучей смеси, которые наблюдал начальник смены реакторного цеха В. Перевозченко в 1 час 23 минуты 40 секунд.

Водород с паром поступил также в помещения барабанов-сепараторов справа и слева, в центральный зал, в прочно-плотный бокс...

Всего 4,2 процента водорода в объеме помещения достаточно, чтобы началась взрывная реакция гидролиза, в результате которой образуется всего-навсего обыкновенная вода.

Итак, взрывы должны были прозвучать справа и слева в шахтах опускных трубопроводов прочно-плотного бокса, справа и слева в помещениях барабанов-сепараторов, в парораспределительном коридоре под самим реактором. В результате этой серии взрывов разрушились помещения барабанов-сепараторов, сами барабаны-сепараторы, весом 130 тонн каждый, сдвинуло с мертвых опор и оторвало от трубопроводов. Взрывы в шахтах опускных трубопроводов разрушили помещения главных циркуляционных насосов справа и слева. В одном из них нашел свою могилу Валерий Ходемчук.

Затем должен был последовать большой взрыв в центральном зале. Этим взрывом снесло железобетонный шатер, пятидесятитонный кран и двухсотпятидесятитонную перегрузочную машину вместе с мостовым краном, на котором она смонтирована.

Взрыв в центральном зале был как бы запалом для атомного реактора, который был откупорен и в котором было полно водорода. Возможно, оба взрыва – в центральном зале и реакторе – произошли одновременно. Во всяком случае, произошел самый страшный и последний взрыв гремучей смеси в активной зоне, которая была разрушена внутренними разрывами технологических каналов, частью расплавлена, частью доведена до газообразного состояния.

Этот последний взрыв, выбросивший огромное количество радиоактивных веществ и раскаленных кусков ядерного топлива, частью упавшего на крышу машинного зала и деаэрационной этажерки, и вызвал пожар кровли. Вот продолжение записи пожарника из журнала 6-й клиники Москвы:

«Я увидел черный огненный шар, который взвился над крышей машинного отделения четвертого энергоблока...»

Или другая запись:

«В центральном зале (отметка плюс 35,6 – пол, самого центрального зала не существовало. – Г. М.) просматривалось не то зарево, не то свечение. Но там, кроме „пятка“ реактора, гореть нечему. Совместно решили, что это свечение исходит от реактора...»

Эту картину пожарники наблюдали уже с крыши деаэрационной этажерки и с крыши блока спецхимии (отметка плюс 71 метр), куда они взбирались, чтобы сверху оценить ситуацию.

Взрывом в реакторе подбросило и развернуло в воздухе плиту верхней биозащиты весом 2000 тонн. В развернутом, слегка наклонном положении она вновь рухнула на аппарат, оставив приоткрытой активную зону справа и слева.

Один из пожарников поднялся на отметку пола центрального зала (плюс 35,6) и заглянул в реактор. Из жерла «вулкана» исходило излучение мощностью около 30 тысяч рентген в час, плюс мощное нейтронное излучение. Однако молодые пожарники, хотя и догадывались, но до конца не представляли степени грозившей им радиационной опасности. От топлива и графита, по которым они ходили длительное время на крыше машзала, тоже «светило» до 20 тысяч рентген в час...

Но оставим на время пожарников, которые вели себя как настоящие герои. Они гасили видимое пламя и победили его. Но их сжигало и многих сожгло пламя невидимое, пламя нейтронного и гамма-излучений, которые водой не загасишь...

Их было немного, тех, кто видел взрывы и начало катастрофы со стороны на близком расстоянии. Свидетельства их поистине исторические.

В момент взрыва в управлении Гидроэлектромонтажа, которое располагалось в трехстах метрах от четвертого энергоблока, дежурил сторож Даниил Терентьевич Мируженко, 46 лет от роду. Услышав первые взрывы, подбежал к окну. В это время раздался последний страшный взрыв, мощный удар, похожий на звук во время преодоления звукового барьера реактивным истребителем, яркая световая вспышка озарила помещение. Вздрыгнули стены, задрезбжали и частью повывлетели стекла, тряхнуло пол под ногами. Это взорвался атомный реактор. В ночное небо взлетел столб пламени, искры, раскаленные куски чего-то. В огне взрыва кувыркались обломки бетонных и металлических конструкций.

– Що ж воно так бухає?! – в растерянности, со страхом и тревогой подумал сторож, ощутив подпрыгивающее сердце в груди и какую-то сразу сжатость и су-кость во всем теле, будто он вмиг похудел килограммов на десять...

Большой клубящийся черно-огненный шар стал подниматься в небеса, сносимый ветром.

Потом сразу же за главным взрывом начался пожар кровли машинного зала и деаэрационной этажерки. Стало видно, как с крыши полился расплавленный битум.

– Вжэ горыць... Бис его... Вжэ горыць... – не успев опомниться от взрывов и ощутимых сотрясений пола под ногами, прошептал сторож.

Проехали к блоку первые пожарные расчеты от пождепо промплощадки, из окна дежурки которого пожарники видели картину начала катастрофы. Это были машины из караула ВПЧ-2 лейтенанта Владимира Правика...

Мируженко бросился к телефону и позвонил в Управление строительства

Чернобыльской АЭС, но никто не ответил. Часы показывали половину второго ночи. Дежурный отсутствовал или спал. Тогда сторож позвонил начальнику Управления Гидроэлектромонтажа В. Ф. Выпирайло, но того тоже не оказалось дома. Видимо, был на рыбалке. Мируженко стал дожидаться утра, рабочего места не покинул. Чем все кончилось для него, я расскажу чуть позднее...

В это же время с противоположной стороны от атомной станции, ближе к городу Припять и железнодорожной ветке «Москва – Хмельницкий», на расстоянии 400 метров от четвертого энергоблока, оператор бетоносмесительного узла комбината строительных конструкций Чернобыльской АЭС Ирина Петровна Цечельская, находясь на смене, также слышала взрывы – четыре удара, но осталась работать до утра. Ведь ее бетоносмесительный узел обеспечивал бетоном изготовление конструкций для строящегося пятого энергоблока, на котором в ночь с 25 на 26 апреля работало около 270 человек и от которого напрямую до четвертого блока было 1200 метров. Радиационный фон там составлял один-два рентгена в час, но воздух тут и всюду уже был густо насыщен коротко и долго живущими радионуклидами, графитовым пеплом, радиоактивность которых была очень высока и которыми дышали все эти люди.

Когда грохнули взрывы, Цечельской невольно подумалось:

«Преодоление звукового барьера... Взрыв котла в ПРК (пускорезервной котельной)... Рвануло водород в ресиверах?..»

На ум приходило известное уже из прошлого опыта... Но пускорезервная котельная мирно стояла на месте, там шел плановый ремонт оборудования (на улице теплынь)...

Звука летящего самолета не было слышно, как это обычно бывает после звукового скачка. В ста метрах, ближе к городу Припяти прогремел тяжелый товарный состав, и все стихло.

Потом стал слышен плеск, треск и клекот бушующего пламени над крышей машзала четвертого блока. Это горели керамзит и битум кровли, подожженные ядерным запалом.

«Потушат!» – уверенно решила Цечельская, продолжая работу...

На бетоносмесительном узле, где находилась оператор Цечельская, радиационный фон составлял 10–15 рентген в час.

Наиболее неблагоприятной была радиационная обстановка в северо-западном направлении от четвертого энергоблока, в сторону железнодорожной станции Янов, переходного путепровода через железную дорогу от города Припяти до автомобильного шоссе Чернобыль – Киев. Туда прошло радиоактивное облако после взрыва реактора. На пути облака лежала и база Гидроэлектромонтажа, из окна которой сторож Мируженко наблюдал взрывы и развитие событий на крыше машинного зала. Облако прошло над молодым сосновым лесом, отсекающим город от промплощадки, обильно посыпав его ядерным пеплом. И станет он к осени и надолго уже «рыжим лесом», смертельно опасным для всего живого. Со временем его сроят бульдозерами и захоронят в грунт. А ведь через этот лес пролегал пешеходная бетонная дорожка, по которой любители передвигаться на своих двоих ходили на работу и с работы. И я когда-то ходил по этой дорожке на работу...

Радиационный фон снаружи, в районе базы Гидроэлектромонтажа составлял около 30 рентген в час.

О мытарствах Ирины Петровны Цечельской и о ее письме министру энергетики Майорцу, написанному из Львова 10 июля 1986 года, я расскажу позднее...

Но кто же еще мог видеть взрыв реактора четвертого энергоблока в ту роковую ночь 26 апреля 1986 года? Такие люди были. И это были рыбаки, которые практически дено и ночно, как бы сменяя друг друга, потому что каждый рыбачил в свободное от вахты время, ловили рыбу у места впадения отводящего канала в пруд-охладитель. Вода после работающих турбин и теплообменного оборудования всегда теплая, и тут, как правило, хорошо клюет рыба. К тому же – весна, нерест, клев и вовсе отменный.

Расстояние от места рыбалки до 4-го энергоблока около двух километров. Радиационный фон достигал здесь полурентгена в час.

Большинство рыбачивших, услышав взрывы и увидев пожар, остались ловить до утра, иные, ощутив непонятную тревогу, внезапную сухость в горле и жжение в глазах, вернулись в Припять. Пушечные удары при срабатывании предохранительных клапанов, похожие на взрывы, приучили людей не обращать на подобные шумы внимание, а пожар... Потушат. Велика невидаль! Горели ведь Армянская АЭС, Белоярка...

В момент взрыва в двухстах сорока метрах от 4-го блока, как раз напротив машинного зала, сидели еще два рыбака на берегу подводящего канала и ловили мальков. Всякий серьезный рыбак о судаке мечтает. А без малька на судака лучше не ходить, пустое дело. А он, этот малек, весной особенно, норovit все поближе к блоку, аккуратно к насосной станции, и гуляет здесь, и кишит. Один из рыбаков – человек без определенных занятий по фамилии Пустовойт. Второй рыбак – Протасов, командированный наладчик из Харькова. Очень ему понравились здешние места, хмельной воздух, отличная рыбалка. Подумал даже: перебраться бы сюда на постоянное жительство. Если удастся, конечно. Все же столичная область, лимит на прописку, так просто не устроишься. Хорошо ловился малек, и настроение было хорошее. Теплая, звездная украинская ночь. И не поверишь, что апрель, больше на июль смахивает. 4-й энергоблок, белоснежный красавец, перед глазами. И приятно удивляет душу вот это неожиданное сочетание великолепной, ослепляющей атомной мощи и нежных, плещущихся рыбок в садке.

Они слышали вначале два глухих, словно подземных, взрыва внутри блока. Ощутимо тряхнуло почву, потом мощный паровой взрыв, и только потом, с ослепляющим выбросом пламени, взрыв реактора с фейерверком из кусков раскаленного топлива и графита. В разные стороны летели, кувыркаясь в воздухе, куски железобетона и стальных балок.

Ядерным светом выхватило из ночи фигурки рыбаков, но они не догадывались об этом. Ну что-то там рвануло. Бочка с бензином, что ли... Оба продолжали ловить мальков, не подозревая, что сами они, как мальки, попали в мощные тенета ядерной катастрофы. Ловили и ловили мальков, с любопытством наблюдая за разворотом событий. У них на глазах развернули свои пожарные расчеты Правик и Кибенок, люди бесстрашно взбирались на тридцатиметровую высоту и бросались в огонь.

– Глянь! Видал? Один пожарник аж на блок «В» залез (плюс 71 метр над землей)! Каску снял! От дает! Герой! Жарко, видать...

Рыбаки схватили по 400 рентген каждый, ближе к утру стало неудержимо тошнить, очень плохо стало обоим. Жаром, огнем будто обжигает внутри грудь, режет веки, голова дурная, как после дикого похмелья. И рвота, непрерывная, изматывающая. За ночь они загорели до черноты, будто в Сочи месяц на солнце жарились. Это и есть ядерный загар. Но они об этом еще понятия не имели.

Заметили тут, что уже рассвело и что ребята с крыши сползают вроде одурелые, и тоже выворачивает их. Будто легче при этом стало, вроде как за компанию... Но что же это такое вот свалилось на них вдруг? Что это такое?..

Так и добрались они до медсанчасти, а потом и в московскую клинику попали...

Значительно позже один из них шутил: «Безграмотное любопытство и атрофированное чувство ответственности до добра не доведут...»

Гораздо позже, летом 1986 года, портрет Пустовойта появился на обложке одного заграничного журнала. Человек без определенных занятий стал известен в Европе. Но горе есть горе. Оно для всех живых одинаковое. А ядерное горе – тем паче, ибо вообще против всего живого...

Даже утром, 26 апреля к месту рыбалки продолжали подъезжать все новые и новые рыбаки. Это говорит о многом: о беспечности и безграмотности людей, о давней привычке к аварийным ситуациям, которые многие годы, оставаясь вне гласности, сходили с рук. Но к рыбакам вернемся позднее, утром, когда солнышко поднимется в ядерные небеса...

Сейчас же, прежде чем вернуться в помещение блочного щита управления 4-го энергоблока, приведу свидетельство еще одного очевидца.

Бывший начальник отдела оборудования монтажного управления

Южатомаэнергомонтаж Г. Н. Петров рассказал:

«Из Минска на своей машине я выехал в сторону города Припяти через Мозырь 25 апреля 1986 года. В Минске проводил сына в армию для прохождений службы в Германии. Младший сын, студент, был в стройотряде на юге Белоруссии. К вечеру 26 апреля он тоже пытался пробраться в Припять, но уже стояли кордоны и его не пустили.

К городу Припяти я подъезжал где-то около двух часов тридцати минут ночи с северо-запада, со стороны Шипеличей. Уже возле станции Янов увидел огонь над 4-м энергоблоком. Четко видна была освещенная пламенем вентиляционная труба с поперечными красными полосами. Хорошо помню, что пламя было выше трубы. То есть достигало высоты ста семидесяти метров над землей. Я не стал заворачивать домой, а решил подъехать поближе к четвертому энергоблоку, чтобы лучше рассмотреть.

Подъехал со стороны управления строительства и остановился метрах в ста от торца аварийного энергоблока. Увидел в ближнем свете пожара, что здание полуразрушено, нет центрального зала, сепараторных помещений, красновато поблескивают сдвинутые со своих мест барабаны-сепараторы. Аж сердцу больно стало от такой картины. Потом рассмотрел завал и разрушенное гвээнновское помещение. Возле блока стояли пожарные машины. Проехала к городу скорая с включенной мигалкой...» – Прерывая рассказ Петрова, скажу, что в том месте, где он остановил машину, радиационный фон достигал 800—1500 рентген в час, главным образом от разбросанного взрывом графита, топлива и летящего радиоактивного облака. – «...Постоял с минуту. Было гнетущее ощущение непонятной тревоги, онемение, глаза впитывали все и запоминали навсегда. А тревога все шла в душу, и появился невольный страх. Ощущение невидимой близкой угрозы. Пахло как после сильного разряда молнии, еще терпким дымом, стало жечь глаза, сушить горло. Душил кашель. А я еще, чтобы лучше рассмотреть, приотпустил стекла. Была ведь теплая весенняя ночь. Я хорошо видел, что горит кровля машзала и деаэрационной этажерки, видел фигурки пожарников, мелькавшие в клубах пламени и дыма, протянутые вверх от пожарных машин, вздрагивающие шланги. Один пожарник взобрался аж на крышу блока „В“, на отметку плюс 71, видимо, наблюдал за реактором и координировал действия товарищей на кровле машзала. Они находились на тридцать метров ниже его... Теперь мне понятно, что он поднялся тогда на недостижимую высоту – первый из всего человечества. Даже в Хиросиме люди не были так близко от ядерного взрыва, бомба там взорвалась на высоте семьсот метров. А здесь – совсем рядом, вплотную к взрыву... Ведь под ним был кратер ядерного вулкана и радиоактивность в 30 тысяч рентген в час... Но тогда я этого не знал. Я развернул машину и поехал к себе домой, в пятый микрорайон города Припяти. Когда вошел в дом, мои спали. Было около трех часов ночи. Они проснулись и сказали, что слышали взрывы. Но не знают, что это такое. Вскоре прибежала возбужденная соседка, муж которой уже побывал на блоке. Она сообщила нам об аварии и предложила распить бутылку водки для дезактивации организма. Бутылку дружно, с шутками, распили и легли спать...»

Здесь я прерву рассказ Петрова, который закончу несколько позднее, вечером 27 апреля 1986 года.

Теперь вернемся на блочный щит управления 4-го энергоблока, который мы покинули за двадцать секунд до взрыва, после того как Александр Акимов нажал кнопку «АЗ» и поглощающие стержни, не пройдя и половины пути, застряли, так и не погрузившись в активную зону...

Тут уместно напомнить читателю, что на многих пресс-конференциях, в материалах, представленных нашей страной в МАГАТЭ, говорилось, что непосредственно перед взрывом реактор был надежно заглушен, стержни были введены в активную зону. Эту ложь или недомыслие повторяли с умным видом и непререкаемым тоном многие журналисты. Заявлял об этом и зампред Совмина СССР Б. Е. Щербина, утверждавший, что с разрушением реактора была «утрачена критичность» – новое понятие в ядерной физике...

Однако, как уже говорилось, эффективность аварийной защиты из-за грубых нарушений технологического регламента была сведена практически к нулю. Поглощающие

стержни после нажатия кнопки «АЗ» вошли в активную зону всего на 2,5 метра вместо положенных семи и не заглушили реакцию, а наоборот, способствовали разгону на мгновенных нейтронах. Об этой грубейшей ошибке конструкторов аппарата, в конечном счете послужившей главной причиной ядерной катастрофы, не было сказано ни на одной пресс-конференции. А надо были сказать. Ведь реактор РБМК – это та ядерная мина, взрывом которой застойная эпоха оповестила о своем уходе в мир иной...

Итак, активная зона разрушилась.

«Способна ли оставшаяся в активной зоне часть топлива к ядерной реакции, к новому взрыву?» – такой вопрос был задан секретарем ЦК КПСС В. И. Долгих заместителю министра энергетики Г. А. Шашарину в ночь на 27 апреля 1986 года.

1 час 23 минуты 58 секунд... Мгновения перед взрывом... Присутствующие в помещении блочного щита управления энергоблока находились на следующих местах: старший инженер управления реактором Леонид Топтунов и начальник смены блока Александр Акимов – возле левой реакторной части пульта операторов. Рядом с ними начальник смены блока из предыдущей смены Юрий Трегуб и два молодых стажера, недавно только сдавших экзамены на СИУРа. Они вышли в ночь, чтобы посмотреть, как будет работать их дружок Леня Топтунов, и подучиться. Это были Александр Кудрявцев и Виктор Проскуряков. Двадцать секунд назад была нажата кнопка аварийной защиты. Оба: и СИУР, и начальник смены блока с недоумением смотрели на панели щита операторов, где смонтированы сельсины-указатели положения поглощающих стержней (похожи на шкалы часов-будильников). После нажатия кнопки «АЗ» загорелись лампы подсветки шкал сельсинов, и создалось впечатление, что они раскалились докрасна. Акимов бросился к ключу обесточивания сервоприводов (электроприводы передвижения стержней-поглотителей), нажал его, но стержни вниз не пошли и уже навечно застряли в промежуточном положении.

– Ничего не понимаю! – смятенно выкрикнул Акимов.

Топтунов, тоже мятущийся и растерянный, с недоуменным выражением на бледнеющем лице, поочередно нажимал кнопки вызова расхода воды через технологические каналы и запаса до кризиса. Загорелось мнемоническое табло каналов (упрощенная схема) – расходы на нуле, что означало: реактор без воды, стало быть, запас до кризиса теплоотдачи...

Грохот со стороны центрального зала говорил о том, что произошел кризис теплоотдачи и каналы взрываются.

– Ничего не понимаю! Что за чертовщина?! Мы все правильно делали... – снова вскрикивает Акимов.

К левой, реакторной части пульта операторов подошел высокий, бледный, с гладко зачесанной назад седой Шевелюрой заместитель главного инженера Анатолий Дятлов. Непривычно растерян. На лице стереотипное выражение: «Все правильно делали... Не может быть... Мы все...»

У пульта «П» – в центральной части блочного щита управления (БЩУ), откуда производилось управление питательно-деаэрационной установкой, находился старший инженер управления блоком Борис Столярчук. Он производил переключения на деаэрационно-питательных линиях станции, регулировал подачу питательной воды в барабаны-сепараторы. Он тоже был растерян, хотя и убежден в полной правильности своих действий. Неприятно саднили душу резкие удары, доносившиеся из утробы здания блока. Было желание что-то делать, чтобы прекратить этот угрожающий грохот. Но он не знал, что делать, ибо природу происходящего не понимал.

У пульта «Т» управления турбоагрегатами (правая часть пульта операторов) находились: старший инженер управления турбинами (СИУТ) Игорь Кершенбаум, сдавший ему смену и оставшийся посмотреть, как все будет, Сергей Газин. Именно Игорь Кершенбаум производил все операции по отключению турбоагрегата № 8 и выводу турбогенератора № 8 в режим выбега ротора генератора. Работу осуществлял в соответствии с утвержденной

программой и по указанию начальника смены блока Акимова. Действия свои считал безусловно правильными. Однако, увидев смятение Акимова, Топтунова и Дятлова, ощутил тревогу. Но у него было дело, волноваться особенно некогда. Он следил по тахометру вместе с Метленко за оборотами выбегающего ротора. Все как будто шло нормально. Тут же, у пульта управления турбинами, за старшего находился заместитель начальника турбинного цеха 4-го энергоблока Разим Ильгамович Давлетбаев...

А слева, у пульта управления реактором... На мнемотабло каналов видно: нет воды! Стало быть, превышен запас до кризиса теплоотдачи...

«Что за черт?! – с возмущением и одновременно смятением думал Акимов. – Ведь восемь главных циркуляционных насосов в работе!»

И тут он глянул на амперметры нагрузки. Стрелки болтались у нулей.

«Сорвали!.. – рухнуло у него все внутри, но только на мгновение. Снова ощутил собранность: – Надо подавать воду...»

В это время – страшные удары справа, слева, снизу, и сразу следом – сокрушительной силы взрыв всеохватный, казалось, везде, всюду, все рушится, ударная волна с белой, как молоко, пылью, с горячей влагой радиоактивного пара удушающим напором ворвалась в помещение блочного щита управления, теперь уже бывшего энергоблока. Как в землетрясение, волнами заходили стены и пол. С потолка посыпалось. Звон стекол в коридоре деаэрационной этажерки, погас свет, остались гореть только три аварийных светильника на аккумуляторной батарее, треск и молниевые вспышки коротких замыканий – взрывом рвало все электрические связи, силовые и контрольные кабели...

Дятлов, перекрывая грохот и шум, истошным голосом отдал команду: «Расхолаживаться с аварийной скоростью!» Но это была скорее не команда, а вопль ужаса... Шипение пара, клекот льющейся откуда-то горячей воды. Рот, нос, глаза, уши забило мучнистой пылью, сухость во рту и полная атрофия сознания и чувств. Молниеносный неожиданный удар лишил всего сразу: чувства боли, страха, ощущения тяжелой вины и невосполнимого горя.

Но все придет, хотя и не сразу. И первыми вернутся к этим людям бесстрашие и мужество отчаяния. Но долго еще, почти до самой смерти у некоторых из них верховодить будет спасительная, убаюкивающая ложь, мифы и легенды, рожденные задним, уже полубезумным умом...

«Е-моё!.. – панически мелькнуло у Дятлова. – Рванула гремучка... Где?.. Похоже, в аварийном баке СУЗ (системы управления защитой)».

Эта версия, родившаяся в потрясенном мозгу Анатолия Дятлова, еще долго потом гуляла в умах, тешила кровоточащее сознание, парализованную, порой конвульсивно вздрагивающую волю, дошла до Москвы, и вплоть до 29 апреля в нее верили, она была основой многих, порою гибельных для жизни действий. Но почему же? А потому, что это был наиболее легкий подход. В нем было и оправдание, и спасение для виновных снизу доверху. Особенно для тех, кто чудом уцелел в радиоактивном чреве взрыва. Ведь им нужны были силы, а их давала хотя бы отчасти успокоенная совесть. Ведь впереди была ночь, непереносимая, и все же побежденная ими ночь смерти...

– Что происходит?! Что это?! – вскричал Александр Акимов, когда пылевой туман чуть рассеялся, грохот смолк, и только шипение радиоактивного пара и льющейся воды остались главными негромкими звуками издыхающего ядерного гиганта.

Рослый, могучий 35-летний Александр Акимов, с широким розовощеким лицом, в очках, с темной волнистой шевелюрой, теперь покрытой пудрой радиоактивной пыли, внутренне метался, не зная, что предпринять.

«Диверсия?!.. Не может быть!.. Все правильно делали...»

Старший инженер управления реактором Леонид Топтунов – молоденький, пухленький, румяный, усы щеточкой, ему 26 лет, всего три года после института – растерян, бледен, впечатление, будто ожидает удара, но не знает, с какой стороны он последует.

В помещение БЩУ вбежал задыхающийся Перевозченко.

– Александр Федорович! – сбивчиво дыша, бледный, весь в пыли и ссадинах, крикнул

он Акимову. – Там – Он вскинул руку вверх, в сторону центрального зала. – Там что-то страшное... Разваливается пятак реактора... Плиты сборки одиннадцать прыгают как живые... И эти... Взрывы... Вы слышали? Что это?..

На блоке в этот миг стояла глухая, ватная тишина, нарушаемая только непривычным, поражающим до глубины души незнакомым шипением пара и звуком льющейся воды. В ушах звенело от этой тишины, которая наступила после вулканических, оглушающих ударов стихии. Остро стал ощущаться воздух. Будто запах озона, только очень резкий. Запершило в горле...

Старший инженер управления блоком Борис Столярчук, бледный, с каким-то ищущим, беспомощным выражением лица, вопросительно и напряженно смотрел на Акимова и Дятлова.

– Спокойно! – сказал Акимов. – Мы все делали правильно... Произошло непонятное... – И к Перевозченко: – Сбегай, Валера, наверх, посмотри, что там...

В этот миг распахнулась дверь, ведущая в помещение блочного щита управления из машинного зала. Вбежал закопченный, сильно встревоженный старший машинист турбины Вячеслав Бражник.

– Пожар в машзале! – пронзительно выкрикнул он, добавил еще что-то непонятное и пулей выскочил назад, в огонь и бешеную радиацию.

Вслед за ним в машзал бросились заместитель начальника турбинного цеха Разим Давлетбаев и руководитель группы Чернобыльского пусконаладочного управления Петр Паламарчук, вышедший в ночь для снятия вибрационных характеристик генератора № 8 совместно с сотрудниками Харьковского турбинного завода. К открытой двери подскочили Акимов и Дятлов. Там был ужас. Что-то невообразимое. Горело в нескольких местах на двенадцатой и нулевой отметках. Над седьмой турбиной завал, рухнула кровля. Перебило маслопроводы, на пластикат хлестало горячее масло. От завала вверх поднимался дым. На желтом пластикате валялись раскаленные графитовые блоки и куски топлива. Вокруг них пластикат разгорался красным коптящим пламенем.

Дым, чад, черный пепел, хлопьями спадающий вниз, хлещущее из разбитой трубы горячее масло, проломленная кровля, вот-вот готовая рухнуть, покачивающаяся над пропастью машзала панель перекрытия. И шум, клекот бушующего где-то вверху огня. Мощная струя радиоактивного кипятка, бьющая из разбитого фланца питательного насоса в стену конденсатного бокса. Яркое фиолетовое свечение на нулевой отметке – горит вольтова дуга на перебитом высоковольтном кабеле. Пробит маслопровод на нуле, горит масло. От пролома кровли машзала вниз, к седьмой турбине, опускается густой столб черной радиоактивной графитовой пыли. Столб этот расширялся у двенадцатой отметки, расплзался по горизонтали и спускался вниз, накрывая людей и оборудование.

Акимов бросается к телефону:

– «02»! Быстро!.. Да-да! Пожар в машзале!.. Кровля тоже!.. Да-да!.. Уже выехали?! Молодцы!.. Быстро!..

Караул лейтенанта Правика уже разворачивал свои машины у стен машзала, уже началось...

Дятлов выскочил из БЩУ и, гремя бутсами, проскальзывая с раздирающим душу скрежетом на битом стекле, вбежал в помещение резервного пульта управления, что напротив, вплотную к лестнично-лифтовому блоку. Нажал кнопку «А3» пятого рода и ключ обесточивания электроприводов. Поздно. Зачем? Реактор разрушен...

Но Анатолий Степанович Дятлов считал иначе: реактор цел, взорвался бак СУЗ (системы управления защитой) в центральном зале. Реактор цел... Реактор цел...

Стекла в помещении РПУ (резервного пульта управления) выбиты, с визгом проскальзывают под ногами, сильно пахнет озоном. Дятлов выглянул в окно, высунув голову наружу. Ночь. Гул и клекот бушующего наверху пожара. В красноватом отсвете огня виден страшный завал из строительных конструкций, балок, крошеного кирпича и бетона. На асфальте вокруг блока что-то валяется. Очень густо. Черным-черно... Но в сознание не шло,

что это графит из реактора. Как и в машзале. Там тоже глаза видели раскаленные куски графита и топлива. Но сознание не принимало страшный смысл увиденного...

Он вернулся в помещение блочного щита управления. В душе то вздымалась до звона упругая воля к действию, то обрушивалось все в пропасть безнадежности и апатии.

Войдя в помещение БЩУ, Дятлов прислушался. Петр Паламарчук тщетно пытался связаться с шестисот четвертым помещением, где находился с приборами его подчиненный Володя Шашенок. Связи не было. К этому времени Паламарчук успел уже обежать турбогенератор номер восемь, спустился на нулевую отметку, нашел харьковчан в лаборатории на колесах, смонтированной на машине «Мерседес-Бенц». Настоял, чтобы они покинули машзал. Правда, двое из них успели уже сходить к завалу и получили летальную дозу...

Акимов тем временем обзвонил уже всех начальников служб и цехов, просил помощи. Срочно электриков. Пожар в машзале. Нужно вытеснять водород из генераторов, восстанавливать энергоснабжение ответственных потребителей.

– Стоят ГЦНы! – кричал он заместителю начальника электроцеха Александру Лелеченко. – Ни один насос запустить не могу! Реактор без воды! Быстро на помощь!

Давлетбаев позвонил из телефонной будки машзала Акимову и Кершенбауму:

– Не дожидаясь прибытия электриков, немедленно вытеснять водород из восьмого генератора!

Нет связи с дозиметристом. Отрубился коммутатор. Работают только городские телефоны. Все операторы нутром ощущают радиацию. Но сколько? Какой фон? Неизвестно. Приборов на БЩУ нет. Респираторов «лепесток» тоже нет. Нет и таблеток йодистого калия. Сейчас бы неплохо глотнуть всем по таблетке. Мало ли что... Со щитом дозиметрии связь не получается.

– Иди, Петро, – просит Акимов Паламарчука, заскочи к Коле Горбаченко, узнай, почему молчит...

– Мне к Шашенку, к Шашенку надо. Там что-то неладно. Он не отвечает...

– Бери Горбаченку и идите к Шашенку... – Акимов переключился на другое. Надо доложить Брюханову, Фомину... Надо... Ох, как много всего надо... Реактор без воды. Стержни СУЗ (поглощающие стержни системы управления защитой) застряли на полпути... Сознание спутывалось, его душил... Да, его душил стыд... То горячая, то ледяная волна обжигала сердце, как только воспаленное сознание пыталось донести до него всю правду случившегося. Ах, этот чертов шок! Шок от сознания величайшей ответственности. Вся тяжесть ее горой навалилась на него. Что-то надо делать. Все ждут от него... Рядом без дела толкаются стажеры СИУРа Проскуряков и Кудрявцев... Стержни застряли... Конечно... А если вручную, из центрального зала, опустить вниз?... Идея!.. Акимов оживился.

– Проскуряков, Кудрявцев, – просительно сказал он, хотя имел полное право приказывать. Ведь все, кто оказался в помещении БЩУ в момент аварии, попадали в его непосредственное распоряжение. Но он просил: – Парни, надо быстренько в центральный зал. За рукояточки покрутите. Надо опустить СУЗы вниз вручную. Что-то отсюда не идет...

Проскуряков и Кудрявцев пошли. Хорошие мои, пошли. Молодые, такие молодые, и ни в чем не виноватые. Пошли к смерти...

Валерий Перевозченко, кажется, первый понял весь ужас случившегося. Он видел начало катастрофы. Он уже верил в невосполнимость, в страшную правду разрушений. Он видел в центральном зале такое... После того, что он видел, реактор существовать не может. Его просто нет. А раз его нет, значит... Надо спасать людей. Его подчиненных парней надо спасать. Он за их жизни головой в ответе. Так свою ответственность определил в эти минуты начальник смены реакторного цеха Валерий Иванович Перевозченко. И первое, что он сделал, кинулся искать Валеру Ходемчука...

Свидетельство Николая Феодосьевича Горбаченко – дежурного службы дозиметрии в смене Акимова:

«В момент и после взрыва я находился в помещении щита дозиметрии. Тряхнуло несколько раз со страшной силой. Я подумал – все, крышка. Но смотрю – живой, стою на ногах. Со мной на щите дозиметрии был еще один товарищ, мой помощник Пшеничников, совсем молодой парень. Я открыл дверь в коридор деаэрационной этажерки, оттуда клубы белой пыли и пара. Пахнет характерным запахом пара. Еще вспышки разрядов. Короткие замыкания. Панели четвертого блока на щите дозиметрии сразу погасли. Никаких показаний. Что творится на блоке, какая радиационная обстановка – не знаю. На панелях третьего блока (у нас объединенный щит на очередь) – сработала аварийная сигнализация. Все приборы пошли на зашкал. Я нажал тумблер „БЩУ“, но коммутатор обесточился. Связи с Акимовым нет. По городскому телефону доложил начальнику смены службы дозиметрии Самойленко, который находился на щите КРБ (контроля радиационной безопасности) первой очереди. Тот перезвонил руководству службы радиационной безопасности: Красножону и Каплуну. Попытался определить радиационную обстановку у себя в помещении и в коридоре, за дверью... Имелся только радиометр „ДРГЗ“ на тысячу микрорентген в секунду. Показал зашкал. Был у меня еще один прибор со шкалой на 1000 рентген в час, но при включении он, как назло, сгорел. Другого не было. Тогда я прошел на блочный щит управления и доложил Акимову ситуацию. Везде зашкал на 1000 микрорентген в секунду. Стало быть, где-то около четырех рентген в час. Если так, то работать можно около пяти часов. Конечно, из условий аварийной ситуации. Акимов сказал, чтобы я прошел по блоку и определил дозиметрическую обстановку. Я поднимался до плюс двадцать седьмой отметки по лестнично-лифтовому блоку, но дальше не пошел. Прибор всюду зашкаливал. Пришел Петя Паламарчук, и мы с ним пошли в шестьсот четвертое помещение искать Володю Шашенка...»

А в это время в машзале, на отметке ноль, горело в нескольких местах. Проломило перекрытие, на пол и на оборудование упали раскаленные куски топлива и графита, куском бетонного перекрытия разбило маслопровод, горело масло. Разбило также задвижку на всасывающей линии питательного насоса, хлестал радиоактивный кипяток в сторону конденсатного бокса. В любой момент могли взорваться маслбак турбины и водород в генераторе. Надо было действовать...

Но оставим на некоторое время машинный зал, где эксплуатационники, не щадя жизни, проявляли чудеса героизма и не дали огню распространиться на другие блоки. Это был подвиг. Не меньший, чем тот, который совершили пожарные...

Тем временем стажеры СИУРа Проскуряков и Кудрявцев, выполняя распоряжение Акимова, выбежали в коридор деаэрационной этажерки и по привычке свернули направо, к лифту в блоке ВСРО (вспомогательных систем реакторного отделения), но увидели, что шахта разрушена, покореженный неведомой силой лифт валяется на обломках строительных конструкций. Тогда они вернулись назад, к лестнично-лифтовому блоку. Резко, как после грозы, но еще сильнее – пахло озоном. Расчихались. И еще какая-то сила ощущалась вокруг. Но они стали подниматься наверх...

За ними в коридор деаэрационной этажерки выскочил Перевозченко, предупредивший Акимова и Дятлова, что пошел искать подчиненных, которые могли оказаться в завале. Перво-наперво он подбежал к выбитым окнам, выглянул наружу. Организм всем существом ощущал излучение. Чрезмерно сильно пахло как бы свежестью, послегрозовым воздухом, но во много крат сильнее. Во дворе – ночь. В ближнем ночном небе красные отсветы горячей кровли деаэрационной этажерки и пожара в центральном зале. Если нет ветра, воздух обычно не ощущается. А здесь Перевозченко ощущал будто давление невидимых лучей, пронизывающих его насквозь. Его охватил идущий откуда-то из глубины существа какой-то особо нутряной панический страх. Но тревога за товарищей брала верх. Он посильнее высунул голову и посмотрел вправо. Понял, что реакторный блок разрушен. Там, где были стены помещений главных циркуляционных насосов, в темноте виден завал из битых строительных конструкций, труб и оборудования. Выше?.. Он поднял голову. Помещений

барабанов-сепараторов тоже нет. Значит, взрыв в центральном зале. Там видны очаги пожаров. Их много...

«Ах, нет защитных средств... Ничего нет...» – с досадой подумал он, вдыхая полной грудью воздух с радионуклидами. Легкие обжигает огнем. Первая подавленность прошла.

Перевозченко ощутил в груди, на лице, во всем существе своем внутренний жар. Будто весь он загорелся изнутри. Горит! Горит!

«Что же мы сотворили?! – внутренне воскликнул Валерий Иванович. – Ребята гибнут... В центральном зале, где был взрыв, – операторы Кургуз и Генрих... В помещениях ГЦН – Валера Ходемчук... В киповском помещении под питательным узлом реактора – Володя Шашенок... Куда бежать, кого искать первым?..»

Прежде всего надо выяснить радиационную обстановку. Перевозченко побежал, скользя на осколках стекол, к помещению щита КРБ (контроля радиационной безопасности), к Горбаченко.

Дозиметрист был бледен, но собран.

– Какой фон, Коля? – спросил Перевозченко. Лицо его уже горело бурым огнем.

– Да вот... На диапазоне 1000 микрорентген в секунду зашкал, панели четвертого блока погасли... – Горбаченко виновато улыбнулся. – Будем считать, что где-то около четырех рентген в час. Но, похоже, много больше...

– Что ж вы даже приборами не разжились?

– Да был прибор на 1000 рентген, но сгорел. Второй – в каптерке закрыт. Ключ у Красножона. Только я смотрел – та каптерка в завале. Не подступишься... Сам знаешь, какая была концепция. О предельной аварии никто всерьез не думал. Не верил... Сейчас пойду с Паламарчуком Шашенка искать. Не откликается из шестисот четвертого...

Перевозченко покинул щит дозиметрии и побежал к помещению главных циркуляционных насосов, где оставался перед взрывом Валера Ходемчук. Это ближе всего.

В сторону щита дозиметрии бежал из БЩУ Петя Паламарчук, начальник лаборатории Чернобыльского пусконаладочного предприятия. Он и его подчиненные обеспечивали снятие характеристик и параметров различных систем в режиме выбега ротора. Теперь было ясно, что в наиболее опасном месте, в монолитном реакторном блоке, где только что бушевала стихия, в шестисот четвертом помещении безмолствовал Шашенок. Что с ним? Помещение это ключевое. Туда сходились импульсные линии от главных технологических систем к датчикам. Если порвало мембраны... Трехсотградусный пар, перегретая вода... На звонки не отвечает. В трубке непрерывные гудки. Стало быть, трубку сбило с аппарата. За пять минут до взрыва с ним была отличная связь.

Паламарчук и Горбаченко бежали уже к лестнично-лифтовому блоку.

– Я за Ходемчуком! – крикнул им Перевозченко, глядя, как они нырнули из коридора деаэрационной этажерки в монолитную часть разрушенного реакторного отделения. А ведь там всюду были разбросаны топливо и реакторный графит.

Паламарчук с Горбаченко побежали по лестнице вверх, на плюс двадцать четвертую отметку (плюс двадцать четыре метра над уровнем земли). Перевозченко по недлинному коридору на десятой отметке – в сторону разрушенного помещения ГЦН...

В это время молодые стажеры СИУРа Кудрявцев и Проскуряков приближались, продираясь сквозь завалы, к тридцать шестой отметке, на которой находился реакторный зал. Наверху, усиленный эхом каньона лифтового блока, слышен был клекот пламени, крики пожарников, долетавшие с кровли машзала, и где-то совсем близко, видимо, с пяточка реактора.

«Там тоже горит?..» – мелькнуло у парней. На тридцать шестой отметке все было разрушено. Через завалы и нагромождения конструкций стажеры прошли в большое помещение вентиляционного центра, отделенного от реакторного зала теперь разрушенной монолитной стеной. Было хорошо видно, что центральный зал надуло взрывом как хороший пузырь, а потом оторвало верхнюю часть, и стена осталась прогнутой, и арматура торчит радиальными рванинами. Кое-где бетон осыпался, и видна голая арматурная сетка. Ребята

постояли немного, потрясенные, с трудом узнавая столь знакомые раньше помещения. Их распирала необычная и необъяснимая для такого горя веселость, несмотря на то, что страшно жгло грудь при дыхании, ломило в висках, горели веки, будто туда капнули соляной кислотой.

Вдоль коридора в осях 50–52 прошли, проскальзывая на осколках стекла, к входу в центральный зал. Вход находился ближе к наружной торцевой стене по ряду «Р». Коридор узкий, заваленный битыми конструкциями, стеклом. Над головой ночное небо в красных отблесках пожара, в воздухе дым, гарь, едкая и удушливая, и сверх всего этого ощущение присутствия еще какой-то иной силы в воздухе, который стал пульсирующим, плотным, жгучим. Это мощная ядерная радиация ионизировала воздух, и он воспринимался теперь как новая, пугающая, не пригодная для жизни человека среда.

Без респираторов и защитной одежды они подошли к входу в ЦЗ (центральный зал) и, минуя три распахнутые настежь двери, вошли в бывший реакторный зал, заваленный покореженной рухлядью и тлеющими обломками. Они увидели пожарные шланги, свисающие в сторону реактора. Из стволов лилась вода. Но людей уже не было. Пожарные отступили отсюда несколько минут назад, теряя сознание и последние силы.

Проскуряков и Кудрявцев оказались фактически у ядра атомного взрыва (имею в виду прежде всего уровень радиации). Но где же реактор? Неужели это...

Круглая плита верхней биологической защиты с торчащими во все стороны обрывками тонких нержавеющей трубок (система КЦТК – контроль целостности технологических каналов) под некоторым углом лежала на шахте реактора. Бесформенно свисала во все стороны арматура разрушенных стен. Значит, плиту подбросило взрывом, и она снова, наклонно уже, упала на реактор. Из жерла разрушенного реактора шел красный и голубой огонь с сильным подвывом. Видно, была хорошая тяга. Сквозной ток воздуха. В лица стажеров ударил ядерный жар с активностью тридцать тысяч рентген в час. Они невольно прикрыли лицо руками, заслоняясь как бы от солнца. Было совершенно ясно, что никаких поглощающих стержней нет, они летают, видать, на орбите вокруг земли. Так что в активную зону опускаться теперь нечего. Просто нечего...

Проскуряков и Кудрявцев пробыли возле реактора около минуты, накрепко запоминая все, что увидели. Этого оказалось достаточно, чтобы получить смертельную дозу радиации. (Оба умерли в страшных муках в 6-й клинике Москвы.)

Тем же путем, с чувством глубокой подавленности и внутреннего панического чувства, сменившего ядерное возбуждение, вернулись они на десятую отметку, вошли в помещение блочного щита управления и доложили обстановку Акимову и Дятлову. Лица и руки у них были буро-коричневые. Такого же цвета была кожа и под одеждой, что выяснилось уже в медсанчасти...

– Центрального зала нет, – сказал Проскуряков. – Все снесло взрывом. Небо над головой. Из реактора огонь...

– Вы, мужики, не разобрались... – растягивая слова, глухо произнес Дятлов. – Это что-то горело на полу, а вы подумали, – реактор. Видимо, взрыв гремучей смеси в аварийном баке СУЗ (системы управления защитой) снес шатер. Помните, этот бак на семидесятой отметке, вмонтирован в наружную торцевую стену центрального зала... Это так... И не удивительно. Объем бака – сто десять кубов – немалый, так что... Таким взрывом не только шатер, но и весь блок могло разнести... Надо спасти реактор. Он цел... Надо подавать воду в активную зону.

Так родилась легенда: реактор цел. Взорвался бак аварийной воды СУЗ. Надо подавать воду в реактор.

Эта легенда была доложена Брюханову и Фомину. И далее – в Москву. Все это породило много ненужной, лишней и даже вредной работы, усугубившей положение на атомной станции и увеличившей число смертей...

Проскурякова и Кудрявцева отправили в медсанчасть. Пятнадцатью минутами раньше туда же были отправлены операторы реакторного зала Кургуз и Генрих, которые находились рядом с реактором, когда грохнули взрывы...

Они сидели в своем рабочем помещении после осмотра центрального зала и ждали прихода Перевозченко, чтобы получить задание на всю смену. Примерно за четыре минуты до взрыва реактора Олег Генрих сказал Анатолию Кургузу, что устал и немного поспит. Он вошел в небольшую соседнюю комнатку, площадью примерно шесть квадратных метров, глухую, без окон. Там находился топчан. Генрих закрыл дверь и лег.

Анатолий Кургуз сел за рабочий стол и сделал запись в оперативном журнале. Его отделяли от центрального зала три открытые двери. Когда взорвался атомный реактор, высокорadioактивный пар с топливом хлынул в помещение, где сидел Кургуз. В крошечном огненном аду он бросился к двери, чтобы закрыть ее. Закрыл. Крикнул Генриху:

– Очень жгет! Очень жгет!

Генрих вскочил с топчана, бросился открывать свою дверь, приоткрыл, но из-за двери пахло таким нестерпимым жаром, что он не стал больше пытаться, инстинктивно лег на пластиковый пол, здесь было чуть прохладней, и крикнул Кургузу:

– Толя, ложись! Внизу холоднее!

Кургуз вполз в каморку к Генриху, и они оба легли на пол.

«Здесь хоть можно было дышать. Не так жгло легкие», – вспоминал впоследствии Генрих.

Они подождали минуты три. Жар стал спадать (над головой ведь открылось небо). Потом вышли в коридор в осях 50–52. У Кургуза сварило кожу на лице и руках. Она висела лоскутьями. С лица и рук сильно шла кровь.

Они пошли не к лестнично-лифтовому блоку, откуда вскоре придут стажеры Проскуряков и Кудрявцев, а в противоположную, в сторону «чистой лестницы» и спустились на десятую отметку. Если бы они встретили стажеров, то наверняка вернули бы их назад и тем самым спасли бы им жизнь. Но случилось иначе. Они разминулись...

По пути к блочному щиту управления, на двенадцатой отметке к Генриху и Кургузу присоединились операторы газового контура Симеконов и Симоненко. В их сопровождении они направились на БЩУ-4. Кургузу было очень плохо. Он истекал кровью. Ему трудно было помогать. Кожа под одеждой тоже вздулась пузырями. Любое прикосновение причиняло пострадавшему нестерпимую боль. Откуда он еще брал силы идти своими ногами. Генриха обожгло меньше – спасла глухая комнатенка. Но оба схватили по шестьсот рентген...

Они уже шли по коридору деаэраторной этажерки, когда из помещения блочного щита управления вышел Дятлов. Он бросился к ним.

– Немедленно в медсанчасть!

До здравпункта, а он находился в административном корпусе первого блока, по коридору деаэраторной этажерки – метров четыреста пятьдесят – пятьсот.

– Сможешь дойти, Толя? – спросили ребята Кургуза.

– Не знаю... Нет, наверное... Все тело болит... Все болит...

И правильно сделали, что не пошли. Здравпункт первой очереди оказался закрытым. В здравпункте второй очереди фельдшера также на этот раз не было. Такая была самоуверенность у товарища Брюханова. Все безопасно! Концепция застойной эпохи в действии...

Вызвали «скорую» к АБК (административно-бытовому корпусу) второй очереди, спустились на нулевую отметку, вышибли чудом уцелевшее стекло в окне и через него вышли наружу...

Дятлов несколько раз бегал на БЩУ 3-го блока. Приказал Багдасарову глушить реактор. Багдасаров запросил у Брюханова и Фомина добро на останов третьего блока, но разрешения не получил. Операторы из центрального зала 3-го блока сообщили своему начальнику, что включилась аварийная звуковая и световая сигнализация. Похоже, резко возросла активность... Они еще не знали, что это топливо и графит, заброшенные взрывом на кровлю ЦЗ-3 (центрального зала-3), простреливают сквозь бетонное перекрытие...

Вернувшись очередной раз на БЩУ-4, Дятлов отдал команду Акимову:

– Еще раз обзвони дневной персонал цехов. Всех на аварийный блок! В первую голову

электриков, Лелеченко. Надо отрубить водород с электролизерной на восьмой генератор. Это сделают только они. Действуй! Я пройду вокруг блока...

Дятлов покинул блочный щит управления.

Давлетбаев несколько раз вбегал из машзала в помещение БЩУ, докладывал обстановку. Там полно разного народу. Дозиметрист Самойленко замерил Давлетбаева прибором: «От тебя. Разим, на всех диапазонах зашкал! Срочно переодевайся!» Как назло комплект защитных средств машзала закрыт на замок. Послали богатыря Бражника взломать ломиком...

Акимов приказал старшему инженеру управления блоком (СИУБу) Столярчуку и машинисту Бусыгину включать питательные насосы, чтобы подать воду в реактор...

– Александр Федорович! – вскричал Давлетбаев. – Оборудование обесточено! Надо срочно электриков, задействовать распредустройства на нуле... Не знаю, как они будут делать. Порвало кабельные связи. Всюду молнии коротких замыканий. Ультрафиолетовое свечение на нуле возле питательных насосов. То ли тэвэска светит (кусок топлива), то ли вольтова дуга короткого замыкания...

– Сейчас прибудет Лелеченко со своими орлами!

Давлетбаев снова нырнул в крошечный ад машинного зала. На нуле Тормозин забивал деревянные чопы в дырки на маслопроводе. Чтобы было удобнее, сел на трубопровод и получил аппликационный ожог ягодиц. Давлетбаев бросился к завалу седьмой турбины, но подойти невозможно. Страшно скользко. Масло на пластике. Включили душирующее устройство. Турбину обволокло водяным туманом. С пульта отключили маслонасос...

Возле седьмой машины телефонная будка, из которой машинисты все время звонили на БЩУ. Против будки, за окном – пятый трансформатор, на нем оказался кусок топлива, о котором не знали. Там получили смертельную дозу Перчук, Вершинин, Бражник, Новик...

Тем временем в помещении БЩУ без дела толкался руководитель неудавшегося электроэксперимента Геннадий Петрович Метленко. Его наконец заметил Акимов и попросил:

– Будь другом, иди в машзал, помоги крутить задвижки. Все обесточено. Вручную каждую открывать или закрывать не менее четырех часов. Диаметры огромные...

Щупленький, небольшого роста, с остроносым сухощавым лицом, представитель «Донтехэнерго» побежал в машинный зал. Трагедия развернулась там на нулевой отметке. Упавшей фермой перебило маслопровод турбины. Горячее масло хлынуло наружу и загорелось от кусков раскаленного ядерного топлива. Машинист Вершинин погасил огонь и бросился помогать товарищам, чтобы предотвратить дальнейшее возгорание и взрыв маслобака. Бражник, Перчук, Тормозин тушили очаги пожара в других местах. Повсюду валялись высокоактивное топливо и реакторный графит, упавшие в машзал через пролом кровли. Гарь, радиация, сильно ионизированный воздух, черный ядерный пепел от горящего графита и сгорающей наверху битумной кровли.

Куском фермы перекрытия разбило фланец на одном из аварийных питательных насосов. Его надо было отключить по всасывающей и напорным линиям от деаэраторов. Задвижки крутить вручную не менее четырех часов. Другой насос надо готовить к работе на «реактор». Тоже вручную крутить задвижки. Радиационные поля на нулевой отметке машзала – от пятисот до пятнадцати тысяч рентген в час. Метленко отправили назад на блочный щит.

«Обойдемся! Не мешай!..»

С электриками акимовской вахты Давлетбаев организовал замещение в генераторе водорода на азот, чтобы избежать взрыва. Слили аварийное масло из маслобаков турбины в аварийные емкости снаружи энергоблока. Маслобаки залиты водой...

Турбинисты в эту роковую ночь 26 апреля 1986 года совершили выдающийся подвиг. Если бы они не сделали то, что сделали, пламя пожара охватило бы весь машзал изнутри, рухнула бы кровля, огонь перекинулся бы на другие блоки, а это могло привести к разрушению всех четырех реакторов. Последствия трудно вообразить...

Когда пожарные Телятникова, погасив огонь на кровле, в пять утра появились внутри машзала, там все уже было сделано... Был подготовлен также к работе второй аварийный питательный насос (АПЭН) и включен в работу на несуществующий уже реактор. Акимов и Дятлов предполагали, что вода пошла именно в реактор. Однако она туда не могла пойти по той простой причине, что все трубопроводные коммуникации низа были оторваны взрывом, и вода от второго АПЭНа шла в подаппаратное помещение, куда просыпалось много разрушенного ядерного топлива. Смешиваясь с топливом, высокорadioактивная вода уходила на низовые отметки деаэрационной этажерки, затапливая кабельные полуэтажи и распреустройства, приводя к коротким замыканиям и угрозе потери энергоснабжения работающих еще энергоблоков. Ведь все энергоблоки Чернобыльской АЭС по деаэрационной этажерке, где проходят основные кабельные трассы, связаны между собой...

К пяти утра – многократные рвоты и очень плохое самочувствие у Давлетбаева, Бусыгина, Корнеева, Бражника, Тормозина, Вершинина, Новика, Перчука. Отправлены в медсанчасть. Давлетбаев, Бусыгин, Корнеев выживут, получив примерно по триста пятьдесят рентген. Выживет и Тормозин – получивший намного больше.

Бражник, Перчук, Вершинин и Новик получили по тысяче и более рад. Мученической смертью умрут в Москве...

Но вернемся к началу аварии. Пройдем с Валерием Ивановичем Перевозченко его путь к смерти. Он ведь искал Ходемчука, он хотел спасти всех своих подчиненных. Этот человек не знал страха. Мужество и долг вели его в ад крошечный...

Тем временем Паламарчук и Горбаченко по лестнично-лифтовому блоку продвигались через завалы к двадцать четвертой отметке, в шестьсот четвертое киповское помещение, где замолчал Володя Шашенок.

«Что с ним?.. Хоть бы жив...» – мелькало у Паламарчука.

После серии грозных взрывов на блоке было относительно тихо, только через проломы слышны клекот и шум пламени горящей кровли машзала, пронзительные выкрики людей, гасящих огонь, надсадное подвывание разрушенного атомного реактора, в котором горел графит. Все это было как бы дальним фоном, а ближе – ручейковое журчание или дождевой шум льющейся откуда-то радиоактивной воды – вверху, внизу, не поймешь, какое-то усталое остаточное шипение радиоактивного пара, и воздух... Воздух был загустевший, непривычный. Сильно ионизированный газ, острый запах озона, жжение в горле и легких, надсадный кашель, резь в глазах...

Они бежали без респираторов, в полной темноте, освещая себе дорогу карманными фонариками, которые имел при себе каждый эксплуатационник...

Перевозченко по короткому переходному коридору на десятой отметке пробежал в сторону гцээнковского помещения, где остался Валера Ходемчук, и остановился, пораженный. Помещения не было. Вверху – небо, отсветы бушующего над машзалом пламени, а прямо перед ним – груды обломков, нагромождение крошева строительных конструкций, изуродованного оборудования и трубопроводов.

В завале было также очень много реакторного графита и топлива, от которых «светило» излучение мощностью не менее десяти тысяч рентген в час. Перевозченко, ошеломленный, водил лучом фонаря по всей этой разрухе, и им владела одна скачущая, странная мысль: как же он здесь... Разве здесь можно быть?.. Но упрямое: найти, спасти Валеру. Обязательно спасти – пересиливало. Он напряженно прислушивался, пытаясь уловить хотя бы слабый голос или стон человека...

А еще наверху Генрих, Кургуз... Там, где был взрыв... Он их тоже спасет... Обязательно... Это его люди, его подчиненные... Он не оставит их...

А время шло. Каждая секунда, каждая лишняя минута здесь гибельны. Тело начальника смены реакторного цеха все поглощает и поглощает рентгены, все темнее становится ядерный загар в темноте ночи. И «загорают» не только лицо и руки, но и все тело под одеждой. Загорает... Горит, горит... Жжет нутро...

– Валера-а! – изо всех сил кричит Перевозченко. – Валера-а! Откликнись! Я зде-есь! Не

бойся! Мы спасем тебя-а-а!

Он рванул прямо к завалу, полез по обломкам, тщательно ища расщелины среди разрушенных конструкций, обжигая руки о куски топлива и графита, за которые нечаянно хватался в темноте.

Он напрягал слух, пытаясь уловить малейший стон или шорох, но тщетно. Но все равно искал, обдирая тело о торчащие крючья арматуры и острые сколы бетонных блоков, протиснулся в триста четвертое помещение, но в нем никого не было...

«Валера дежурил в дальней стороне... Там был его пост...»

И Перевозченко пробрался по завалу туда, в дальний конец, и искал там. Но все впустую.

– Валера-а! А-а! – кричал Перевозченко, вскинув руки к небу и потрясая кулаками. – Валера-а, милый! – слезы бессилия и горя лились по загоревшим от излучений до черноты, отекившим щекам. – Да что же это такое?! Ходемчук! Откликнись!

Но в ответ лицо Перевозченко озаряли только отсветы огня, бушующего в ночном небе над крышей машзала, и доносились пронзительные, похожие на отчаянные крики израненных птиц, голоса пожарников. Там тоже шла борьба со смертью, и там люди принимали в себя смерть.

Изнемогая от навалившейся ядерной усталости, Перевозченко полез по завалу назад, пробрался, шатаясь, к лестнично-лифтовому блоку и стал подниматься вверх, на тридцать шестую отметку, к центральному залу. Ведь там, в ядерном аду и огне гибнут Кургуз и Генрих...

Он не знал, что некоторое время назад Анатолий Кургуз и Олег Генрих, чудом уцелевшие после взрыва, сильно облученные и ошпаренные радиоактивным паром, сами покинули гиблое место, спустились уже по условно чистой лестнице на десятую отметку и отправлены в медсанчасть.

Перевозченко повторил путь стажеров Кудрявцева и Проскурякова, вошел сначала в каморку операторов, их там не было, тогда он вошел в центральный зал и принял на себя дополнительный ядерный удар гудящего огнем реактора.

Опытный физик, Перевозченко понял, что реактора больше нет, что он превратился в гигантский ядерный вулкан, что водой его не загасить, ибо нижние коммуникации оторваны от реактора взрывом, что Акимов, Топтунов и ребята в машзале, запускающие питательные насосы, чтобы подавать в реактор воду, зря гибнут. Ведь воду сюда не подашь... Надо выводить всех людей с блока. Это самое правильное. Надо спасать людей...

Перевозченко спустился вниз, его непрерывно рвало, мутилось и мгновениями отключалось сознание, он падал, но, приходя в себя, снова вставал и шел, шел...

Войдя в помещение блочного щита управления, он сказал Акимову:

– Реактор разрушен, Саша... Надо уводить людей с блока...

– Реактор цел! Мы подадим в него воду! – запальчиво возразил Акимов. – Мы все правильно делали. Иди в медсанчасть, Валера, тебе плохо... Но ты перепутал, уверяю тебя... Это не реактор, это горят строения, конструкции. Их потушат...

В то самое время, когда Перевозченко искал захороненного в завале Ходемчука, Петр Паламарчук и дозиметрист Николай Горбаченко, с трудом преодолевая завалы и разломы на двадцать четвертой отметке реакторного блока, проникли наконец в киповское помещение, где в момент взрыва находился Владимир Шашенок. Паламарчук и Горбаченко нашли товарища в разломе шестисот четвертого помещения, придавленного упавшей балкой, сильно обожженного паром и горячей водой. Потом, в медсанчасти, выяснилось, что у него перелом позвоночника, сломаны ребра, а сейчас... надо было спасать...

В момент, предшествующий взрыву, когда давление в контуре росло со скоростью 15 атмосфер в секунду, в этом помещении разорвало трубы и датчики, оттуда пошли радиоактивные пар и перегретая вода, упало что-то сверху, и Шашенок потерял сознание. Вся поверхность кожи получила глубокий тепловой и радиационный ожог. Ребята освободили товарища из-под завала. Паламарчук, стараясь не причинить ему новых страданий, взвалил

его на спину с помощью Горбаченко и, с трудом пробираясь через завалы бетона и труб, вынес Шашенка на десятую отметку. Оттуда, чередуясь с Горбаченко, по коридору деаэрационной этажерки, примерно четыреста пятьдесят метров, – к здравпункту на АБК (административно-бытовой корпус) первого блока. Здравпункт оказался заколоченным на гвоздь. Вызвали «скорую». Через десять минут приехал фельдшер Саша Скачок, и Шашенка увезли в медсанчасть. Потом приехал на своей «скорой» педиатр Белоконь и дежурил здесь до утра, пока его самого не увезли в медсанчасть...

Паламарчук и Горбаченко, вынося товарища, тоже сильно облучились и вскоре были отправлены в медсанчасть. Горбаченко до того успел еще обойти блок, измеряя гамма-фон, облазил машзал, сделал обход блока снаружи. Но все это было фактически впустую. Имевшимся прибором со шкалой измерений всего на 3,6 рентгена он не мог измерить те бешеные радиационные поля, которые были на самом деле. И тем самым не смог должным образом предостеречь товарищей...

В 2 часа 30 минут ночи на БЩУ-4 пришел директор АЭС Виктор Петрович Брюханов. Вид пудрено-серый, растерянный, почти неменяемый.

– Что произошло? – сдавленным голосом спросил он Акимов.

В помещении БЩУ-4 активность воздуха в это время составляла около трех-пяти рентген в час, а в местах прострела от завала и того больше.

Акимов доложил, что, по его мнению, произошла тяжелая радиационная авария, но реактор цел, пожар в машзале в стадии ликвидации, пожарные майора Телятникова тушат пожар на кровле, что готовится в работу второй аварийный питательный насос и скоро будет включен в работу. Лелеченко и его люди должны только подать электропитание. Трансформатор отключился от блока по защите от коротких замыканий...

– Вы говорите – тяжелая радиационная авария, но если реактор цел... Какая активность сейчас на блоке?

– Имеющийся у Горбаченко радиометр показывает тысячу микрорентген в секунду...

– Ну, это немного, – чуть спокойней прежнего сказал Брюханов.

– Я тоже так думаю, – возбужденно подтвердил Акимов.

– Могу я доложить в Москву, что реактор цел? – спросил Брюханов.

– Да, можете, – уверенно ответил Акимов. Брюханов ушел на АБК-1 в свой кабинет и оттуда в 3 часа ночи позвонил домой заведующему сектором атомной энергетики ЦК КПСС Владимиру Васильевичу Марьину...

К этому времени на аварийный блок прибыл начальник штаба гражданской обороны атомной станции С. С. Воробьев. У него был радиометр со шкалой измерений на 250 рентген. Это уже было кое-что. Пройдя по деаэрационной этажерке в машзал, к завалу, понял, что положение крайне тяжелое. На шкале 250 рентген радиометр показывал зашкал в разных местах блока и завала.

Воробьев доложил обстановку Брюханову.

– У тебя неисправный прибор, – сказал Брюханов. – Таких полей быть не может. Ты понимаешь, что это такое? Разберись-ка со своим прибором или выбрось его на свалку...

– Прибор исправный, – сказал Воробьев.

В 4 часа 30 минут утра на БЩУ прибыл главный инженер Фомин. Его долго разыскивали. Дома почему-то трубку не брал, жена бормотала что-то невнятное. Кто-то сказал, что он, быть может, на рыбалке. Потому и не подходил к телефону. Что-то знали люди...

– Доложите обстановку!

Акимов доложил. Подробно остановился на последовательности технологических операций до взрыва.

– Мы все делали правильно, Николай Максимович. Претензий к персоналу смены не имею. К моменту нажатия кнопки «АЗ» пятого рода оперативный запас реактивности составлял 18 стержней СУЗ (системы управления защитой). Разрушения произвел взрыв 110-кубового бака аварийной воды СУЗ в центральном зале, на отметке плюс 71 метр...

- Реактор цел? – спросил Фомин красивым баском.
- Реактор цел! – твердо ответил Акимов,
- Непрерывно подавайте в аппарат воду!
- Сейчас в работе аварийный питательный насос из деаэраторов на реактор.

Фомин удалился. Внутренне он то весь метался как затравленный зверь, то проваливался в бездонную пропасть, мысленно панически вскрикивая: «Конец! Конец!» То обретал вдруг железную уверенность: «Выстоим!»

Но он не выстоял. Этот человек сломался первым под чудовищной тяжестью ответственности, которая только сейчас обрела свою свинцовую тяжесть и расплющивала все его слабое, в сущности, державшееся на гордыне и тщеславии существо...

Приказав в два часа ночи Акимову подавать воду в реактор, заместитель главного инженера по эксплуатации Анатолий Дятлов покинул блочный щит управления и вышел в сопровождении дозиметриста наружу, спустившись по лестнично-лифтовому блоку. Весь асфальт вокруг был усыпан блоками реакторного графита, кусками конструкций, топлива. Воздух был густой и пульсирующий. Так ощущалась ионизированная высокорadioактивная плазма.

- Активность? – спросил Дятлов дозиметриста.
- Зашкал, Анатолий Степанович... Кха-кха! Ч-черт! Сушит глотку... На тысяче микрорентген в секунду – зашкал...
- Японские караси!.. Приборов у вас ни хрена нет! В бирюльки играете!..
- Да кто думал, что будут такие поля?! – вдруг возмутился дозиметрист. – В каптерке есть один радиометр со шкалой на десять тысяч рентген, да закрыта. А ключ у Красножона. Да только каптерка та, я смотрел, не подобраться. Завалило ее. И светит, дай бог. Без прибора чувствую...
- Индюки! Японские караси! Прибор в каптерке держат! Оболдуи! Носом измеряй!
- Да я и так уж измеряю, Анатолий Степанович... – сказал дозиметрист.
- Если бы только ты... Я ведь тоже измеряю, сукин ты сын! – кричал Дятлов. – А ведь не должен. Это твоя работа... Усёк?!

Они подошли вплотную к завалу, ближе к ряду «Т» и блоку ВСРО (вспомогательных систем реакторного отделения). Там завал возвышался горой, поднимаясь наклонно от самой земли аж до сепараторных помещений...

- Е-мое! – воскликнул Дятлов. – Что натворили! Крышка!
- Дозиметрист щелкал туда-сюда переключателем диапазонов, бормоча: «Зашкал... Зашкал...»

– Выбрось ты его к едрене-фене!.. Японские караси... Пошли в обход вокруг машзала... Кругом на асфальте графит и куски топлива. В темноте не совсем различимо, но при желании понять можно. То и дело спотыкаешься о графитовые блоки, футболишь ногами. Реальная активность до пятнадцати тысяч рентген в час. Поэтому и зашкал на радиометре у дозиметриста.

В сознание не идет, не укладывается увиденное. Обогнули торец машзала. Вдоль бетонной стенки напорного бассейна – девятнадцать пожарных машин. Слышен клекот и рев огня на кровле машзала. Пламя высокое. Выше венттрубы.

Но странное дело! В сознании у заместителя главного инженера по эксплуатации четвертого энергоблока возникло и жило теперь как бы два образа, две мысли. Одна: «Реактор цел. Подавать воду». Вторая: «Графит на земле, топливо на земле. Откуда, спрашивается? Непонятно откуда. Активность бешеная. Нутром чую активность».

– Все! – приказал Дятлов. – Откатываемся! Они вернулись на БЩУ-4. Горбаченко прошел к себе, на щит дозиметрии. Должен вот-вот подойти замначальника службы РБ (радиационной безопасности) Красно-жон.

Общая экспозиционная доза, ими полученная, составила 400 рад. К пяти утра началась рвота. Очень плохое самочувствие. Смертельная слабость. Головная боль. Буро-коричневый цвет лица. Ядерный загар.

Горбаченко и Дятлов своим ходом ушли на АБК-1 и далее «скорой» – в медсанчасть...

Свидетельство жены заведующего сектором атомной энергетики ЦК КПСС Альфы Федоровны Мартыновой:

«26 апреля 1986 года в 3 часа ночи раздался у нас дома междугородный телефонный звонок. Из Чернобыля звонил Марьину Брюханов. Закончив разговор, Марьин сказал мне:

– На Чернобыле страшная авария! Но реактор цел...

Он быстро оделся и вызвал машину. Перед уходом позвонил высшему руководству ЦК партии по инстанции. Прежде всего Фролышеву. Тот – Долгих. Долгих – Горбачеву и членам Политбюро. После чего уехал в ЦК. В восемь утра позвонил домой и попросил меня собрать его в дорогу: мыло, зубной порошок, щетку, полотенце и т. д.»

В 4 часа 00 минут утра 26 апреля 1986 года Брюханову из Москвы последовал приказ:

«Организуйте непрерывное охлаждение атомного реактора».

На щите дозиметрии второй очереди Николая Горбаченко сменил заместитель начальника службы РБ (радиационной безопасности) АЭС Красножон. На вопросы операторов, сколько работать, отвечал стереотипно:

– На диапазоне 1000 микрорентген в секунду – зашкал. Работать пять часов из расчета набора двадцати пяти бэр.

(Это говорит о том, что замначальника службы РБ также не смог определить подлинную интенсивность радиации.)

Акимов и Топтунов тоже по несколько раз бегали наверх к реактору посмотреть, как действует подача воды от второго аварийного питательного насоса. Но огонь все гудел и гудел.

Акимов и Топтунов уже были буро-коричневыми от ядерного загара, уже рвота выворачивала нутро, уже в медсанчасти Дятлов, Давлетбаев, люди из машинного зала, уже на подмену Акимову прислали начальника смены блока Владимира Алексеевича Бабичева, но Акимов и Топтунов не уходили. Можно только склонить голову перед их мужеством и бесстрашием. Ведь они обрекали себя на верную смерть. И тем не менее все их нынешние действия вытекали из ложной первоначальной посылки: «Реактор цел!» Никак не хотели поверить они, что реактор разрушен, что вода в него не попадает, а, захватывая с собой ядерную труху, сливается на минусовые отметки, заливая кабельные трассы и высоковольтные распределительные устройства и тем самым создавая угрозу обесточивания трем другим работающим энергоблокам.

«Что-то мешает воде попадать в реактор... – думал Акимов. – Где-то на линии трубопроводов закрыты задвижки...»

Они проникли с Топтуновым в помещение питательного узла на двадцать четвертой отметке реакторного отделения. Помещение было полуразрушено взрывом. В дальнем конце пролом, видно небо, пол залит водой с ядерным топливом, активность до пяти тысяч рентген в час. Сколько может жить и работать человек в таких радиационных полях? Бесспорно, что недолго. Но здесь было сверхдопинговое состояние, необычайная внутренняя собранность, мобилизация всех сил организма от запоздалого сознания вины, ответственности и долга перед людьми. И силы откуда-то брались сами собой. Они должны уже были умереть, но они работали...

А воздух здесь, как и везде вокруг и внутри четвертого энергоблока, был плотным и пульсирующим, радиоактивным ионизированным газом, насыщенным всем спектром долгоживущих радионуклидов, которые извергал из себя разрушенный реактор.

Они вручную с большим трудом приоткрыли регулирующие клапаны на двух нитках питательного трубопровода, а затем поднялись через завалы на двадцать седьмую отметку и в небольшом трубопроводном помещении, в котором было почти по колено воды с топливом, подорвали (приоткрыли) по две задвижки трехсотки. По ходу было еще по одной задвижке на правой и левой нитках трубопровода, но открыть их сил уже не хватило ни у Акимова и

Топтунова, ни у помогавших им Нехаева, Орлова, Ускова...

Предварительно оценивая ситуацию и действия эксплуатационного персонала после взрыва, можно сказать, что безусловный героизм и самоотверженность проявили турбинисты в машинном зале, пожарники на кровле и электрики во главе с заместителем начальника электроцеха Александром Григорьевичем Лелеченко.

Эти люди предотвратили развитие катастрофы в машинном зале, как внутри, так и снаружи, и спасли таким образом всю станцию.

Александр Григорьевич Лелеченко, оберегая молодых электриков от излишних хождений в зону высокой радиации, сам трижды ходил в электролизерную, чтобы отключить подачу водорода к аварийным генераторам. Если учесть, что электролизерная находилась рядом с завалом, всюду обломки топлива и реакторного графита, активность которых достигала от пяти до пятнадцати тысяч рентген в час, можно представить, насколько высоконравственным и героическим был этот 50-летний человек, сознательно прикрывший собою молодые жизни. А потом по колено в высокоактивной воде изучал состояние распредустройств, пытаясь подать напряжение на питательные насосы...

Общая экспозиционная доза, им полученная, составила 2500 рад. Этого хватило бы на пять смертей.

Но получив в Припятской медсанчасти первую помощь (ему влили в вену физраствор), Лелеченко сбежал на блок и работал там еще несколько часов...

Умер он страшной, мученической смертью в Киеве.

Бесспорен героизм начальника смены реакторного цеха Валерия Перевозченко, наладчика Петра Пала-марчука и дозиметриста Николая Горбаченко, бросившихся спасать своих товарищей.

Что же касается действий Акимова, Дятлова и Топтунова и помогавших им, то их работа, полная самоотверженности и бесстрашия, тем не менее была направлена на усугубление аварийной ситуации. Ложная модель, оценка происходящего: «Реактор цел, его нужно охлаждать, подавать воду. Разрушения произошли от взрыва бака СУЗ в центральном зале», – с одной стороны, несколько успокоили Брюханова и Фомина, которые доложили модель ситуации в Москву и тут же получили ответный приказ: «Непрерывно подавать воду в реактор! Охлаждать». С другой стороны... Временно такой приказ как бы облегчал душу и вроде бы вносил ясность в ситуацию: подавайте воду, и все будет хорошо...

Это и определило весь характер действий Акимова, Топтунова, Дятлова, Нехаева, Орлова, Ускова и других, которые сделали все, чтобы включить в работу аварийный питательный насос и подать воду в воображаемый «целый и невредимый» реактор.

Эта же мысль позволила не сойти с ума Брюханову и Фомину, ведь она давала надежду...

Но запас воды в деаэрационных баках истощался (всего 480 кубометров). Правда, туда переключили подпитку с химводоочистки, из других запасных баков, тем самым оставив без возможности восполнения утечек дебалансных вод три других работающих энергоблока. Там, особенно на соседнем третьем блоке, сложилась крайне тяжелая ситуация, грозившая потерей охлаждения активной зоны.

Тут нужно отдать должное начальнику смены блока № 3 Юрию Эдуардовичу Багдасарову, у которого на БЩУ в момент аварии на соседнем блоке оказались и респираторы «лепесток», и таблетки йодистого калия. Как только ухудшилась радиационная обстановка, он всем подчиненным приказал надеть респираторы и принять таблетки йодистого калия.

Когда он понял, что всю воду из баков чистого конденсата и с химводоочистки переключили на аварийный блок, тут же доложил в бункер Фомину, что остановит реактор. Фомин запретил. К утру Багдасаров сам остановил третий блок и перевел реактор в режим расхолаживания, подпитывая контур циркуляции водой из бассейна-барбатера. Действовал мужественно и в высшей степени профессионально, предотвратив расплавление активной зоны третьего реактора в свою смену...

Тем временем в бункере АБК-1 (бомбоубежище) Брюханов и Фомин непрерывно сидели на телефонах. Брюханов держал связь с Москвой, Фомин – с блочным щитом управления 4-го энергоблока.

В Москву: в ЦК КПСС Марьину, министру Майорцу, начальнику Союзатомэнерго Веретенникову. В Киев: министру энергетики Украины Склярову, секретарю обкома Ревенко – тысячи раз повторялась одна и та же модель ситуации:

«Реактор цел. Подаем воду в аппарат. Взорвался бак аварийной воды СУЗ в центральном зале. Взрывом снесло шатер. Радиационная обстановка в пределах нормы. Погиб один человек – Валерий Ходемчук. У Владимира Шашенка – стопроцентный ожог. В тяжелом состоянии».

«Радиационная обстановка в пределах нормы...» Подумать только. Конечно, у него были приборы с диапазоном измерений всего на тысячу микрорентген в секунду (это 3,6 рентгена в час). Но кто мешал Брюханову иметь достаточное количество приборов с большим диапазоном измерений? Почему необходимые приборы оказались запертыми в каптерку, а имевшиеся у дозиметристов – неисправными? Почему Брюханов пренебрег докладом начальника штаба гражданской обороны АЭС С. С. Воробьева и не передал в Москву и Киев его данные о радиационной обстановке?

Здесь, конечно, были и трусость, и боязнь ответственности, и, в силу некомпетентности, – неверие в возможность такой страшной катастрофы. Да, для него происшедшее было уму непостижимым. Но это лишь объясняет, а не оправдывает его действия.

Из Москвы Брюханову было передано, что организована Правительственная комиссия, первая группа специалистов вылетит в девять утра.

«Держитесь! Охлаждайте реактор!»

Фомин порою терял самообладание. То впадал в ступор, то начинал голосить, плакать, бить кулаками и лбом о стол, то развивал бурную, лихорадочную деятельность. Красивый звучный баритон его был насыщен предельным напряжением. Он давил на Акимова и Дятлова, требуя непрерывной подачи воды в реактор, бросал на 4-й блок все новых и новых людей взамен выбывающих из строя...

Когда Дятлова отправили в медсанчасть, Фомин вызвал из дома заместителя главного инженера по эксплуатации 1-й очереди Анатолия Андреевича Ситникова и сказал:

– Ты опытный физик. Определи, в каком состоянии реактор. Ты будешь как бы человек со стороны, не заинтересованный во вранье. Прошу тебя. Лучше взобраться на крышу блока «В» и заглянуть сверху в центральный зал. А?..

Ситников пошел навстречу смерти. Он облазил весь реакторный блок, заходил в центральный зал. Уже здесь он понял, что реактор разрушен. Но он посчитал это недостаточным. Поднялся на крышу блока «В» (спецхимии) и оттуда посмотрел на реактор с высоты птичьего полета. Картина невообразимого разрушения открылась его взору. Взрывом оторвало монолитный шатер центрального зала, и жалкие остатки прогнувшихся бетонных стен с торчащими во все стороны бесформенными шупальцами арматуры напоминали гигантскую актинию, притаившуюся в ожидании, когда очередная живая душа приблизится к ней, а то и окунется в ее адское ядерное чрево.

Ситников отогнал от себя навязчивый образ и, ощущая, как жаркие радиоактивные шупальца лижут ему лицо, руки, обжигая мозг и саму душу, садня нутро, стал пристально разглядывать то, что осталось от центрального зала. Реактор явно взорвался. Плита верхней биозащиты с торчащими в разные стороны обрывками трубопроводных коммуникаций, пакетов импульсных линий, похоже, была подброшена взрывом и, рухнув назад, наклонно улеглась на шахту реактора. Из раскаленных проемов справа и слева гудел огонь, несло нестерпимым жаром и смрадом. Всего Ситникова, особенно его голову, напрямую обстреливало нейтронами и гамма-лучами. Он дышал густым радионуклидным газом, все более ощущая нестерпимое жжение в груди, будто внутри него кто-то разводил костер. Огонь все разгорался, разгорался...

Он схватил не менее полутора тысяч рентген на голову. Облучением поражена была центральная нервная система. В Московской клинике у него не привился костный мозг и, несмотря на все принятые меры, он погиб...

В десять утра Ситников доложил Фомину и Брюханову, что реактор, по его мнению, разрушен. Но доклад Анатолия Андреевича Ситникова вызвал только раздражение и к сведению принят не был. Подача воды в «реактор» продолжалась...

Как я уже говорил раньше, первыми приняли на себя удар ядерной стихии внутри энергоблока операторы центрального зала Кургуз и Генрих, оператор главных циркуляционных насосов Валерий Ходемчук, наладчик Владимир Шашенок, заместитель начальника турбинного цеха Разим Давлетбаев, машинисты турбины – Бражник, Тормозин, Перчук, Новик, Вершинин...

А снаружи энергоблока первыми бесстрашно включились в борьбу с огнем пожарные майора Телятникова.

Пожарный Иван Михайлович Шаврей в момент взрыва был дневальным в поезде промплощадки, в пятистах метрах от аварийного энергоблока. После взрыва сразу по тревоге выехал к блоку караул ВПЧ-2 лейтенанта Владимира Правика. Он нес пожарную охрану атомной станции. Почти в то же время из Припяти выехал караул СВПЧ-6 лейтенанта Виктора Кибенка, который нес пожарную охрану города.

Командир пожарной части Леонид Петрович Телятников был в отпуске и должен был выйти на работу через день. Они как раз с братом справляли его день рождения, когда позвонили из поезда промплощадки:

– Пожар в машинном зале! – взволнованно доложил дежурный. – Сработала сигнализация, подведенная от АЭС. Горит кровля. Выслан караул лейтенанта Правика. На помощь попросили из Припяти караул лейтенанта Кибенка!

– Молодцы! – одобрил Телятников. – Пришлите машину. Сейчас приеду.

Машина довезла быстро. Увидев пожар, Телятников сразу понял, что наличных людей мало и надо просить помощи отовсюду. Приказал лейтенанту Правика передать тревогу по области. Правик по радиации передал вызов № 3, по которому все пожарные машины Киевской области должны следовать к атомной станции, где бы они ни находились.

Шаврей и Петровский установили свои машины по ряду «Б» и поднялись по механической лестнице на крышу машзала. Там бушевал огненно-дымный шквал. Навстречу им уже шли ребята из СВПЧ-6 с плохим самочувствием. Помогли им добраться до механической лестницы, а сами бросились к огню...

В. А. Прищепа развернул свою машину (пожарный расчет) у ряда «А», подключился к гидранту, и его расчет по пожарной лестнице полез на крышу машзала. Когда влезли – увидели: в ряде мест перекрытие крыши нарушено. Некоторые панели упали вниз, другие сильно шатались. Прищепа спустился вниз, чтобы предупредить об этом товарищей. Увидел майора Телятникова. Докладил ему. Тот сказал:

– Выставить боевой пост дежурства и не покидать до победы.

Так и сделали. С Шавреем и Петровским Прищепа пробыл на крыше машзала до пяти утра. Потом им стало плохо. Вернее, плохо стало почти сразу, но терпели, думали, что от дыма и жары. А к пяти утра стало уж совсем плохо, смертельно плохо. Тогда спустились. Но огонь уже был погашен...

Через пять минут после взрыва на месте аварии был и расчет Андрея Полковникова. Развернул машину, подготовил к тушению. На крышу поднимался два раза, передавал приказ Телятникова, как действовать.

Правик прибыл к месту катастрофы первым, поэтому весь его караул был брошен на тушение кровли машзала. Караул Кибенка, прибывшего несколько позже, бросили на реакторное отделение. Там пламя бушевало на разных отметках. В пяти местах горело в центральном зале. На борьбу с этим огнем и бросились Кибенок, Ващук, Игнатенко, Титенок и Тищура. Это была борьба с огнем в ядерном аду. Когда погасили очаги в сепараторных помещениях и в реакторном зале, остался один, последний и самый главный очаг – реактор.

Вначале не разобрались, стали гасить из брандспойтов гудящую огнем активную зону. Но вода против ядерной стихии была бессильна. Нейтроны и гамма-лучи водой не загасишь...

Пока не было Телятникова, лейтенант Правик взял на себя общее руководство ликвидацией огня. Сам пошел и разведкал все до мелочей. Неоднократно подходил к реактору, взбирался на крышу блока «В», чтобы увидеть оттуда всю картину и верно определить тактику борьбы с огнем. Когда появился Леонид Телятников, Правик стал его правой рукой, первым помощником.

Надо было остановить огонь на решающих направлениях. Одно отделение Телятников бросил на защиту машзала, два других сдерживали продвижение клокочущего огня к соседнему третьему энергоблоку, а также ликвидировали пожар в центральном зале.

Выслушав доклад Правика, Телятников и сам несколько раз поднимался на 71-ю отметку, чтобы лучше рассмотреть направление движения огня. Ведь обстановка менялась каждую минуту.

Лава горящего битума, тяжелый ядовитый дым снижали видимость. Затрудняли дыхание. Работали под угрозой неожиданных выбросов пламени, внезапных обрушений. Всего в реакторном отделении и на кровле машзала загасили тридцать семь очагов огня.

Нестерпимо жег жар, но пожарные смело шли в это пекло. Дым ел глаза, на сапоги налипал расплавленный битум, каски осыпало черным радиоактивным пеплом графита и керамзита.

Леонид Шаврей из подразделения Правика стоял на посту на крыше блока «В», следя за тем, чтобы огонь не перекинулся дальше. Было страшно жарко. И снаружи, и внутри. О радиации никто пока не подозревал. Пожар как пожар, ничего сверхъестественного не замечали. Шаврей даже снял каску. Душно, давит грудь, душит кашель. Но вот один за другим стали выходить из строя люди. Тошнота, рвота, помутнение сознания. Где-то в половине четвертого ночи Телятников спустился на блочный щит управления к Акимову. Доложил обстановку на кровле. Сказал, что ребятам что-то дурно становится. Не радиация ли? Попросил дозиметриста. Пришел Горбаченко. Сказал, что радиационная ситуация сложная. Послал в помощь Телятникову своего помощника Пшеничникова.

Пошли через лестнично-лифтовой блок, наверху которого была дверь па крышу. Но дверь оказалась запертой. Выломать не смогли. Спустились на нулевую отметку и прошли через улицу. Шли по графиту и топливу. Телятников был уже плох: буро-коричневый цвет лица, тошнота, рвота, головная боль. Но он думал, что отравился дымом и перегрелся на пожаре. И все же... Хотелось убедиться поточнее.

У Пшеничникова был радиометр на тысячу микрорентген в секунду. Везде, внизу и на крыше, он зашкаливал, но истинной радиационной обстановки дозиметрист определить не мог. Его радиометр показывал всего три и шесть десятых рентгена в час. На самом же деле на кровле было в разных местах от двух до пятнадцати тысяч рентген в час. Ведь кровля загорелась от упавших на нее раскаленных графита и топлива. Смешавшись с расплавленным битумом, все это превратилось в высокоактивное месиво, по которому ходили пожарники.

Внизу, на земле, как я уже говорил, было не лучше. Не только графит и обломки топлива, но и ядерная пыль, выпавшая из облака взрыва, покрыла все ядовитым налетом.

Водитель В. В. Булава рассказывает:

«Получил команду пробиться к расположению лейтенанта Хмеля. Приехал. Поставил машину на водоем. Включил подачу воды. Машина-то у меня только из ремонта, вся новехонькая, пахнет свежей краской. Скаты на колесах тоже новые. Только при подъезде к блоку слышу, стучит что-то о правое переднее колесо. Выскочил посмотреть. Так оно и есть — арматурина проткнула шину, торчит из колеса и цепляет за крыло... Такая обида, прямо до слез. Только из ремонта, такая жалость по пока ставил машину на водоем, некогда было. А потом включил насосы, сел в кабину, а эта железяка никак из головы не идет. Прямо сижу и вижу, как она в живую шину воткнулась и торжествует себе. Нет, думаю, не потерплю я

такого. Вылез из машины и выдернул ее чертяку. Не поддавалась. Повозиться пришлось... А в итоге с глубокими радиационными ожогами рук попал в московскую клинику... Знал бы, рукавицы надел... Такие дела...»

Первыми вышли из строя пожарные Кибенка вместе со своим командиром. В первой группе пострадавших был и лейтенант Правик...

К пяти утра пожар погасили. Но победа далась дорогой ценой. Семнадцать пожарных, среди них Кибенок, Правик, Телятников, – были отправлены в медсанчасть, а вечером того же дня – в Москву...

Всего из Чернобыля и других районов Киевской области на помощь к месту аварии прибыло пятьдесят пожарных машин. Но основная работа была уже выполнена...

В ту роковую и героическую ночь на «Скорой помощи» Припятской медсанчасти дежурил врач-педиатр Валентин Белоконь. Работали двумя бригадами с фельдшером Александром Скачком. Белоконь был у больного, когда поступил вызов с атомной станции. По вызову выехал фельдшер Скачок.

В 1 час 42 минуты Скачок позвонил с АЭС и сказал, что на станции пожар, есть обожженные, нужен врач. Белоконь выехал с шофером Гумаровым. Взяли еще две резервных машины. По дороге навстречу им проскочила машина Скачка с включенной мигалкой. Как потом выяснилось, Скачок вез Володю Шашенка.

На АБК-1 дверь здравпункта оказалась забитой на гвоздь. Взломали. Несколько раз Белоконь подъезжал к третьему и четвертому блокам. Ходил по графиту и топливу. С крыши сползали в очень плохом состоянии Титенок, Игнатенко, Тищура, Ващук. Оказывал первую помощь – в основном успокаивающие уколы – и отправлял в медсанчасть. Последними из огня вышли Правик, Кибенок, Телятников. К шести утра Белоконь тоже почувствовал себя плохо и был доставлен в медсанчасть.

Первое, что бросилось в глаза, когда увидел пожарных, – их страшное возбуждение, на пределе нервов. Такое не наблюдал раньше. Потому и успокаивающее колол им. А это, как выяснилось потом, было ядерное бешенство нервной системы, ложный свертонус, который сменился затем глубокой депрессией...

Свидетельствует Геннадий Александрович Шашарин – бывший заместитель министра энергетики и электрификации СССР:

«Я находился в момент взрыва в Ялте, в санатории. Отдыхали вместе с женой. В 3 часа ночи 26 апреля 1986 года раздался телефонный звонок прямо в номере. Звонили из Ялтинского КГБ, сказали, что на Чернобыльской АЭС серьезное ЧП, что я назначен председателем Правительственной комиссии и что мне срочно надлежит вылететь в Припять на место аварии.

Я быстро оделся, пошел к дежурному администратору и попросил соединить меня с управляющим Крымэнерго в Симферополе, а также с ВПО Союзатомэнерго в Москве. Соединили с ВПО Союзатомэнерго. Г. А. Веретенников был уже на месте (около четырех утра). Я его спросил:

– Аварийную защиту сбросили? Вода в реактор подается?

– Да, – ответил Веретенников.

Затем администратор санатория принесла мне телекс за подписью министра Майорца. В телексе уже значилось, что председателем Правительственной комиссии назначен зампред Совмина СССР Борис Евдокимович Щербина и что мне тоже быть в Припяти 26 апреля. Вылетать немедленно.

Переговорил с управляющим Крымэнерго, попросил к семи утра машину и забронировать место в самолёте на Киев. Говорил с Крымэнерго из Ялтинского КГБ, там дежурный офицер соединил меня.

К семи утра пришла „Волга“, и я уехал в Симферополь, проведя в отпуске всего пять дней. В Симферополь прибыл в начале десятого. Вылет в Киев ожидался в 11 часов 00 минут, был запас времени, и я посетил обком партии. Там ничего толком не знали. Высказали беспокойство относительно строительства АЭС в Крыму.

Прилетел в Киев около 13 часов. Там министр энергетики Украины Скляр сказал мне, что с часу на час подлетит Майорец с командой, надо ждать...»

Свидетельствует Виктор Григорьевич Смагин – начальник смены блока № 4:

«Я должен был менять Александра Акимова в восемь утра 26 апреля 1986 года. Спал ночью крепко, взрывов не слышал. Проснулся в семь утра и вышел на балкон покурить. С четырнадцатого этажа у меня хорошо видна атомная станция. Посмотрел в ту сторону и сразу понял, что центральный зал моего родного четвертого блока разрушен. Над блоком огонь и дым. Понял, что дело дрянь. Бросился к телефону, чтобы позвонить на БЩУ, но связь уже была отрублена КГБ, видимо, чтобы не утекала информация. Собрался уходить. Приказал жене плотно закрыть окна и двери. Детей из дому не выпускать. Самой тоже не выходить. Сидеть дома до моего возвращения...

Побежал на улицу к стоянке автобуса. Но автобус не подходил. Вскоре подали „Рафик“, сказали, что отвезут не на АБК-2, как обычно, ко второй проходной, а на АБК-1 к первому блоку.

Привезли к АБК-1. Там все уже было оцеплено милицией. Прапорщики не пропускали. Тогда я показал свой круглосуточный пропуск руководящего оперативного персонала, и меня неохотно, но пропустили.

Около АБК-1 встретил заместителей Брюханова В. И. Гундара и И. Н. Царенко, которые направлялись в бункер. Они сказали мне:

– Иди, Витя, на БЩУ-4, смени Бабичева. Он менял Акимова в шесть утра, наверное, уже схватил... Не забудь переодеться в „стекляшке“ (так мы называли конференц-зал)...

„Раз переодеться здесь, – сообразил я, – значит, на АБК-2 радиация...“

Поднялся в „стекляшку“. Там навалом одежда: комбинезоны, бахилы, „лепестки“. Пока переодевался, сквозь стекло видел генерала МВД (это был замминистра внутренних дел Украинской ССР Г. В. Бердов), который проследовал в кабинет Брюханова.

Я быстро переоделся, не зная еще, что с блока вернусь уже в медсанчасть с сильным ядерным загаром и с дозой 280 рад. Но сейчас я торопился, надел костюм ХБ, бахилы, чепец, „лепесток-200“ и побежал по длинному коридору деаэрационной этажерки (общая для всех четырех блоков) в сторону БЩУ-4. В районе помещения вычислительной машины „Скала“ – провал, лилась вода, парило. Заглянул в помещение „Скалы“. С потолка на шкафы с аппаратурой льется вода. Тогда еще не знал, что вода сильно радиоактивная. В помещении никого. Юру Бадаева, видать, уже увезли. Пошел дальше. Заглянул в помещение щита дозиметрии. Там уже хозяйничал замначальника службы РБ (радиационной безопасности) Красножон. Горбаченки не было. Стало быть, тоже увезли или где-нибудь ходит по блоку. Был в помещении и начальник ночной смены дозиметристов Самойленко. Красножон и Самойленко устроили перепалку. Я прислушался и понял, что ругаются из-за того, что не могут определить радиационную обстановку. Самойленко давит на то, что радиация огромная, а Красножон, что можно работать пять часов из расчета 25 бэр.

– Сколько работать, мужики? – спросил я, прервав их перепалку.

– Фон – 1000 микрорентген в секунду, то есть 3,6 рентгена в час. Работать пять часов из расчета набора 25 бэр!

– Брехня все это, – резюмировал Самойленко. Красножон снова взбеленился.

– Что же у вас других радиометров нет? – спросил я.

– Есть в каптерке, но ее завалило взрывом, – сказал Красножон. – Начальство не предвидело такой аварии...

„А вы что – не начальники?“ – подумал я и пошел дальше.

Все стекла в коридоре деаэрационной этажерки были выбиты взрывом. Очень остро

пахло озоном. Организм ощущал сильную радиацию. А говорят, нет органов чувств таких. Видать, все же что-то есть. В груди появилось неприятное ощущение: самопроизвольное паническое чувство, но я контролировал себя и держал в руках. Было уже светло, и в окно хорошо был виден завал. Весь асфальт вокруг усыпан чем-то черным. Присмотрелся – так это же реакторный графит! Ничего себе! Понял, что с реактором дело плохо. Но до сознания еще не доходила вся реальность случившегося.

Вошел в помещение блочного щита управления. Там были Бабичев Владимир Николаевич и заместитель главного инженера по науке Михаил Алексеевич Лютов. Он сидел за столом начальника смены блока.

Я сказал Бабичеву, что пришел его менять. Было 7 часов 40 минут утра. Бабичев сказал, что заступил на смену полтора часа назад и чувствует себя нормально. В таких случаях прибывшая смена поступает под команду работающей вахты.

– Акимов и Топтунов еще на блоке, – сказал Бабичев, – открывают задвижки на линии подачи питательной воды в реактор в 712-м помещении, на 27-й отметке. Им помогают старший инженер-механик с первой очереди Нехаев, старший инженер по эксплуатации реакторного цеха первой очереди Усков, замначальника реакторного цеха первой очереди Орлов. Иди, Виктор, смени их. Они плохи...

Зам. главного инженера по науке Лютов сидел и, обхватив голову руками, тупо повторял:

– Скажите мне, парни, температуру графита в реакторе... Скажите, и я вам все объясню...

– О каком графите вы спрашиваете, Михаил Алексеевич? – удивился я. – Почти весь графит на земле. Посмотрите. На дворе уже светло. Я только что видел...

– Да ты что?! – испуганно и недоверчиво спросил Лютов. – В голове не укладывается такое...

– Пойдемте посмотрим, – предложил я.

Мы вышли с ним в коридор деаэраторной этажерки и вошли в помещение резервного пульта управления, оно ближе к завалу. Там тоже взрывом выбило стекла. Они трескали и взвизгивали под ногами. Насыщенный долгоживущими радионуклидами воздух был густым и жалящим. От завала напрямую обстреливало гамма-лучами с интенсивностью до пятнадцати тысяч рентген в час. Но тогда я об этом не знал. Жгло веки, горло, перехватывало дыхание. От лица шел внутренний жар, кожу сушило, стягивало...

– Вот смотрите, – сказал я Лютову, – кругом черно от графита...

– Разве это графит? – не верил своим глазам Лютов.

– А что же это? – с возмущением воскликнул я, а сам в глубине души тоже не хочу верить в то, что вижу. Но я уже понял, что из-за лжи зря гибнут люди, пора сознаться себе во всем. Со злым упорством, разгоряченный радиацией, я продолжал доказывать Лютову.

– Смотрите! Графитовые блоки. Ясно ведь различимо. Вон блок с „папой“ (выступом), а вон с „мамой“ (с углублением). И дырки посередине для технологического канала. Неужто не видите?

– Да вижу... Но графит ли это?.. – продолжал сомневаться Лютов.

Эта слепота людей меня всегда доводила до бешенства. Видеть только то, что выгодно твоей шкуре! Да это ж гибель!

– А что же это?! – уже начал орать я на начальника.

– Сколько же его тут? – очухался наконец Лютов.

– Здесь не все... Если выбросило, то во все стороны. Но, видать, не все... Я дома в семь утра, с балкона, видел огонь и дым из пола центрального зала...

Мы вернулись в помещение БЩУ. Здесь тоже здорово пахло радиоактивностью, и я поймал себя на том, что словно впервые вижу родной БЩУ-4, его панели, приборы, щиты, дисплеи. Все мертво. Стрелки показывающих приборов застыли на зашкале или нуле. Молчала машина „ДРЭГ“ системы „Скала“, выдававшая во время работы блока непрерывную распечатку параметров. Все эти диаграммы и распечатки ждут теперь своего

часа. На них застыли кривые технологического процесса, цифры – немые свидетели атомной трагедии. Скоро их вырежут, думал я, и как величайшую драгоценность увезут в Москву для осмысливания происшедшего. Туда же уйдут оперативные журналы с БЩУ и со всех рабочих мест. Потом все это назовут „мешок с бумагами“, а пока... Только двести одиннадцать круглых сельсинов-указателей положения поглощающих стержней живо выделялись на общем мертвом фоне щитов, освещенные изнутри аварийными лампами подсветки шкал. Стрелки сельсинов застыли в положении 2,5 метра, не дойдя до низа 4,5 метров.

Я покинул БЩУ-4 и побежал по лестнично-лифтовому блоку вверх, на 27-ю отметку, чтобы сменить Топтунова и Акимов в 712-м помещении. По дороге встретил спускающегося вниз Толю Ситникова. Он был плох, темно-буро-коричневый от ядерного загара, непрерывная рвота. Преодолевая слабость и рвоту, сказал:

– Я все посмотрел... По заданию Фомина и Брюханова... Они уверены, что реактор цел... Я был в центральном зале, на крыше блока „В“. Там много графита и топлива... Я заглянул сверху в реактор... По-моему, он разрушен... Гудит огнем... Не хочется в это верить... Но надо...

Это его „по-моему“ выдавало мучительное чувство, которое испытывал Ситников. И он, физик, не хотел до конца верить, не верил глазам своим, настолько то, что он увидел, было страшно...

Всю историю развития атомной энергетики „этого“ боялись больше всего. И скрывали эту боязнь. И „это“ произошло...

Ситников, шатаясь, пошел вниз, а я побежал наверх. Комингс (порог) у двери в 712-м помещении высокий, примерно 350 миллиметров. И все помещение заполнено водой с топливом поверх комингса. Из помещения вышли Акимов и Топтунов – отекающие, темно-буро-коричневые лица и руки (как оказалось при осмотре в медсанчасти, такого же цвета остальные части тела. Одежда лучам не помеха). Выражение лиц – подавленное. Страшно распухли губы, языки. Они с трудом говорили... Тяжкие страдания, но и ощущение недоумения и вины одновременно испытывали начальник смены блока Акимов и СИУР Леонид Топтунов.

– Ничего не пойму, – еле ворочая распухшим языком, сказал Акимов, – мы все делали правильно... Почему же... Ой, плохо, Витя... Мы доходим... Открыли, кажется, все задвижки по ходу... Проверь третью на каждой нитке...

Они спустились вниз, а я вошел в небольшое 712-е помещение, площадью примерно восемь квадратных метров. В нем находился толстый трубопровод, который раздваивался на два рукава или нитки, как говорят эксплуатационники, диаметром 200 миллиметров каждая. На этих рукавах было по три задвижки. Их-то и открывали Топтунов и Акимов. По этому трубопроводу, как думал Акимов, вода от работающего питательного насоса шла в реактор... На самом же деле в реактор вода не попадала, а лилась в подаппаратное помещение и оттуда заливала кабельные полуэтажи и распреустройства на минусовых отметках, усугубляя аварию...

Странно, но абсолютное большинство эксплуатационников, и я в том числе, выдавали в эти несусветные часы желаемое за действительное.

„Реактор цел!“ – эта лживая, но спасительная, облегчающая душу и сердце мысль околдовывала многих здесь, в Припяти, Киеве, да и в Москве, из которой неслись все более жесткие и настойчивые приказы:

– Подавать воду в реактор!

Эти приказы успокаивали, вселяли уверенность, динамизм, придавали сил там, где им уже по всем биологическим законам не полагалось быть...

Трубопровод в 712-м помещении был полузатоплен. А от этой воды „светило“ около тысячи рентген в час. Все задвижки обесточены. Крутить надо вручную. А вручную крутить долго – часы. Вот Акимов и Топтунов крутили их несколько часов, добирая роковые дозы. Я проверил открытие задвижек. По две задвижки на левой и правой нитках были открыты.

Принялся за третьи по ходу. Но и они оказались подорванными. Стал открывать дальше. Находился в помещении около двадцати минут и схватил дозу 280 рад...

Спустился в помещение блочного щита управления, сменил Бабичева. Со мной на БЩУ находились: старшие инженеры управления блоком Гашимов и Бреус, старший инженер управления турбиной Саша Черанёв, его дублер Бакаев, начальник смены реакторного цеха Сережа Камышный. Он теперь бегал везде по блоку, в основном по деаэрационной этажерке, чтобы отсечь левые два деаэрационных бака, из которых вода поступала на разрушенный питательный насос. Однако отсечь не удавалось. Задвижки там диаметром шестьсот миллиметров, а после взрыва деаэрационная этажерка отошла от монолита примерно на полметра, порвав штоковые проходки. Управлять задвижками даже вручную стало невозможно. Попытались восстановить, надставить, но высокие гамма-поля не позволили этого сделать. Люди „выходили из строя“. Камышному помогали старший машинист турбины Ковалев и слесарь Козленко...

К девяти утра остановился работающий аварийный питательный насос, и слава богу. Перестали заливать низы. Кончилась вода в деаэраторах.

Я все время сидел на телефоне. Держал связь с Фоминым и Брюхановым. Они с Москвой. В Москву уходил доклад: „Подаем воду в реактор!“ Оттуда приходил приказ: „Не прекращать подачу воды!“ А вода-то и кончилась...

На БЩУ активность излучения до пяти рентген в час, а в местах прострела с завала – и того больше. Но приборов-то не было. Точно не знали. Доложил Фомину, что вода кончилась. Он в панику: „Подавать воду!“ – кричит. А откуда я ее возьму...

Фомин лихорадочно искал выход. Наконец придумал. Послал заместителя главного инженера по новым блокам Леонида Константиновича Водолажко и начальника смены блока Бабичева, у которого я принял смену, чтобы организовали подачу воды в баки чистого конденсата (три емкости по 1000 кубометров каждая), а затем аварийными насосами снова подавать в реактор. К счастью эта авантюра Фомина не увенчалась успехом...

Около четырнадцати часов я покинул блочный щит управления четвертого энергоблока. Самочувствие было уже очень плохое: рвота, головная боль, головокружение, полубоморочное состояние. Помылся и переоделся в санпропускнике второй очереди и пошел в лабораторно-бытовой корпус первой очереди, в здравпункт. Там уже были врачи и сестры...»

Значительно позже, днем 26 апреля, новые пожарные расчеты, прибывшие в Припять, будут откачивать воду с топливом из кабельных полуэтажей АЭС и перекачивать ее в пруд-охладитель, в котором активность воды на всей площади в двадцать два квадратных километра достигнет шестой степени кюри на литр, то есть будет равна активности воды основного контура во время работы атомного реактора...

Как уже говорилось, Фомин и Брюханов не поверили Ситникову, что реактор разрушен. Не поверили они и начальнику штаба гражданской обороны атомной станции Воробьеву, который предупреждал их о высоких радиационных полях, посоветовали ему выбросить радиометр на помойку. Но где-то в глубине у Брюханова все же мелькнула единственная трезвая мысль. Где-то в недрах души он принял к сведению информацию Воробьева и Ситникова и на всякий случай запросил у Москвы добро на эвакуацию города Припяти. Однако от Б. Е. Щербины, с которым его референт Л. П. Драч связался по телефону (Щербина был в это время в Барнауле), поступил четкий приказ:

– Панику не поднимать! До прибытия Правительственной комиссии эвакуацию не производить!

Ядерная эйфория, трагизм, катастрофичность ситуации лишили Брюханова и Фомина здравого рассудка. Каждый час Брюханов докладывал в Москву и Киев, что радиационная обстановка в Припяти и вокруг АЭС в пределах нормы, что положение в целом контролируется, в реактор подается охлаждающая вода...

Когда остановился питательный насос, Фомин развил бурную деятельность по

организации подачи воды от других источников.

Как уже свидетельствовал В. Г. Смагин, он послал заместителя главного инженера по строящемуся пятому блоку Водолажко и не успевшего убыть в медсанчасть начальника смены блока Бабичева обеспечить подачу и накопление пожарной воды в трех тысячекубовых емкостях чистого конденсата, которые смонтированы снаружи, рядом с блоком ВСРО (вспомогательных систем реакторного отделения), вплотную к завалу, чтобы оттуда насосами аварийной подачи воды от системы САОР снова качать воду в реактор, которого уже не существовало. Это железное упорство, напоминающее маниакальные действия умалишенного, могло принести лишь только больший вред: дополнительное затопление минусовых отметок и переоблучение новых и новых людей. Ведь весь четвертый блок был обесточен, распредустройства залиты водой, ни один механизм включить в работу было уже нельзя, это было сопряжено с тяжелым переоблучением персонала. Кругом радиационные поля от 800 рентген до 15 тысяч рентген в час. Хотя наличные приборы могли измерять уровни активности до четырех рентген в час...

В медсанчасть уже доставили более ста человек. Пора было образумиться. Но нет – безумие Брюханова и Фомина продолжалось:

«Реактор цел! Лить воду в реактор!»

Ранним утром 26 апреля в Москве формировалась к вылету в Киев и далее в Припять первая группа специалистов спецрейсом из аэропорта «Быково». Обзванивал ночью по телефону и собирал людей главный инженер ВПО Союзатомэнерго Борис Яковлевич Прушинский.

В Москве также готовилась к вылету вторая, более высокопоставленная группа – представители ЦК и Правительства, старший помощник генерального прокурора СССР Ю. Н. Шадрин, заместитель начальника Штаба гражданской обороны страны генерал-полковник Б. П. Иванов, командующий химвойсками СССР генерал-полковник В. К. Пикалов, министры, академики, маршалы... Эта группа должна была вылететь в Киев спецрейсом в 11 часов утра 26 апреля 1986 года, но определенные трудности сбора (ведь были выходные дни) задержали вылет до шестнадцати часов...

А тем временем город атомных энергетиков Припять просыпался. Почти все дети пошли в школу...

Свидетельствует Людмила Александровна Харитонова – старший инженер производственно-распорядительного отдела управления строительства Чернобыльской АЭС:

«В субботу 26 апреля 1986 года все уже готовились к празднику 1-е Мая. Теплый погожий день. Весна. Цветут сады. Мой муж, начальник участка вентиляции, после работы собирался поехать с детьми на дачу. Я с утра постирала и развесила на балконе белье. К вечеру на нем уже накопилась миллионы распадав...

Среди большинства строителей и монтажников никто еще ничего толком не знал. Потом просочилось что-то об аварии и пожаре на четвертом энергоблоке. Но что именно произошло, никто точно не знал...

Дети пошли в школу, малыши играли на улице в песочницах, катались на велосипедах. У всех у них к вечеру 26 апреля в волосах и на одежде была уже высокая активность, но тогда мы этого не знали. Недалеко от нас на улице продавали вкусные пончики. Многие покупали. Обычный выходной день...

Рабочие-строители поехали на работу, но их вскоре вернули, часам к двенадцати дня. Муж тоже ездил на работу. Вернувшись к обеду, сказал мне: „Авария, не пускают. Оцепили всю станцию...”

Мы решили поехать на дачу, но нас за город не пропустили посты милиции. Вернулись домой. Странно, но аварию мы еще воспринимали как нечто отдельное от нашей частной жизни. Ведь аварии были и раньше, но они касались только самой атомной станции...

После обеда начали мыть город. Но и это не привлекало внимания. Явление обычное в жаркий летний день. Моечные машины летом не диво. Обычная мирная обстановка. Я только обратила как-то вскользь внимание на белую пену у обочин, но не придала этому значения. Подумала: сильный напор воды...

Группа соседских ребят ездила на велосипедах на путепровод (мост), оттуда хорошо был виден аварийный блок, со стороны станции Янов. Это, как мы позже узнали, было наиболее радиоактивное место в городе, потому что там прошло облако ядерного выброса. Но это стало ясно потом, а тогда, утром 26 апреля, ребятам было просто интересно смотреть, как горит реактор. У этих детей развилась потом тяжелая лучевая болезнь.

После обеда наши дети вернулись из школы. Их там предупредили, чтоб не выходили на улицу, чтобы делали влажную приборку дома. Тогда до сознания впервые дошло, что серьезно.

Об аварии разные люди узнавали в разное время, но к вечеру 26 апреля знали почти все, но все равно реакция была спокойная, так как все магазины, школы, учреждения работали. Значит, думали мы, не так опасно.

Ближе к вечеру стало тревожнее. Эта тревога шла уже неизвестно откуда, то ли изнутри души, то ли из воздуха, в котором стал сильно ощущаться металлический запах. Какой-то он, даже не могу точно сказать. Но металлический...

Вечером загорелось сильнее. Сказали: горит графит... Люди издалека видели пожар, но не обращали особого внимания.

– Горит что-то...

– Пожарники потушили...

– Все равно горит...»

А на промплощадке, в трехстах метрах от разрушенного энергоблока, в конторе Гидроэлектромонтажа сторож Данила Терентьевич Мируженко дождался восьми утра и, поскольку начальник управления на его звонки не отвечал, решил пойти за полтора километра в управление строительства и доложить там начальнику стройки Кизиме или диспетчеру о том, что видел ночью. Менять его утром никто не пришел. Никто также не позвонил ему, что предпринять. Тогда он закрыл на замок контору и пошел пешком в управление строительства. Чувствовал он себя уже очень плохо. Началась рвота. В зеркало увидел, что сильно загорел за ночь без солнца. К тому же, направляясь к управлению строительства, он некоторое время шел по следу ядерного выброса.

Подошел к управлению, а там закрыто. Никого нет. Суббота все-таки.

Возле крыльца стоит какой-то незнакомый мужчина. Увидел Мируженко и сказал:

– Иди, дед, скорей в медсанчасть. Ты совсем плохой.

Мируженко кое-как доковылял до медсанчасти...

Шофер начальника Управления Гидроэлектромонтаж Анатолий Викторович Трапиковский, заядлый рыбак, рано утром 26 апреля на служебной машине спешил к подводящему каналу, чтобы наловить мальков и двинуть далее на судака. Но обычным путем ему проехать не удалось. Загородила милиция. Тогда он развернулся и с другой стороны попытался проскочить на теплый канал – тоже милицейский кордон. Тогда он по едва заметной стежке проехал лесом и выехал к каналу. Расположился рыбачить. Рыбаки, сидевшие здесь с ночи, рассказали о взрывах. Думали, говорят, что это сработали главные предохранительные клапаны. Такой звук выброса пара. А потом произошел взрыв с сильным огнем и искрами. Огненный шар пошел в небо...

Постепенно и как-то незаметно рыбаки исчезли. Трапиковский еще некоторое время порыбачил, но в душу стал пробираться страх, и он тоже собрался и уехал домой...

Утром с ночной смены со строящегося 5-го энергоблока прошли два рабочих-изолировщика, Алексей Дзюбак и его бригадир Запёклый. Они держали путь в сторону конторы «Химзащита», расположенной в трехстах метрах от 4-го блока. Топали по следу

ядерного выброса, то есть по ядерной трухе, которая просыпалась из радиоактивного облака. Активность «следа» на земле доходила до десяти тысяч рентген в час. Общая экспозиционная доза, ими полученная, составила около 300 рад у каждого. Полгода провели в 6-й клинике Москвы...

Охранница (работник ВОХР) Клавдия Ивановна Лузганова, 50 лет от роду, дежурила в ночь с 25 на 26 апреля на строящемся здании ХОЯТа (хранилище отработавшего ядерного топлива) в двухстах метрах от аварийного блока. Получила около шестисот рад. Умерла в 6-й клинике Москвы в конце июля 1986 года...

На пятый энергоблок утром 26 апреля выехала бригада рабочих-строителей. Туда же, на пятый блок, приехал начальник Управления строительством Василий Трофимович Кизима – бесстрашный, мужественный человек. Перед этим он на машине объехал и осмотрел завал вокруг 4-го блока. Никаких дозиметров у него не было, и он не знал, сколько получил. Рассказывал мне потом:

– Догадывался, конечно, уж очень сушило грудь, жгло глаза. Не зря ведь, думаю, жжет. Наверняка Брюханов выплюнул радиацию... Осмотрел завал, поехал на 5-й блок. Рабочие ко мне с вопросами. Сколько работать? Какая активность? Требуют льготы за вредность. Всех и меня тоже душит кашель. Протестует организм против плутония, цезия и стронция. А тут еще йод-131 в щитовидку набился. Душит. Респираторов ведь ни у кого нет. И таблеток йодистого калия тоже нет. Звоню Брюханову. Справляюсь о ситуации. Брюханов ответил: «Изучаем обстановку». Ближе к обеду снова позвонил ему. Он опять изучал обстановку. Я строитель, не атомщик, и то понял, что товарищ Брюханов обстановкой не владеет... Как был размазня, так и остался... В двенадцать часов дня я отпустил рабочих по домам. Ждать дальнейших указаний руководства...

Свидетельствует председатель Припятского горисполкома Владимир Павлович Волошко:

«В течение всего дня 26 апреля Брюханов вводил в неведение всех, заявляя, что радиационная обстановка в городе Припяти нормальная. Внешне весь день 26 апреля Брюханов был невменяемый. Какой-то на вид полоумный, потерявший себя. Фомин, так тот вообще с перерывами между отдачей распоряжений плакал, скулил, куда делись нахальство, злость, самоуверенность. Оба более-менее пришли в себя к вечеру. К приезду Щербины. Будто тот мог привезти с собой спасение. К взрыву Брюханов шел закономерно. Это и не мудрено. Сам Брюханов знал только турбину и подбирал себе подобных турбинистов. Фомин – электриков. Представляешь, Брюханов каждый час отправлял в Киев донесения о радиационной обстановке, и в них значилось, что ситуация нормальная. Никакого тебе превышения фона». – Волошко с возмущением добавил: – «Послали на полторы тыщи рентген Толю Ситникова, отличного физика. И его же не послушали, когда он доложил, что реактор разрушен...

Из пяти с половиной тысяч человек эксплуатационного персонала – четыре тысячи исчезли в первый же день в неизвестном направлении...»

В 9 часов 00 минут утра 26 апреля 1986 года на связь с Управлением строительства Чернобыльской АЭС вышла дежурная Союзатомэнергостроя из Москвы Лидия Всеволодовна Еремеева. В Припяти трубку поднял главный инженер стройки Земсков. Еремеева попросила у него данные по стройке за сутки: укладка бетона, монтаж металлоконструкций, средства механизации, число работающих на 5-м блоке...

– Вы уж нас не беспокойте сегодня. У нас тут небольшая авария, – ответил В. Земсков, только что добросовестно обошедший аварийный блок и сильно облучившийся. Потом у него была рвота и медсанчасть...

В 9.00 утра 26 апреля из Московского аэропорта «Быково» вылетел спецрейсом самолет

Як-40.

На борту самолета находилась первая оперативная межведомственная группа специалистов в составе главного инженера ВПО Союзатомэнерго Б. Я. Прушинского, заместителя начальника того же объединения Е. И. Игнатенко, заместителя начальника института Гидропроект В. С. Конвиза (генпроектант станции), представителей НИКИЭТа (главного конструктора реактора РБМК) К. К. Подушкина и Ю. Н. Черкашова, представителя Института атомной энергии имени И. В. Курчатова – Е. П. Рязанцева и других.

Группу, как я уже говорил, собрал для вылета Б. Я. Прушинский, обзвонив каждого по телефону.

В распоряжении вылетевшей группы была небогатая информация, переданная Брюхановым:

- реактор цел, охлаждается водой, – что очень льстило Подушкину и Черкашову, как представителям главного конструктора аппарата. Приятно это было знать и Конвизу, как генпроектанту, ибо он применил этот «надежный» аппарат в проекте атомной станции;

- радиационная обстановка в пределах нормы – это успокаивало всех и особенно представителя Института атомной энергии имени И. В. Курчатова – Е. П. Рязанцева, ибо активная зона, рассчитанная институтом, оказалась надежной, прочной и управляемой, раз в столь критической ситуации реактор уцелел;

- всего два несчастных случая со смертельным исходом – для взрыва это не так много;

- взорвался 110-кубовый бак аварийного охлаждения приводов СУЗ (системы управления защитой), видимо, от взрыва гремучей смеси. Что ж, надо продумать защиту бака на будущее...

В десять сорок пять утра 26 апреля аварийная оперативная группа специалистов была уже в Киеве. Еще через два часа машины подкатали к зданию горкома партии Припяти.

Необходимо было как можно быстрее ознакомиться с истинным положением дел, чтобы к прилету членов Правительственной комиссии иметь достоверную информацию для доклада.

Прежде всего, надо проехать к аварийному блоку и посмотреть все своими глазами. Еще лучше осмотреть блок с воздуха. Выяснилось, что поблизости есть вертолет гражданской обороны, приземлившийся недалеко от путепровода, что возле станции Янов. Какое-то время ушло на поиски бинокля и фотографа с фотоаппаратом. Бинокль так и не нашли. Фотограф отыскался. Перед вылетом были уверены еще, что реактор цел и охлаждается водой. Через час-полтора после приезда оперативной группы вертолет Ми-6 поднялся в воздух. На борт поднялись фотограф, главный инженер ВПО Союзатомэнерго Б. Я. Прушинский и представитель главного конструктора реактора К. К. Полушкин. Дозиметр был только у пилота, что позволило потом узнать поглощенную дозу радиации.

Подлетали со стороны бетоносмесительного узла и города Припяти. Перед и чуть левее блока ВСРО. Высота 400 метров. Снизилась до 250, чтобы лучше рассмотреть. Картина удручающая. Сплошной развал, нет центрального зала. Блок неузнаваем... Но по порядку.

- Зависните здесь, – попросил Прушинский.

На крыше блока ВСРО (вспомогательных систем реакторного отделения), вплотную к стене блока «В» (спецхимии) видны навалы погнутых балок, светлых осколков панелей стен и перекрытий, сверкавших на солнце нержавеющей труб, черных кусков графита и покореженных, рыжих от коррозии топливных сборок. Особенно скученный завал топлива и графита около квадратной венттрубы, выступавшей из крыши ВСРО и вплотную примыкавшей к стене блока «В». Далее – завал из изуродованных трубопроводов, битых армированных конструкций, оборудования, топлива и графита поднимался наклонно от самой земли (захватив на земле поверхность по радиусу около 100 метров), от бывшей стены помещения главных циркуляционных насосов по ряду «Т», внутрь разрушенного помещения ТЦН, торцевая стена которого со стороны видневшегося справа здания ХЖТО (хранилища жидких и твердых отходов) чудом уцелела.

Именно здесь, под этим завалом, похоронен Валерий Ходемчук, именно здесь, поглощая смертельную дозу радиации, начальник смены реакторного цеха Валерий Иванович Перевозченко искал своего подчиненного, карабкаясь в темноте по нагромождениям строительных конструкций и оборудования и пронзительно выкрикивая пересохшим и стянутым радиацией горлом: «Валера! Откликнись! Я здесь! Откликнись!..»

Всего этого Прушинский и Полушкин не знали и знать не могли. Но потрясенные, понимая, что произошло не просто разрушение, а нечто гораздо большее и страшное, впитывали до мельчайших деталей открывшуюся перед ними картину беды.

Кругом, на голубом от солнца асфальте и на крыше ХЖТО, видны густо-черные куски графита и даже целые пакеты графитовых блоков. Графита очень много, черно от графита...

Прушинский и Полушкин оторопело смотрели на всю эту невообразимую разруху. То, что они видели сейчас въяе, представлялось, проигрывалось раньше только в воображении. Но, конечно, много бледнее и проще и большей частью чисто теоретически. Но, похоже, и сейчас действовала знаменитая формула Козьмы Пруtkова: «Не верь глазам своим!» И Прушинский с Полушкиным ловили себя на том, что хочется не смотреть на все это, будто это совсем не их касается, а что это дело каких-то других, чужих людей. Но это касалось их, их! И стыд, что приходится видеть такое...

И они вначале как бы не видели всего, только сердце в груди сжималось до боли, а глаза, хотя жадно смотрели на весь этот погром, но со стыдливостью как бы отталкиваются от смрадной картины разрушения. Ох, и и не видеть бы всего этого! Но надо! На-адо!..

Такое впечатление, что помещение главных циркуляционных насосов разрушено взрывом изнутри. Но сколько же было взрывов?! В завале, что поднимался наклонно от земли вплоть до пола бывшего сепараторного помещения, видны толстые длинные трубы, похоже, коллекторы, один почти на земле по диагонали угла между стеной ВСПО и стеной помещения ГЦН, второй – значительно выше. Примерно от отметки плюс двенадцать до плюс двадцать четыре он опирался верхним концом о длинную трубу опускного трубопровода. Стало быть, взрывом этот трубопровод выбросило из шахты прочно-плотного бокса. Далее, на полу, если бесформенные нагромождения можно назвать полом, па отметке плюс тридцать два – сдвинутые с опор 130-тонные барабаны-сепараторы, весело поблескивавшие на солнце, восемь штук сильно погнутых трубопроводов обвязки, навал всякого хлама, свисавшие консолями куски бетонных панелей перекрытий и стен. Стены же сепараторного помещения снесены, за исключением уцелевшего огрызка с торца, со стороны центрального зала. Между этим огрызком стены и завалом – зияющий чернотой прямоугольный провал. В нем ничего не торчало. Значит, это проем в шахту прочно-плотного бокса или в помещение верхних коммуникаций реактора. Похоже, что часть оборудования и трубопроводов «выдуло» взрывом оттуда. То есть оттуда тоже был взрыв, поэтому там «чисто», ничего не торчит...

Думая так, Прушинский невольно вспомнил новенький после монтажа основной контур – святая святых технологии. А теперь...

Со стороны примыкания центрального зала к деаэрационной этажерке – остаток торцевой стены пониже. Торцевая стена реакторного зала по ряду «Т» уцелела примерно до отметки плюс пятьдесят один (до основания аварийного бака СУЗ, который располагался в этой стене с отметки плюс пятьдесят один до плюс семьдесят). Именно в этом баке, по докладу Брюханова, произошел взрыв гремучей смеси, разрушивший центральный зал. Ну, а как же тогда помещения главных циркуляционных насосов, барабанов-сепараторов, прочно-плотный бокс? Что разрушило их?.. Нет! Доклад Брюханова ошибочен, если не лжив...

А на земле вокруг завала – черные россыпи графитовой кладки реактора. Глаза невольно снова и снова смотрят туда. Ведь раз графит на земле, значит...

Не хотелось сознаваться себе в простой и очевидной теперь мысли: «Реактор разрушен...»

Ведь за этим признанием сразу встает огромная ответственность перед людьми. Нет... Перед миллионами людей. Перед всей планетой Земля. И невообразимая человеческая

трагедия...

Поэтому лучше просто смотреть. Не думая, впитывать в себя этот кошмар агонизирующего, смердящего радиацией атомного блока...

Стена блока «В» со стороны ВСРО в примыкании к помещению главных циркуляционных насосов торчала неровными сколами. На крыше блока «В» четко были видны куски графитовой кладки реактора, квадратные блоки с дырками посередине. Тут ошибиться невозможно. Совсем близко от крыши блока «В» до зависшего над ним вертолета. Каких-нибудь полторы сотни метров. Солнце в зените. Четкое, контрастное освещение. Ни облачка на небе. Ближе к торцевой стене блока «В» графит навален горой. Куски графита равномерно разбросаны и на кровле центрального зала 3-го энергоблока, и на кровле блока «В», из которой торчала белая с красными кольцевыми полосами вентиляционная труба. Графит и топливо видны и на смотровых площадках венттрубы. То-то, видать, «светят» во все стороны эти радиоактивные «фонари». А вот и крыша деаэрационной этажерки, где только семь часов назад пожарники майора Телятникова завершили борьбу с огнем...

Будто изнутри разворочена плоская крыша машинного зала, торчит искореженная арматура, какие-то порванные металлические решетки, черные обгорелости. Поблескивали на солнце застывшие ручейки битума, в котором ночью пожарные увязали по колено. На уцелевших участках крыши длинные, беспорядочно переплетенные друг с другом рукава и бухты пожарных шлангов.

У торцевой стены машзала, по углам вдоль рядов «А» и «Б» и вдоль напорного бассейна, видны брошенные людьми и теперь сильно радиоактивные красные коробочки пожарных машин – немые свидетели трагической борьбы хрупких людей с видимой и невидимой атомной стихией.

Далее, справа, простирающееся в даль водохранилище пруда-охладителя, на золотых песчаных берегах детскими сандаликами лежали лодки, катера, и впереди – пустая гладь пока еще чистой воды...

От строящегося 5-го энергоблока кучками и поодиночке уходили не успевшие уйти люди. Это рабочие, которых давно уже отпустил домой начальник стройки Кизима, так и не добившийся от Брюханова правды. Все они пройдут по следу радиоактивного выброса, все получат свою дозу и унесут на подошвах домой к детям страшную грязь...

– Зависните прямо над реактором, – попросил пилота Прушинский. – Так! Стоп! Снимайте!

Фотограф сделал несколько снимков. Открыв дверь, смотрели вниз. Вертолет находился в восходящем потоке радиоактивного выброса. Все на вертолете без респираторов. Радиометра нет. Внизу черный прямоугольник бассейна выдержки отработавшего топлива. Воды в нем не видно...

«Топливо в бассейне расплавится...» – подумал Прушинский.

Реактор... Вот оно – круглое «око» реакторной шахты. Оно будто прищурено. Огромное «веко» верхней биозащиты реактора развернуто и раскалено до ярко-вишневого цвета. Из «прищура» вырывались пламя и дым. Казалось, будто зреет и вот-вот лопнет гигантский ячмень...

– Десять бэр, – сказал пилот, глянув в окуляр оптического дозиметра. – Сегодня еще не раз придется...

– Отход! – приказал Прушинский. Вертолет «сполз» с центрального зала и взял курс на Припять.

– Да, ребятки, это конец... – задумчиво сказал представитель главного конструктора аппарата Константин Полушкин.

После облета аварийного блока на вертолете взяли машину и приехали к Брюханову в бункер. Внешне Брюханов и Фомин крайне удручены. Первые слова Брюханова Прушинскому прозвучали трагически:

– Все... Блока нет... – голос подавленный.

А в ушах у Прушинского стоял еще ночной голос Брюханова, докладывавшего о ЧП:
«Взорвался бак аварийной воды СУЗ. Частично разрушен шатер центрального зала. Реактор цел. Подаем воду...»
«Так цел или не цел реактор?» – задал себе вопрос Прушинский.
Они сели с Брюхановым в машину и еще раз объехали и осмотрели разрушенный блок...

Свидетельствует Любовь Николаевна Акимова (жена Александра Акимова):

«Мой муж был очень симпатичный, общительный человек. Легко сходился с людьми, но без фамильярности. Вообще жизнерадостный, обязательный человек. Активный общественник. Был членом Припятского горкома. Очень любил своих сыновей. Заботливый был. Увлекался охотой, особенно когда стал работать на блоке и мы купили машину.

Мы ведь приехали в Припят в 1976 году после окончания Московского энергетического института. Работа-ли вначале в группе рабочего проектирования Гидропроекта. В 1979 году мой муж перешел работать на эксплуатацию. Работал старшим инженером управления турбиной, старшим инженером управления блоком, начальником смены турбинного цеха, заместителем начальника смены блока. В январе 1986 года стал начальником смены блока. В этой должности его застала авария...

Утром 26 апреля он не вернулся домой с работы. Я позвонила к нему на БЩУ-4, но телефон не отвечал. Я звонила еще Брюханову, Фомину, Дятлову. Но телефоны не отвечали. Уже значительно позже я узнала, что телефоны отключили. Я очень волновалась. Всю первую половину дня бегала, всех спрашивала, искала мужа. Уже все знали, что авария, и меня охватила еще большая тревога. Бегала в горисполком к Волошке, в горком партии к Гаманюку. Наконец, расспросив многих, узнала, что он в медсанчасти. Я бросилась туда. Но меня к нему не пустили. Сказали, что он сейчас под капельницей. Я не уходила, подошла к окну его палаты. Вскоре он подошел к окну. Лицо буро-коричневое. Увидев меня, он засмеялся, был перевозбужденный, успокаивал меня, спрашивал через стекло о сыновьях. Мне показалось, что он в это время как-то особенно радовался, что у него сыновья. Сказал, чтобы я не выпускала их на улицу. Он был даже веселый, и я немного успокоилась...»

Свидетельствует Л. А. Харитонова:

«К вечеру 26 апреля кто-то распустил слух, что кто хочет, может эвакуироваться на своих машинах. Многие уехали на своих машинах в тот же день в разные концы страны. (Увозя на одежде и на колесах машин радиоактивную грязь. – Г. М.)

Но мы эвакуировались 26 апреля вечером на поезде „Хмельницкий – Москва“. На станции Янов патрулировали военные. Было очень много женщин с маленькими детьми. Все были немного растерянные, но вели себя спокойно, потому что спокойными были патрули и милиция. Люди пытливо заглядывали в глаза военным, словно искали там испуга или тревоги. Но военные были спокойны, приветливы, улыбались. А ведь как раз над Яновом прошло радиоактивное облако. Там была очень большая активность. И на земле, и на деревьях, на всем. Но никто тогда не знал об этом. Внешне все обычно. Но я все равно ощущала новое время. И когда подошел поезд, мне он показался уже другим, будто он пришел из той, чистой эпохи, в нашу эру, Чернобыльскую, грязную...

В вагоне проводница нагрела воды. Девочку помыли. Одежду сунули в пластиковый мешок и закрыли в чемодан. И мы поехали. Всю дорогу, вплоть до Москвы, делали влажную приборку. И все дальше от Припяти увозили в душе тревогу и боль...»

Свидетельствует Г. Н. Петров – бывший начальник отдела оборудования Южатоэнергомонтажа:

«Проснулись часов в десять утра 26 апреля. День как день. На полу теплые солнечные зайчики, в окнах синее небо. На душе хорошо, приехал домой, отдохну. Вышел на балкон покурить. На улице уже полно ребят. Малыши играют в песке, строят домики, лепят

пирожки. Постарше – гоняют на великах. Молодые мамы гуляют с детскими колясками. Жизнь как жизнь. И вдруг вспомнил ночь, как подъехал к блоку. Тревогу и страх ощутил. Помню и недоумение. Как это может быть? Все обычно и в то же время – все страшно радиоактивно. Запоздалая брезгливость в душе к невидимой грязи, потому что нормальная жизнь. Глаза видят: все чисто, а на самом деле все грязно. В уме не укладывается.

К обеду стало веселое настроение. И воздух стал ощущаться острее. Металл не металл в воздухе, а так, что-то остренькое, и во рту возле зубов кисленько, будто батарейку слабую языком пробуешь...

Сосед наш Михаил Васильевич Метелев, электромонтажник с Гидроэлектромонтажа, часов в одиннадцать полез на крышу и лег там в плавках загорать. Потом один раз спускался попить, говорит, загар сегодня отлично пристает, просто как никогда. От кожи сразу, говорит, паленым запахло. И бодрит очень, будто пропустил стопарик. Приглашал меня, но я не пошел. Говорит, никакого пляжа не надо. И хорошо видно, как реактор горит, четко так на фоне синего неба...

А в воздухе в это время, как я потом узнал, было уже до тысячи миллибэр в час. И плутоний, и цезий, и стронций. А уж йоду-131-го больше всего, и в щитовидки он набился туго к вечеру. У всех: у детей, у взрослых...

Но мы тогда ничего не знали. Мы жили обычной и, теперь я понимаю, радостной человеческой жизнью.

К вечеру у соседа, что загорал на крыше, началась сильная рвота и его увезли в медсанчасть. А потом, кажется, в Москву. Или в Киев. Не знаю точно. Но это воспринималось как бы отдельно. Потому что обычный летний день, солнце, синее небо, теплынь. Бывает же: кто-то заболел, кого-то увезла „скорая“...

А так во всем был обыкновенный день. Я уже потом, когда все сказали, вспоминал ту ночь, когда подъехал к блоку. Рывины на дороге в свете фар вспомнил, покрытый цементной пылью бетонный завод. Запомнилось почему-то. И думаю: странно, и рывина эта радиоактивная, обычная ведь рывина, и весь этот бетонный завод, и все-все: и небо, и кровь, и мозг, и мысли человеческие. Все...»

Тем временем в Москве, в аэропорту «Быково» готовились к вылету члены Правительственной комиссии. Спецрейс был намечен на 11.00, но люди собирались медленно, и вылет дважды откладывался. Вначале на 14 часов, затем – на 16.00.

Свидетельствует Михаил Степанович Цвирко – начальник Всесоюзного строительного-монтажного объединения Союзатомэнергострой:

«Утром 26 апреля 1986 года у меня поднялось давление, болела голова, и я пошел в поликлинику 4-го Главного управления при Минздраве СССР.

Где-то около 11 часов утра позвонил на работу, узнать, как идут дела на стройках объединения. Дежурила главспец техотдела Еремеева Лидия Всеволодовна. Она сказала, что обычной сводки стройка не передала. Главный инженер или диспетчер сказал ей, что у них там авария, и людей Кизима отпустил с 5-го блока домой.

Еремеева сказала также, что меня разыскивает министр Майорец.

Позвонил помощнику министра. Тот возбужденно сказал мне, что не может меня найти ни дома, ни на работе и чтобы я срочно собирал вещи и ехал в аэропорт „Быково“. Оттуда вылет в Чернобыль. Собрался, приехал в „Быково“. А там уже прохаживался заместитель министра Александр Николаевич Семенов. Сказал мне, что в Чернобыле обрушилось четыре фермы перекрытия машзала 4-го блока.

– Грязь есть? – спросил я.

– Грязи нет, – сказал он. – Все чисто.

Я уже стал размышлять, какие подогнать краны, чтобы поставить фермы на место, но подъехал заведующий сектором ЦК КПСС В. В. Марьин и сказал, что обрушились не только фермы машзала, но и шатер над реактором.

– А грязь есть? – спросил я.

– Удивительно, но грязи нет, – сказал Марьин. – И самое главное – реактор цел. Прекрасный реактор! Умница Доллежалъ, такую машину сконструировал!

Задача усложнилась, и я стал думать – как бы подступиться к центральному залу кранами...»

Тут я прерву свидетельство М. С. Цвирко, с которым проработал бок о бок в Союзатомэнергострое четыре года.

Опытный, цепкий, деловой, десятилетиями строивший заводы для других министерств, бывший начальник Главзаводспецстроя, Михаил Степанович Цвирко буквально силой был посажен в кресло начальника Союзатомэнергостроя, до того стойко не выполнявшего плановые показатели. К чести Цвирко надо сказать, что он отчаянно сопротивлялся, говорил, что атомных станций отродясь не знает, что дело ему чуждое и непонятное. Но ЦК и министр все же приказали, и он подчинился.

Начальство Цвирко не только уважал, он его трепетно боялся, чего и не скрывал.

Поскольку устройства АЭС Цвирко не знал, то взялся за плановые показатели. Деньги он считать умел. Тематическими задачами занимались мы, его подчиненные, и учили атомным премудростям своего нового начальника на ходу.

Маленького роста, плотный, если не толстый, в далеком прошлом боксер с отутуженным в боях расплюснутым носом, широкоскулый, лысый, с плотно сжатыми челюстями (боксерская привычка), с чуть раскосыми умными голубыми глазами татарского богдыхана – этот человек в течение года вывел объединение в пределы плана...

Но страх владел им постоянно. Другие смеялись над ним за глаза, но я считал, что Цвирко страдает не столько от страха перед начальством, а от угрызений совести. Совесть мучила его, что плохо работаем. В то время он часто говорил мне, если случался срыв той или иной тематической задачи:

– Нас же убьют! Нас же убьют! Объяснений никто слушать не будет...

Признавался также, что больше всего на свете боится радиации, поскольку ничего в ней не понимает.

И вот он оказался в «Быково»...

Вылетели спецрейсом на Киев в 16.00. На борту Як-40 находились: старший помощник Генерального прокурора СССР Ю. Н. Шадрин, министр энергетики и электрификации СССР А. И. Майорец, заведующий сектором ЦК КПСС В. В. Марьин, заместитель министра энергетики А. Н. Семенов, первый заместитель министра среднего машиностроения А. Г. Мешков, начальник Союзатомэнергостроя М. С. Цвирко, заместитель начальника Союзэлектромонтаж В. Н. Шишкин, заместитель начальника Союзэнергомонтаж В. А. Шевелкин, референт Б. Е. Щербины – Л. П. Драч, заместитель министра здравоохранения СССР Е. И. Воробьев, заместитель начальника 3-го Главного управления при Минздраве СССР В. Д. Туровский и другие.

В салоне Як-40 уселись на расположенные друг против друга красные диваны. Заведующий сектором атомной энергетики ЦК КПСС Владимир Васильевич Марьин (это ему звонил Брюханов в три часа ночи домой) вновь и вновь делился своими мыслями с членами Правительственной комиссии.

– Главное, что меня обрадовало: взрыв бака СУЗ выдержал атомный реактор. Молодец академик Доллежалъ! Под его руководством создан отличный атомный реактор. Брюханов разбудил меня своим звонком в три часа ночи и сказал: «Страшная авария, но реактор цел. Подаем непрерывно охлаждающую воду...»

– Я думаю, Владимир Васильевич, – включился в разговор министр Майорец, знавший хорошо только устройство трансформатора, человек совершенно случайный в вихре атомных событий, – мы долго в Припяти не засидимся...

Эту же мысль А. И. Майорец повторил через полтора часа в самолете АН-2, на котором члены Правительственной комиссии вылетели из аэропорта «Жуляны» в Припять. Вместе с ними из Киева летел министр энергетики Украинской ССР В. Ф. Скларов. Услышав

оптимистические рассуждения Майорца относительно краткого пребывания в Припяти, он поправил своего патрона:

– Думаю, Анатолий Иванович, двумя днями не обойдемся...

– Не пугайте нас, товарищ Скляров, – оборвал его Майорец. – Наша, а вместе с нами и ваша главная задача состоит в том, чтобы в кратчайшие сроки восстановить разрушенный энергоблок и включить его в энергосистему...

Свидетельствует М. С. Цвирко:

«Когда мы прилетели в Киев, министр энергетики Украины Скляров сразу же сказал нам, что в Припяти радиация. Лично меня это встревожило. „Значит, что-то с реактором“, – подумал я тогда. Но министр Майорец был спокоен...

Самое неприятное, что три ночи мы спали в гостинице „Припять“, а ведь там уже была страшная грязь...»

Примерно в то же время, когда члены Правительственной комиссии прибыли в Припять, личный самолет заместителя Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербины был на подлете из Барнаула в Москву. Прилетев в столицу, зампред переоденется, закусит и из аэропорта «Внуково» вылетит в Киев. В Припять он прибудет к девяти вечера...

Свидетельствует Г. А. Шашарин:

«Прилетел Майорец. Мы сели в Ан-2 и вылетели в Припять. На пути из Киева в Припять я сказал Майорцу о необходимости создания на месте аварии рабочих групп. Продумал это заранее, когда летел из Симферополя в Киев. По моему мнению, такие группы должны были упорядочить работу Правительственной комиссии, помочь в подготовке и принятии решения. Вот перечень групп, который я предложил Майорцу:

– группа изучения причин аварии и безопасности АЭС – ответственные Шашарин, Мешков;

– группа изучения реальной радиационной обстановки вокруг атомной станции – ответственные Абагян, Воробьев, Туровский;

– группа аварийно-восстановительных работ – ответственные Семенов, Цвирко, монтажники;

– группа оценки необходимости эвакуации населения Припяти и близлежащих хуторов и деревень – ответственные Шашарин, Сидоренко, Легасов;

– группа обеспечения приборами, оборудованием и материалами – ответственные Главэнергокомплект, Главснаб.

Приземлились на аэродромчике между Припятью и Чернобылем. Там уже ждали машины. Встречали генерал Бердов, секретарь горкома партии Гаманюк, председатель горисполкома Волошко и другие. Подъехал и Кизима на „газике“. Мы с Марьиным сели в „газик“ (Кизима был за рулем) и попросили его проскочить к аварийному блоку. Майорец тоже порывался туда, но его отговорили, и он с командой поехал в горком КПСС. Миновали кордон оцепления и свернули на промплощадку...»

Ненадолго прерву свидетельство Г. А. Шашарина, чтобы охарактеризовать заведующего сектором ЦК КПСС В. В. Марьина.

Марьин Владимир Васильевич – по образованию и опыту работы инженер-строитель электростанций.

Долгое время он работал главным инженером строительно-монтажного треста в Воронеже, участвовал в сооружении Нововоронежской АЭС. В 1969 году был приглашен на работу в ЦК КПСС в качестве инструктора ЦК по атомной энергетике в отдел машиностроения.

Я довольно часто видел его на коллегиях Минэнерго СССР, партийных собраниях, на

критических разборах работы атомных энергетиков в объединениях и главных управлениях. Марьин принимал деятельное участие в работе пусковых штабов атомных строек, лично знал начальников управлений строительства всех АЭС и напрямую, минуя Министерство энергетики, эффективно помогал стройкам в решении вопросов обеспечения оборудованием, материально-техническими и трудовыми ресурсами.

Лично мне этот человек был симпатичен своей прямоотой и ясностью мышления. Трудолюбивый, динамичный, работоспособный, постоянно повышающий свою квалификацию инженер. Внешне – крупный, рыжеволосый, с громовым басом, сильно близорукий, сверкающий толстыми стеклами роговых очков. Марьин при всем при том был прежде всего строителем и в вопросах эксплуатации АЭС не разбирался.

В конце семидесятых годов, работая начальником отдела в ВПО Союзатомэнерго, я часто бывал у него в ЦК, где он, в ту пору единственный в аппарате Центрального Комитета КПСС, занимался вопросами атомной энергетики.

Обсудив дела, он обычно позволял себе лирические отступления, жаловался на перегруженность.

– У тебя вот десять человек в отделе, а на мне одном висит вся атомная энергетика страны... – и просил: – Оперативней помогайте мне, вооружайте материалами, информацией...

Частыми у него в ту пору были спазмы сосудов мозга с потерей сознания и неотложкой...

В начале восьмидесятых годов в ЦК был организован сектор атомной энергетики. Марьин возглавил его, и тогда, наконец, появились помощники. Одним из них стал Г. А. Шашарин, опытный атомщик, многие годы проработавший на эксплуатации АЭС, будущий заместитель министра энергетики по эксплуатации атомных станций.

С ним-то теперь и ехал Марьин в «газике» Кизимы к разрушенному блоку. Пока они ехали по шоссе Чернобыль – Припять, навстречу им еще попадались автобусы и частные машины. Началась уже самоэвакуация. Некоторые люди с семьями и радиоактивным бараклом покидали Припять навсегда еще 26 апреля днем, не дождавшись распоряжений местных властей...

Свидетельствует Г. А. Шашарин:

«Кизима подвез нас к торцу четвертого блока. Мы вышли из машины рядом с завалом. Без респираторов и защитной одежды. Никто из вновь прибывших не представлял себе масштабов катастрофы, а Брюханову и Фомину было не до нас. Затруднялось дыхание, жгло глаза, душил кашель, появилась какая-то внутренняя суетливость, неотчетливое желание драпануть куда-нибудь. И еще одно – стыдно было смотреть на все. Думалось невольно: неужели это мы привели к „этому“? Еще по дороге сюда, когда в поле зрения появился разрушенный блок, Марьин стал кричать. Мол, вот до чего дожили. Это, стало быть, и наша работа, говорит, в этом ужасе, в одной куче с работой Брюханова и Фомина...

Кизима уже побывал здесь с утра. Никаких дозиметров у нас, конечно, не было. Кругом валялись графит, обломки топлива. Видны были поблескивающие на солнце, сдвинутые со своих опор барабаны-сепараторы. Над полом центрального зала, похоже, около реактора, виднелся огненный ореол, словно солнечная корона. От этой короны поднимался легкий черный дымок. Мы подумали тогда, что это горит что-нибудь на полу. В голову не шло, что это реактор. Марьин был вне себя от злости, матерился, в сердцах пнул графитовый блок. Мы тогда еще не знали, что от графита „светит“ две тысячи рентген в час, а от топлива – все двадцать тысяч... Был хорошо виден полусмятый аварийный бак СУЗ, так что мне стало ясно, что взорвался не он. Бесстрашный Кизима ходил и как хозяин сокрушался, что вот-де, мол, строишь, а теперь вот ходи по разрушенным плодам труда своего. Несколько раз уже, говорит, был здесь с утра, чтобы проверить – не мираж ли все это? Оказывается, не мираж. Даже ущипнул себя пару раз. Говорит, что от размазни Брюханова ничего другого и не ждал. Это, по мнению Кизимы, должно было случиться рано или поздно.

Мы объехали вокруг станции и спустились в бункер. Там были Прушинский, Рязанцев и Фомин с Брюхановым. Брюханов был заторможен, смотрел куда-то вдаль перед собой, апатия. Но команды исполнял довольно оперативно и четко. Фомин – наоборот: перевозбужден, глаза воспаленные, блестели безумием, на пределе срыва, но делал все быстро. Потом произошел срыв, тяжелая депрессия. Еще из Киева я спросил у Брюханова и Фомина, целы ли трубопроводы подачи воды в реактор, а также опускные трубопроводы от барабанов-сепараторов до коллекторов. Они уверяли меня, что трубопроводы целы. Тогда у меня возникла мысль: в реактор надо подавать раствор борной кислоты. Я дал команду Брюханову любым путем подать питание на аварийный энергоблок и врубить питательный насос на подачу воды в реактор. Я предполагал, что хотя бы часть воды попадет в реактор. Спросил, есть ли у них на станции борная кислота. Сказали – есть, но мало. Связался со снабженцами в Киеве. Нашли несколько тонн борной кислоты и обещали доставить в Припять к вечеру. Однако к вечеру стало ясно, что все трубопроводы от реактора оторваны и кислота не нужна. Но это поняли только к вечеру 26 апреля. А сейчас... Уверенные, что реактор цел и что на охлаждение активной зоны подается вода, мы с Марьиным и Кизимой поехали в горком партии Припяти на заседание Правительственной комиссии».

Свидетельствует Владимир Николаевич Шишкин – заместитель начальника Союзэлектромонтажа Минэнерго СССР, участник совещания в Припятском горкоме КПСС 26 апреля 1986 года:

«Все собрались в кабинете первого секретаря горкома А. С. Гаманюка. Первым докладывал Г. А. Шашарин. Он сказал, что положение тяжелое, но контролируемое. В реактор подается охлаждающая вода. Ведется поиск борной кислоты, и в ближайшее время в реактор польется раствор борной кислоты, который вмиг прекратит горение. Есть, правда, предположение, что не вся вода попадает в реактор. Затоплены кабельные полуэтажи и распреустройства. Видимо, порвана часть трубопроводов. Возможно, реактор частично поврежден. Для уточнения ситуации Фомин, Прушинский и специалисты-физики из Института атомной энергии пошли еще раз посмотреть, что с реактором. Ждем их возвращения и доклада с минуты на минуту...

Видно, Шашарин догадывался уже, что реактор разрушен, он видел графит на земле, куски топлива, но сознаться в этом не хватало сил. Во всяком случае, вот так сразу. Душа, сознание требовали как бы плавного внутреннего перехода к постижению этой страшной, поистине катастрофической реальности.

– Туда же направлен представитель Генпроектанта, – продолжал Шашарин. – Пусть они тоже посмотрят. Здесь нужна коллективная оценка. Четвертый блок обесточен. Трансформаторы отключились по защите от коротких замыканий. Залиты водой кабельные полуэтажи на всем протяжении от четвертого до первого энергоблока. В связи с затоплением распреустройств на минусовых отметках дал команду электромонтажникам отыскать семьсот метров силового кабеля и держать наготове. Дана также команда Фомину и Брюханову разделить неаварийные и аварийный блоки по электроснабжению, воде и другим коммуникациям. От электриков выполняет заместитель начальника электроцеха Лелеченко...

– Что это за проект?! – возмутился Майорец. – Почему не предусмотрено проектное рассеечение коммуникаций?

– Анатолий Иванович, я говорю о факте... Почему? Это уже второй вопрос... Во всяком случае, кабель изыскивается, вода в реактор подается, коммуникации рассекаются... Похоже, везде вокруг четвертого блока высокая радиоактивность...

– Анатолий Иванович! – громовым басом перебил Шашарина Марьин. – Мы только что были с Геннадием Александровичем возле четвертого блока. Страшная картина. Дико подумать, до чего дожили. Пахнет гарью, и кругом валяется графит. Я даже пнул ногой графитовый блок, чтобы удостовериться, что он всамделишный. Откуда графит? Столько графита?..

– Я тоже думаю об этом, – сказал Шашарин. – Может быть, частично выбросило из

реактора... Частично...

– Брюханов?! – обратился министр к директору АЭС. – Вы докладывали весь день, что радиационная обстановка нормальная. Что это за графит?

Брюханов, пудрено-бледный, с красными распухшими веками, вяло встал, как обычно, долго молчал. Он всегда долго молчал, перед тем как сказать что либо. Теперь-то явно было о чем подумать. Сказал глухим голосом:

– Трудно даже представить... Графит, который мы получили для строящегося пятого энергоблока, цел, весь на месте. Я подумал вначале, что это тот графит, но он на месте... Не исключен в таком случае выброс из реактора... Частичный... Но тогда...

– Похоже, вокруг блока везде высокая радиоактивность, – снова подчеркнул Шашарин. – Замерить точно не удастся. Нет радиометров с нужным диапазоном шкал. У имеющихся шкала на тысячу микрорентген в секунду, то есть на 3,6 рентгена в час. На этом диапазоне зашкал повсеместно. Предполагаем, что фон очень высокий. Был, правда, один радиометр, но его похоронило в завале...

– Безобразие! – буркнул Майорец. – Почему же на станции нет нужных приборов?

– Произошла нештатная авария. Случилось немыслимое... Мы запросили помощь гражданской обороны и химвойск страны. Скоро должны прибыть...

– Что же произошло? – спросил Майорец. – В чем причина?

– Пока еще неясно, – стал объяснять Шашарин. – Произошло это в 1 час 26 минут ночи во время проведения эксперимента по выбегу ротора генератора...

– Надо срочно остановить реактор! – сказал Майорец. – Почему он у вас работает?

– Реактор заглушен, Анатолий Иванович, – сказал Шашарин.

Похоже было, что всем ответственным за катастрофу хотелось как можно дальше отодвинуть нелегкий момент полного признания, расстановки всех точек над „і“. Хотелось, как это привыкли делать до Чернобыля, чтобы злая весть сама собою произнеслась, чтобы ответственность и вина незаметно как-то разложилась на всех и потихонечку. Именно поэтому, главным образом, шла тянучка, когда каждая минута была дорога, когда промедление приводило к преступному облучению ни в чем не повинного населения города. Когда у всех на уме было уже, истерично билось в черепные коробки слово „эвакуация“, но...

– Более того, Анатолий Иванович, – ответил Шашарин, – реактор находится сейчас в „йодной яме“, то есть глубоко отравлен...»

А реактор тем временем горел. Горел графит, изрыгая в небо миллионы кюри радиоактивности. Но это горел не просто реактор, прорвало давний скрытый нарыв нашей общественной жизни, нарыв самоуспокоенности и самообольщения, мздоимства и протекционизма, круговой поруки и местничества, смердил радиацией труп уходящей эпохи, эпохи лжи и гнояного расплавления истинных духовных ценностей...

Свидетельствует В. Н. Шишкин:

«Общее впечатление, что все главные ответственные:

Брюханов, Фомин, Мешков, Кулов и другие – преуменьшают случившееся, степень опасности...

Далее докладывал первый секретарь Припятского горкома партии А. С. Гаманюк. В момент аварии он находился в медсанчасти на обследовании, но утром 26 апреля, узнав о случившемся, покинул больничную койку и вышел на работу.

– Анатолий Иванович, – сказал Гаманюк, обращаясь к Майорцу, – несмотря на сложную и даже тяжелую ситуацию на аварийном блоке, обстановка в городе Припяти деловая и спокойная. Никакой паники и беспорядков. Обычная нормальная жизнь выходного дня. Дети играют на улицах, проходят спортивные соревнования, идут занятия в школах. Даже свадьбы справляют. Сегодня вот справили шестнадцать комсомольско-молодежных свадеб. Кривотолки и разглагольствования пресекаем. На аварийном блоке есть пострадавшие. Двое эксплуатационников: Валерий Ходемчук и Владимир Шашенок погибли. Двенадцать человек

доставлены в медсанчасть в тяжелом состоянии. Еще сорок человек, менее тяжелых, госпитализированы позднее. Пострадавшие продолжают поступать. Директор АЭС Брюханов ежечасно дает сводки в Киев и нам, что радиационная обстановка в пределах нормы, так что ждем указаний высокой комиссии...

Затем докладывал Геннадий Васильевич Бердов – высокий, седовласый, спокойный генерал-майор МВД, заместитель министра внутренних дел УССР. Он прибыл в Припять в пять утра 26 апреля в новом, недавно сшитом мундире. Золотые погоны, мозаика орденских планок, значок заслуженного работника МВД СССР. Но мундир его, седые волосы были уже страшно грязными, радиоактивными, поскольку генерал провел все утренние часы рядом с АЭС. Радиоактивными теперь были волосы и одежда у всех присутствующих, в том числе и у министра Майорца. Радиация, как и смерть, не разбирает, кто ты – министр или простой смертный. Накрывает и пронизывает всех, кто попадет „под руку“. Но никто из присутствующих тем не менее не знал об этом. Приборов дозконтроля и защитных средств никому не выдавали. Ведь Брюханов докладывал, что радиационная обстановка нормальная. А раз все нормально, зачем тогда защита и приборы?

– Анатолий Иванович, – докладывал генерал Бердов. – В пять утра я уже был в районе аварийного энергоблока. Наряды милиции буквально приняли эстафету у пожарных. Они перекрыли все дороги к АЭС и поселку. Ведь окрестности станции очень живописные, и люди по выходным дням любят бывать здесь. А сегодня выходной. Но места отдыха стали теперь опасной зоной, хотя товарищ Брюханов и говорит нам, что радиационная обстановка нормальная. Милицейские наряды по моему приказу закрыли к ним подступы, особенно к местам рыбалки на водохранилище пруда-охладителя, подводящего и отводящего каналов. (Тут надо заметить, что генерал Бердов, догадываясь об опасности, не представлял, какова она на самом деле, каков лик и образ „врага“, как на него нападать и чем защищаться. Поэтому его милиционеры оказались без дозиметров и средств индивидуальной защиты и все до одного переоблучились. Но инстинктивно они действовали правильно – резко сократили доступ в предполагаемую опасную зону. – Г. М.)

В Припятском отделении милиции сформирован и действует оперативный штаб. На помощь прибыли сотрудники Полесского, Иванковского и Чернобыльского райотделов. К семи утра в район аварии прибыли более тысячи сотрудников МВД. Задействованы усиленные наряды транспортной милиции на железнодорожной станции Янов. Здесь к моменту взрыва находились составы с ценнейшим оборудованием, по расписанию приходили и приходят пассажирские поезда, локомотивные бригады и пассажиры которых ничего о случившемся не знают. Сейчас лето, открытые окна вагонов. Железная дорога проходит, вы знаете, в пятистах метрах от аварийного блока. Радиация, я думаю, достигает вагонов. Надо закрывать движение поездов... (Хочется еще раз похвалить генерала Бердова. Из всех собравшихся государственных мужей он первый правильно оценил обстановку, хотя не владел специальными знаниями в атомной технике. – Г. М.) Постовую службу везде несут не только сержанты и старшины, но и полковники милиции. Лично проверяю посты в опасной зоне. Никто не покинул свой пост, не было ни одного отказа от несения службы. Проведена большая работа в автохозяйствах Киева. На случай эвакуации населения тысяча сто автобусов подогнаны к Чернобылю и ждут указаний Правительственной комиссии...

– Что вы мне все про эвакуацию рассказываете?! – взорвался министр Майорец. – Паники захотели? Надо остановить реактор, и все прекратится. Радиация придет в норму. Что с реактором, товарищ Шашарин?

– Реактор в „йодной яме“, Анатолий Иванович, – ответил Шашарин, – операторы, по данным Фомина и Брюханова, заглушили его, нажав кнопку „АЗ“ пятого рода. Так что реактор надежно заглушен...

Шашарин вправе был говорить так, ибо не знал подлинного состояния реактора. Он ведь еще не поднимался в воздух.

– А где операторы? Их можно пригласить? – настаивал министр.

– Операторы в медсанчасти, Анатолий Иванович... В очень тяжелом состоянии...

– Я предлагал эвакуацию еще рано утром, – глухо сказал Брюханов. – Запрашивал Москву, товарища Драча. Но мне сказали, чтобы до приезда Щербины ничего в этом направлении не предпринимать. И не допускать паники...

– Кто осматривал реактор? – спросил Майорец. – В каком он сейчас состоянии?

– Осмотр реактора с вертолета производили Прушинский и представитель главного конструктора аппарата Полушкин. Сделаны снимки. Товарищи вот-вот должны подойти...

– Что скажет гражданская оборона? – спросил Майорец.

Встал С. С. Воробьев (тот самый начальник штаба гражданской обороны АЭС, который в первые два часа после взрыва с помощью единственного радиометра со шкалой 250 рентген определил опасную степень радиации и доложил Брюханову. Реакция Брюханова читателю известна. Однако следует дополнить, что Воробьев продублировал ночью сигнал тревоги в Штаб гражданской обороны Украинской республики, что достойно всяческой похвалы. – Г. М.). Он сказал, что имеющийся у него прибор фиксирует высокие радиационные поля. На диапазоне 250 рентген зашкал в районах завала, машинного зала, центрального зала и в других местах вокруг блока и внутри.

– Нужна срочная эвакуация, Анатолий Иванович, – заключил Воробьев.

– Не усугубляй, – шикнул на подчиненного Брюханов.

Встал представитель 3-го Главного управления при Минздраве СССР В. Д. Туровский.

– Анатолий Иванович, необходима срочная эвакуация. То, что мы увидели в медсанчасти... Я имею в виду осмотр больных... Они в тяжелом состоянии, дозы, ими полученные по первым поверхностным оценкам, в три-пять раз превышают летальные. Тяжелейшее внешнее и внутреннее облучение. Этот буро-коричневый ядерный загар... Бесспорна диффузия радиоактивности на большие расстояния от энергоблока...

– А если вы ошибаетесь? – сдерживая недовольство, спросил Майорец, внешне всегда приглаженный и заторможенный. – Разберемся в обстановке и примем правильное решение. Но я против эвакуации. Опасность явно преувеличивается...

Совещание прервало свою работу. Был объявлен перерыв. Министр и Шашарин вышли в коридор покурить...»

Свидетельствует главный инженер В ПО Союзатомэнерго Б. Я. Прушинский:

«Когда мы вернулись с Костей Полушкиным в горком КПСС Припяти, Шашарин и Майорец стояли в коридоре и курили. Мы подошли и прямо там, в коридоре, состоялся доклад министру о результатах осмотра 4-го блока с воздуха.

Первым нас увидел Шашарин и крикнул:

– Вот кстати, Прушинский и Полушкин!

Мы подошли.

– Доложите, что увидели с вертолета.

Сильно затягиваясь, в клубах дыма, и без того щупленький и казавшийся на заседаниях коллегий каким-то игрушечным по сравнению с тяжеловесами типа замминистра А. Н. Семенова, Шашарин сейчас еще больше осунулся, побледнел, обычно приглаженные каштановые волосы теперь торчали перьями во все стороны. Бледно-голубые глаза за огромными стеклами импортных очков смотрели затравленно, не мигая. И все мы были в это время затравленные и убитые. Пожалуй что, кроме Майорца. Он, как всегда, аккуратный, с ровненьким розовым картинным пробором, выглядел эдаким округлым, как обычно, с ничего не выражающим лицом. А, может, просто ничего не понимал. Скорее, так оно и было.

– Анатолий Иванович! – бодро начал я. – Мы вот с Константином Константиновичем Полушкиным осмотрели 4-й блок с воздуха. С высоты 250 метров. Блок разрушен... То есть разрушена главным образом монолитная часть реакторного отделения: помещения главных циркуляционных насосов, барабан-сепараторные, центральный зал. Верхняя биозащита реактора раскалена до ярко-вишневого цвета и лежит наклонно на шахте реактора. На ней хорошо видны обрывки коммуникаций КЦТК (контроля целостности технологических каналов) и охлаждения СУЗ (системы управления защитой). Везде: на крыше блока „В“,

машзала, деаэрационной этажерки, на асфальте вокруг блока и даже на территории распрестроустройств 330 и 750 килуволт разбросаны графит и обломки топливных сборок. Можно предположить, что реактор разрушен. Охлаждение не эффективно...

– Аппарату крышка, – сказал Полушкин.

– Что вы предлагаете? – спросил Майорец.

– А черт его знает, сразу не сообразишь. В реакторе горит графит. Надо тушить. Это перво-наперво... А как, чем... Надо думать...

Все вошли в кабинет Гаманюка. Правительственная комиссия продолжила работу. Шашарин доложил совавшимся идею создания рабочих групп. Когда речь коснулась восстановительных работ, представитель Генпроектанта с места выкрикнул:

– Надо не восстанавливать, а захоранивать.

– Не разводите дискуссии, товарищ Конвиз! – прервал его Майорец. – Названным группам приступить к работе и в течение часа подготовить мероприятия для доклада Щербине. Он через час-два должен подъехать...»

Свидетельствует Г. А. Шашарин:

«Потом мы поднимались на вертолете в воздух с Марьиным и зампредом Госатомэнергонадзора членом-корреспондентом АН СССР В. А. Сидоренко. Зависали над блоком на высоте 250–300 метров. У пилота был, кажется, дозиметр. Хотя, нет – радиометр. На этой высоте „светило“ рентген триста в час. Верхняя плита была раскалена до ярко-желтого цвета, против ярко-вишневого, доложенного Прушинским. Значит, температура в реакторе росла. Плита биозащиты лежала на шахте не так наклонно, как потом, когда бросали мешки с песком. Грузом ее развернуло... Здесь уж мне стало ясно окончательно, что реактор разрушен. Сидоренко предложил бросить в реактор тонн сорок свинца, чтобы уменьшить излучение. Я категорически воспротивился. Такой вес, да с высоты двести метров – огромная динамическая нагрузка. Пробьет дыру насквозь, до самого бассейна-барбатера, и вся расплавленная активная зона вытечет вниз, в воду бассейна. Тогда надо будет бежать, куда глаза глядят...»

Когда приехал Щербина, я зашел к нему отдельно, до совещания, доложил ситуацию и сказал, что надо немедленно эвакуировать город. Он сдержанно ответил, что это может вызвать панику. И что паника еще страшнее радиации...»

К этому времени, примерно к девятнадцати часам, кончились все запасы воды на АЭС, насосы, с таким трудом запущенные переоблучившимися электриками, остановились. Вся вода, как я уже говорил раньше, попала не в реактор, а на низовые отметки, затопив электропомещения всех блоков. Радиоактивность везде стремительно растет, разрушенный реактор продолжает изрыгать из своего раскаленного жерла миллионы кюри радиоактивности. В воздухе весь спектр радиоактивных изотопов, в том числе плутоний, америций, кюрий. Все эти изотопы инкорпорировали (проникли внутрь) в организмы людей, как работающих на АЭС, так и жителей Припяти. В течение 26 и 27 апреля, вплоть до эвакуации, продолжалось накопление радионуклидов в организмах людей, а кроме того, они подвергались внешнему гамма- и бета-облучению...

В медсанчасти города Припять

Первая группа пострадавших, как мы уже знаем, была доставлена в медсанчасть через тридцать-сорок минут после взрыва. При этом следует отметить всю особенность и тяжесть ситуации в условиях ядерной катастрофы в Чернобыле, когда воздействие излучений на организмы людей оказалось комплексным: мощное внешнее и внутреннее облучение, осложненное термическими ожогами и увлажнением кожных покровов. Картина реальных поражений и доз не могла быть оперативно установлена из-за отсутствия у врачей данных службы радиационной безопасности атомной станции об истинных радиационных полях. Как

я уже упоминал ранее, имевшиеся на АЭС радиометры показывали интенсивность радиации три-пять рентген в час. В то же время более точная информация начальника Штаба гражданской обороны АЭС С. С. Воробьева не была учтена. «Смягченная» информация службы РБ АЭС, естественно, не насторожила должным образом врачей медсанчасти, и без того недостаточно подготовленных в этом плане.

И только первичные реакции облученных: мощная эритема (ядерный загар), отеки, ожоги, тошнота, рвота, слабость, у некоторых шоковые состояния – заставили предполагать очень тяжелые поражения.

Кроме того, медсанчасть, обслуживающая Чернобыльскую АЭС, не была оснащена необходимой радиометрической аппаратурой с достаточно широким диапазоном шкал измерений, позволяющей оперативно определять характер и степень внешнего и внутреннего облучений. Бесспорно, врачи медсанчасти не были подготовлены организационно к приему подобного рода больных. Не была в связи с этим проведена необходимая в таких случаях срочная классификация пострадавших по типу течения болезни при остром лучевом синдроме, каждому из которых присущи определенные ранние симптомы, различия между которыми имеют значение для терапии заболевания. В качестве основного критерия в таких случаях выбирается вероятный исход болезни:

1. Выздоровление невозможно или маловероятно.
2. Выздоровление возможно при использовании современных терапевтических средств и методов.
3. Выздоровление вероятно.
4. Выздоровление гарантировано.

Такая классификация особенно важна в том случае, когда при аварии облучено большое количество людей, и может возникнуть необходимость скорее определить тех из них, кому своевременно оказанная медицинская помощь может спасти жизнь. То есть такая помощь должна охватывать пораженных второй и третьей группы лиц указанной классификации, так как их судьба существенно зависит от своевременно принятых терапевтических мер.

Здесь особенно важно знать, когда началось облучение, сколько оно длилось, сухая или мокрая была кожа (через влажную кожу интенсивнее диффундируют внутрь радионуклиды, особенно через кожу, пораженную ожогами и ранениями).

Мы знаем, что практически вся смена Акимова не имела респираторов и таблеток-протекторов (йодистого калия и пентоцина), и работа этих людей проходила без грамотного дозиметрического обеспечения.

Все поступившие в медсанчасть пострадавшие не были классифицированы по типу течения острой лучевой болезни, свободно общались друг с другом. Не была обеспечена достаточная дезактивация кожных покровов (только обмыв под душем, который был неэффективен или мало эффективен из-за диффузии радионуклидов с накоплением в зернистом слое под эпидермисом).

При этом основное внимание было обращено на терапию больных первой группы с тяжелыми первичными реакциями, которых сразу положили под капельницу, и больных с тяжелыми термическими ожогами (пожарные, Шашенок, Кургуз).

Только через четырнадцать часов после аварии из Москвы самолетом прибыла специализированная бригада в составе физиков, терапевтов-радиологов, врачей-гематологов. Были проведены одно-, трехкратные анализы крови, заполнены амбулаторные карты-выписки с указанием клинических проявлений после аварии, жалоб пострадавших, числа лейкоцитов и лейкоцитарной формулы...

Свидетельствует начальник смены блока № 4 В. Г. Смагин (принимал смену у Акимова):

«Около четырнадцати часов покинул БЩУ (началась рвота, головная боль, головокружение, полубморочное состояние), помылся и переоделся в санпропускнике, пришел на АБК-1 в здравпункт. Там уже были врачи, сестры. Попытались записать, где был,

какие радиационные поля? Но что мы знали? Мы толком ничего не знали. Зашкал на тысяче микрорентген в секунду – и все. Где был?.. Разве расскажешь, где был. Это надо им весь проект АЭС докладывать. К тому же, меня все время мутило. Тогда нас, человек пять, посадили в „скорую“ и отвезли в медсанчасть Припяти.

Привезли в приемный покой, РУПом (прибор для замера активности) замерили активность каждого. Все радиоактивны. Помылись еще раз. Все равно радиоактивные. Проводили нас на третий этаж к терапевтам. Было в ординаторской несколько терапевтов. Меня сразу увидела и взяла к себе Людмила Ивановна Прилепская. У нее муж тоже начальник смены блока, и мы дружили семьями. Но тут у меня и других ребят началась рвота. Мы увидели ведро или урну, схватили и втроем начали рвать в это ведро.

Прилепская записала мои данные, выяснила место, где я был на блоке и какие там радиационные поля. Никак не могла взять в толк, что там везде поля, везде грязь. Нет ни одного чистого уголка. Вся атомная станция – сплошное радиационное поле. Пыталась выяснить, сколько я схватил. В промежутках между рвотами рассказывал ей как мог. Сказал, что поля из нас никто точно не знает. Зашкал на тысяче микрорентген в секунду – и все. Чувствовал себя очень плохо. Дикая слабость, головокружение, дурнота.

Проводили в палату и положили на свободную койку. Сразу поставили капельницу в вену. Длилось это долго. Примерно, два с половиной-три часа. Влили три флакона: в двух прозрачная жидкость, в одном – желтоватая. Мы все это называли – физраствор.

Часа через два в теле стала ощущаться бодрость. Когда кончилась капельница, я встал и начал искать курево. В палате было еще двое. На одной койке прапорщик из охраны. Все говорил:

– Сбегу домой. Жена, дети волнуются. Не знают, где я. И я не знаю, что с ними.

– Лежи, – сказал я ему. – Хватанул бэры, теперь лечись...

На другой койке лежал молодой наладчик из Чернобыльского пусконаладочного предприятия. Когда он узнал, что Володя Шашенок умер утром, кажется, в шесть утра, то начал кричать, почему скрыли, что он умер, почему ему не сказали. Это была истерика. И, похоже, он перепугался. Раз умер Шашенок, значит, и он может умереть. Он здорово кричал.

– Все скрывают, скрывают!.. Почему мне не сказали?!

Потом он успокоился, но у него началась изнурительная икота.

В медсанчасти было грязно. Прибор показывал радиоактивность. Мобилизовали женщин из Южатомергосмонтажа. Они все время мыли в коридоре и в палатах. Ходил дозиметрист и все измерял. Бормотал при этом:

– Моют, моют, а все грязно...

Похоже, он был недоволен работой женщин, хотя они здорово старались и ни в чем не были виноваты. Были настежь открыты окна, на улице духота, в воздухе радиоактивность. Гамма-фон в воздухе. Поэтому прибор неверно показывал. То есть верно – показывал грязь. С улицы все летело внутрь и оседало.

В открытое окно услышал, что меня зовут. Выглянул, а внизу Сережа Камышный, начальник смены реакторного цеха из моей смены. Спрашивает: „Ну как дела?“ А я ему в ответ: „Закурить есть?“

– Есть!

Спустили шпигат и на шпигате подняли сигареты. Я ему сказал:

– А ты, Серега, что бродишь? Ты тоже нахвтался. Иди к нам.

А он говорит:

– Да я нормально себя чувствую. Вот дезактивировался. – Он достал из кармана бутылку водки. – Тебе не надо?

– Не-ет! Мне уже влили...

Заглянул в палату к Лене Топтунову. Он лежал. Весь буро-коричневый. У него был сильно опухший рот, губы. Распух язык. Ему трудно было говорить.

Всех мучило одно: почему взрыв?

Я спросил его о запасе реактивности. Он с трудом сказал, что „Скала“ показывала

восемнадцать стержней. Но, может, врал. Машина иногда врет...

Володя Шашенок умер от ожогов и радиации в шесть утра. Его, кажется, уже похоронили на деревенском кладбище. А заместитель начальника электроцеха Александр Лелеченко после капельницы почувствовал себя настолько хорошо, что сбежал из медсанчасти и снова пошел на блок. Второй раз его уже повезли в Киев в очень тяжелом состоянии. Там он и скончался в страшных муках. Общая доза, им полученная, составила две с половиной тысячи рентген. Не помогли ни интенсивная терапия, ни пересадка костного мозга...

После капельницы многим стало лучше. Я встретил в коридоре Проскурякова и Кудрявцева. Они оба держали руки прижатыми к груди. Как закрывались ими от излучения реактора в центральном зале, так и остались руки в согнутом положении, не могли разогнуть, страшная боль. Лица и руки у них очень отекали, темно-буро-коричневого цвета. Оба жаловались на мучительную боль в коже рук и лица. Говорить долго не могли, и я не стал их больше тревожить.

Но Валера Перевозченко после капельницы не встал. Лежал, молча отвернувшись к стене. Сказал только, что страшная боль во всем теле. И физраствор не поднял ему настроения.

Толя Кургуз был весь в ожоговых пузырях. В иных местах кожа лопнула и висела лохмотьями. Лицо и руки сильно отекали и покрылись корками. При каждом мимическом движении корки лопались. И изнурительная боль. Он жаловался, что все тело превратилось в сплошную боль.

В таком же состоянии был Петя Паламарчук, вынесший Володю Шашенка из атомного ада...

Врачи, конечно, делали очень много для пострадавших, но их возможности были ограничены. Они и сами облучились. Атмосфера, воздух в медсанчасти — были радиоактивные. Сильно излучали и тяжелые больные. Они ведь вобрали радионуклиды внутрь и впитали в кожу.

Действительно, нигде в мире подобного не было. Мы были первыми после Хиросимы и Нагасаки. Но гордиться здесь нечем...

Все, кому полегчало, собрались в курилке. Думали только об одном: почему взрыв? Был тут и Саша Акимов, печальный и страшно загорелый. Вошел Анатолий Степанович Дятлов. Курит, думает. Привычное его состояние. Кто-то спросил:

— Сколько хватанул, Степаныч?

— Д-да, думаю, р-рентген сорок... Жить будем...

Он ошибся ровно в десять раз. В 6-й клинике Москвы у него определили четыреста рентген. Третья степень острой лучевой болезни. И ноги он себе подпалил здорово, когда ходил по топливу и графиту вокруг блока...

Но почему так произошло? Ведь все протекало нормально. Все правильно делали, режим был относительно спокоен. И вдруг... В считанные секунды все рухнуло... Так думали все операторы.

И только Топтунов, Акимов и Дятлов могли, казалось всем, ответить на эти вопросы. Но весь фокус состоял в том, что и они ответить на этот вопрос не могли. У многих в голове торчало слово „диверсия“. Потому что, когда не можешь объяснить, то на самого черта подумаешь...

Акимов на мой вопрос ответил одно:

— Мы все правильно делали... Не понимаю, почему так произошло...

Весь он был полон недоумения и досады.

Тогда действительно многим было все непонятно. Глубину постигшей нас беды мы еще не сознавали. Дятлов тоже был уверен в правильности своих действий.

К вечеру прибыла команда врачей из 6-й клиники Москвы. Ходили по палатам. Осматривали нас. Бородатый доктор, кажется, Георгий Дмитриевич Селидовкин, отобрал первую партию — двадцать восемь человек — для срочной отправки в Москву. Отбор делал по

ядерному загару. Было не до анализов. Почти все двадцать восемь умрут...

Из окна медсанчасти хорошо был виден аварийный блок. К ночи загорелся графит. Гигантское пламя. Вилось вокруг венттрубы впечатляющим огненным смерчем. Страшно было смотреть. Больно.

Руководил отправкой первой партии зампредисполкома Саша Эсаулов. Двадцать шесть человек посадили в красный „Икарус“. Кургуза и Паламарчука повезли „скорой“. Улетели из Борисполя часа в три ночи.

Остальных, которым было полегче, в том числе и меня, отправили в 6-ю клинику Москвы 27 апреля. Выехали из Припяти где-то около двенадцати дня. Более ста человек тремя „Икарусами“. Крики и слезы провожающих. Ехали все, не переодеваясь, в полосатых больничных одеждах...

В 6-й клинике определили, что я схватил 280 рад...»

Около девяти вечера 26 апреля 1986 года прибыл в Припять заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина. Поистине историческая роль выпала на его долю. Он стал первым председателем Правительственной комиссии по ликвидации последствий ядерной катастрофы в Чернобыле. Он же, вся его деятельность по руководству энергетикой через некомпетентного Майорца, на мой взгляд, ускорили приход Чернобыля.

Невысокого роста, щупленький, теперь больше обычного бледный, с плотно сжатым, уже старческим ртом и властными тяжелыми складками худых щек, он был спокоен, собран, сосредоточен.

Не понимал он пока еще, что кругом – и на улице, и в помещении – воздух насыщен радиоактивностью, излучает гамма- и бета-лучи, которым абсолютно все равно, кого облучать – Щербину или простых смертных. А их-то, этих простых смертных, было в ночном городе, за окном кабинета, около сорока восьми тысяч со стариками, женщинами и детьми. Но почти так же все равно было и Щербине, ибо только он хотел и мог решать – быть или не быть эвакуации, считать или не считать происшедшее ядерной катастрофой.

Он вел себя в присущей ему манере. Вначале был тих, скромен, и даже чуть апатичен внешне. Колоссальная, мало контролируемая власть, вложенная в этого маленького сухонького человека, сообщала ему сладостное ощущение неограниченного могущества, и, казалось, он, как Господь Бог, сам решал, когда ему карать, когда миловать, но... Щербина был человек, и все у него произойдет как у человека: вначале подспудно, на фоне внешнего спокойствия, будет зреть буря, потом, когда он кое-что поймет и наметит пути, разразится буря реальная, злая буря торопливости и нетерпения:

– Скорей, скорей! Давай, давай!

Но в Чернобыле разыгралась космическая трагедия. А Космос надо давить не только космической силой, но и глубиной разума, – это тоже Космос, но только живой и, стало быть, более могущественный.

По итогам деятельности рабочих комиссий первым Докладывал Майорец. Он вынужден был признать, что 4-й блок разрушен, что разрушен и реактор. Вкратце изложил мероприятия по укрытию (захоронению) блока. Надо, говорит, уложить в разрушенное взрывом тело блока более 200 тысяч кубометров бетона. Видимо, надо делать металлические короба, обкладывать ими блок и уже их бетонировать. Непонятно, что делать с реактором. Он раскален. Надо думать об эвакуации. «Но я колеблюсь. Если потушить реактор, радиоактивность должна уменьшиться или исчезнуть...»

– Не торопитесь с эвакуацией, – спокойно, но было видно, это деланное спокойствие, сказал Щербина. Внутри у него, чувствовалось, klokотала бессильная ярость.

Ах, как ему хотелось, чтобы не было эвакуации! Ведь так все хорошо началось у Майорца в новом министерстве. И коэффициент установленной мощности повысили, и частота в энергосистемах стабилизировалась... И вот тебе...

После Майорца выступали Шашарин, Прушинский, генерал Бердов, Гаманюк, Воробьев, командующий химвойск генерал-полковник Пикалов, от проектировщиков Куклин

и Конвиз, от дирекции АЭС – Фомин и Брюханов.

Выслушав всех, Щербина пригласил присутствующих к коллективному размышлению.

– Думайте, товарищи, предлагайте. Сейчас нужен мозговой штурм. Не поверю, чтобы нельзя было погасить какой-то там реактор. Газовые скважины гасили, не такой огонь там был – огненная буря. Но гасили же!

И начался мозговой штурм. Каждый говорил, что в голову взбредет. В этом и заключается способ мозгового штурма. Даже какая-нибудь ерунда, околесица, ересь может неожиданно натолкнуть на дельную мысль. Чего только не предлагалось: и поднять на вертолете огромный бак с водой и бросить его на реактор, и сделать своего рода атомного «троянского коня» в виде огромного полого бетонного куба. Затолкать туда людей и двинуть этот куб на реактор, а уж, подобравшись близко, забросить этот самый реактор чем-нибудь...

Кто-то дельно спросил:

– А как же эту железобетонную махину, то бишь «троянского коня», двигать? Колеса нужны и мотор.

Идея сразу была отвергнута.

Высказал мысль и сам Щербина. Он предложил нагнать в подводящий канал, что рядом с блоком, водомерные пожарные катера и оттуда залить водой горящий реактор. Но кто-то из физиков объяснил, что ядерный огонь водой не загасишь, активность еще больше попреет. Вода будет испаряться, и пар с топливом накроет все кругом. Идея катеров отпала.

Наконец кто-то вспомнил, что огонь, в том числе и ядерный, безвредно гасить песком...

И тут стало ясно, что без авиации не обойтись. Срочно запросили из Киева вертолетчиков.

Заместитель командующего ВВС Киевского военного округа генерал-майор Николай Тимофеевич Антошкин был уже в пути по дороге в Чернобыль.

Приказ из округа получил вечером 26 апреля: «Срочно убыть в город Припять. Аварийный атомный блок решили засыпать песком. Высота реактора тридцать метров. Видимо, кроме вертолетов на это дело никакая другая техника не годится... В Припяти действуйте по обстановке... Держите с нами связь постоянно...»

Военные вертолетчики дислоцировались далеко от Припяти и Чернобыля. Надо перебрасывать ближе...

Пока генерал Н. Т. Антошкин был в пути, Правительственная комиссия решала вопрос об эвакуации. Особенно настаивали на эвакуации представители Гражданской обороны и медики из Минздрава СССР.

– Эвакуация необходима немедленно! – горячо доказывал заместитель министра здравоохранения Е. И. Воробьев. – В воздухе плутоний, цезий, стронций... Состояние пострадавших в медсанчасти говорит об очень высоких радиационных полях. Щитовидки людей, детей в том числе, наспигованы радиоактивным йодом. Профилактику йодистым калием никто не делает... Поразительно!..

Щербина прервал его:

– Эвакуируем город утром 27 апреля. Всю тысячу сто автобусов подтянуть ночью на шоссе между Чернобылем и Припятью. Вас, генерал Бердов, прошу выставить посты к каждому дому. Никого не выпускать на улицу. Гражданской обороне утром объявить по радио необходимые сведения населению. А также уточненное время эвакуации. Разнести по квартирам таблетки йодистого калия. Привлеките для этой цели комсомольцев... А сейчас мы с Шашариным и Легасовым полетим к реактору. Ночью виднее...

Щербина, Шашарин и Легасов на вертолете гражданской обороны поднялись в ночное радиоактивное небо Припяти и зависли над аварийным блоком. Щербина в бинокль рассматривал раскаленный до ярко-желтого цвета реактор, на фоне которого хорошо были видны темноватый дым и языки пламени. А в расщелинах справа и слева, в недрах

разрушенной активной зоны просвечивала мерцающая звездная голубизна. Казалось, будто кто-то всемогущий накачивал огромные невидимые меха, раздувая этот гигантский, 20-метрового диаметра, ядерный горн. Щербина с уважением смотрел на это огненное атомное чудовище, несомненно обладавшее большей, чем он, зампред Совмина СССР, властью. Настолько больше, что перечеркнуло уже судьбы многих больших начальников и его, Щербину, способно освободить от должности. Серьезный противник, ничего не скажешь...

– Ишь, как разгорелся! – будто про себя говорил Щербина. – И сколько же в этот кратер, – букву «е» в слове «кратер» он произносил очень мягко, – надо песку кинуть?

– Полностью собранный и загруженный топливом реактор весит десять тысяч тонн, – ответил Шашарин. – Если выбросило половину графита и топлива – это где-то около тысячи тонн, образовалась яма глубиной до четырех метров и в диаметре метров двадцать. У песка больший удельный вес, чем у графита... Думаю, три-четыре тысячи тонн песка надо будет бросить...

– Вертолетчикам придется поработать, – сказал Щербина. – Какая активность на высоте двести пятьдесят метров?

– Триста рентген в час... Но когда в реактор полетит груз, поднимется ядерная пыль и активность на этой высоте резко возрастет. А «бомбить» придется с меньшей высоты...

Вертолет сошел с кратера.

Щербина был сравнительно спокоен. Но это спокойствие объяснялось не только выдержкой зампреда, но в значительной степени его недостаточной осведомленностью в атомных вопросах, а также неопределенностью ситуации. Уже через несколько часов, когда будут приняты первые решения, он станет кричать на подчиненных во всю силу легких, торопить, обвиняя в медлительности и во всех смертных грехах...

27 апреля 1986 года

Рассказывает полковник В. Филатов:

«Было уже далеко за полночь 27 апреля, когда в здание горкома КПСС вошел генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин. Еще подъезжая к Припяти, он обратил внимание, что в окнах всех учреждений полыхал полный свет. Город не спал, гудел, как растревоженный улей. В горкоме битком людей.

Сразу доложил Щербине о своем прибытии.

Щербина сказал:

– На вас и на ваших вертолетчиков, генерал, сейчас вся надежда. Кратер надо запечатать песком наглухо. Сверху. Ниоткуда больше к реактору не подступиться. Только сверху. Только ваши вертолетчики...

– Когда начинать? – спросил генерал Антошкин.

– Когда начинать? – удивленно вскинулся Щербина. – Прямо сейчас, немедленно.

– Нельзя, Борис Евдокимович. Еще не перебазировались вертолеты. Надо найти площадку, место управления полетами... Только с рассветом...

– Тогда прямо с рассветом, – согласился Щербина. – Ну, вы меня понимаете, генерал? Берите это дело в свои руки».

Озадаченный председателем Правительственной комиссии, генерал Антошкин лихорадочно размышлял:

«Где взять этот песок? Где мешки? Кто будет их грузить в вертолеты? Каковы маршруты подхода к 4-му блоку по воздуху? С какой высоты бросать мешки? Какова радиация? Можно ли вообще посылать на кратер летчиков? А вдруг пилоту в воздухе станет плохо? Вертолетчиками в воздухе надо руководить – как, кто, откуда? Какие мешки с песком? Твори, генерал, из ничего...»

Продумывал линию дел и поступков:

«Мешки с песком – вертолеты, сбрасывание мешков с песком; расстояние от взлетной площадки до кратера; взлетная площадка – место дислокации; реактор – радиация –

дезактивация личного состава и техники...»

Антошкин вспомнил вдруг, что по дороге из Киева в Припять навстречу шла бесконечная вереница автобусов и частных машин, в которых людей было как в час «пик»... Мелькнула тогда мысль: «Эвакуация?»

Да, это была самоэвакуация. Часть людей по собственной инициативе покинула радиоактивный город. Уже в течение дня и вечера 26-го апреля...

Антошкин думал, куда сажать вертолеты. Не находил ответа. И вдруг поймал себя на том, что внимательно рассматривает площадь перед горкомом партии.

«Именно здесь! – мелькнула мысль. – Кроме площадки перед горкомом КПСС сажать вертолеты тут негде...

Доложил Щербине. После некоторых колебаний: шум моторов будет мешать работе Правительственной комиссии, – получил добро.

Не разбирая, где сколько радиации, промчался на машине к аварийному блоку, посмотрел подлеты к площадке. И все это без защитных средств. Растерянная администрация АЭС не сумела обеспечить ими прибывших. Все были, кто в чем приехал. Активность в волосах и на одежде к исходу суток достигла десятков миллионов распадов...»

Глубоко за полночь 27 апреля генерал-майор Антошкин по личной рации вызвал первую пару вертолетов. Но без руководителя с земли они в этой обстановке сесть не могли. Антошкин взобрался на крышу десятиэтажной гостиницы «Припять» со своей рацией и стал руководителем полетов. Развороченный взрывом 4-й блок с короной пламени над реактором был виден как на ладони. Правее, за станцией Янов и путепроводом – дорога на Чернобыль, а на ней бесконечная, тающая в дальней утренней дымке колонна разноцветных пустых автобусов: красных, зеленых, синих, желтых, застывших в ожидании приказа.

Тысяча сто автобусов растянулись по всей дороге от Припяти до Чернобыля на двадцать километров. Гнетущей была картина застывшего на дороге транспорта. Высвечивая в лучах утренней зари, сверкая непривычно пустыми глазницами окон, уходящая за горизонт колонна автобусов остро символизировала собой, что здесь, на этой древней, исконно чистой, а теперь радиоактивной земле – жизнь остановилась...

В 13 часов 30 минут колонна дрогнет, двинется, переползет через путепровод и распадется на отдельные машины у подъездов белоснежных домов. А потом, покидая Припять, увозя навсегда людей, унесет на своих колесах миллионы распадов радиоактивности, загрязняя дороги поселков и городов...

Надо было бы предусмотреть замену скатов на выезде из десятикилометровой зоны. Но об этом никто не додумал. Активность же асфальта в Киеве долго еще потом будет составлять от десяти до тридцати милли-рентген в час, и месяцами придется отмывать дороги...

Глубоко за полночь было окончательно все решено относительно эвакуации. Но превалировала оценка: эвакуация ненадолго, на два-три дня. Наука, сидя в горкоме партии, предполагала, что радиация снизится после того, как реактор завалят песком и глиной. Правда, наука сама толком еще не определилась, но тем не менее мысль о недолговечности радиации возобладала. В связи с этим дана была рекомендация: одеваться легко, продукты и деньги брать на три дня, вещи носильные закрыть в шкафах, газ, электричество выключить, двери закрыть на замок. Сохранность квартир обеспечит милиция...

Если бы члены Правительственной комиссии знали о размерах радиационного фона, решение было бы иным. Многие жители могли бы забрать основные носильные вещи, упаковав их в полиэтиленовые мешки. Ведь естественный приток радиоактивной пыли в квартиры (через щели в дверях и окнах) продолжался. И спустя неделю радиоактивность вещей в квартирах достигла одного рентгена в час.

А многие женщины и дети уезжали в легких халатах и платьицах, унося на них и в волосах миллионы распадов...

Свидетельствует В. И. Шишкин:

«Вначале предполагали эвакуировать город рано утром. На этом настаивали Шашарин, Минздрав СССР – Воробьев, Туровский, представители Штаба гражданской обороны.

Наука помалкивала по поводу эвакуации. И вообще, как мне казалось, опасность наукой преуменьшалась. Бросалась в глаза неопределенность со стороны ученых, неуверенность – что делать с реактором. Забрасывание песком рассматривалось тогда как превентивная мера по борьбе с пожаром в реакторе...»

Свидетельствует Б. Я. Прушинский

«Четвертого мая я вылетел на вертолете к реактору вместе с академиком Велиховым. Внимательно осмотрев с воздуха разрушенный энергоблок, Велихов озабоченно сказал:

– Трудно понять, как укротить реактор...

И это уже было сказано после того, как ядерное жерло было засыпано пятью тысячами тонн различных материалов...»

Свидетельствует В. Н. Шишкин:

«В три ночи 27 апреля стало ясно, что утром эвакуировать город ни организационно, ни технически не удастся. Надо было предупредить население. Решили созвать утром представителей всех предприятий и организаций города и подробно объявить об эвакуации.

Все члены комиссии были без респираторов, таблетки йодистого калия никто не выдавал. Да никто их и не спрашивал. Наука, видно, тоже не соображала в этом деле. Брюханов и местные власти были в прострации, а Щербина и многие присутствующие члены комиссии, в том числе и я, были безграмотны по части дозиметрии и ядерной физики...

Потом я узнал, что активность в помещении, где мы находились, достигала ста миллибэр в час (то есть трех рентген в сутки, если не выходить на улицу), а снаружи – до одного рентгена в час, то есть 24 рентгена в сутки. Однако это внешнее облучение. Накапливание йода-131 в щитовидной железе происходило значительно быстрее, и, как мне объяснили потом дозиметристы, к середине 27 апреля излучение от щитовидной железы достигало у многих 50 рентген в час. Доля же облучения организма от щитовидки равна соотношению один к двум. То есть от собственных щитовидок люди получали еще плюс рентген к тому, что уже схватили от внешнего облучения. Суммарная доза, полученная каждым жителем Припяти и членом Правительственной комиссии к 14 часам 27 апреля, составила около сорока-пятидесяти рад в среднем.

В 3 часа 30 минут ночи меня уже валила с ног дикая, как потом выяснилось, ядерная усталость, и я пошел хоть немного соснуть.

Утром 27 апреля проснулся около половины седьмого, вышел на балкон покурить. С соседнего балкона гостиницы „Припять“ Щербина старательно разглядывал в подозрную трубу разрушенный четвертый энергоблок...

Где-то возле десяти утра собрали всех представителей предприятий и организаций города. Разъяснили обстановку, как действовать. Подробно об эвакуации, которую наметили на четырнадцать часов. Главная задача – не допускать выхода людей из домов, профилактика йодистым калием, мокрая уборка квартир и городских улиц.

Дозиметры не выдавали. Их просто не было в нужном количестве. Те, что были на блоке, – загрязнены...

Обедали, ужинали 26 апреля, завтракали и обедали 27 апреля все члены Правительственной комиссии без предосторожностей в ресторане гостиницы „Припять“. Вместе с пищей радионуклиды попадали внутрь организма. Только с вечера 27 апреля по настоянию Штаба гражданской обороны пошел сухой паек: колбаса, огурцы, помидоры, сырок плавленый, кофе, чай, вода. Всем хватило, кроме Майорца, Щербины и Марьина. Они, видно, как обычно ждали, что им принесут. Но никто не приносил. А когда они сами кинулись, уже все было расхвачано. По этому поводу было много шуток и смеха.

Самочувствие у членов Правительственной комиссии к середине дня 27 апреля было

примерно у всех одинаковое: сильная ядерная усталость (она ощущается намного раньше и глубже, чем обычная при том же объеме работы), першило в горле, сухость, кашель, головная боль, зуд кожи. Йодистый калий членам Правительственной комиссии стали выдавать только 28 апреля...

Днем 27 апреля была развернута ежечасная дозиметрическая разведка в городе Припяти. Брали мазки с асфальта, пробы воздуха, пыли с обочин дорог. Анализ показывал, что пятьдесят процентов радиоактивных осколков приходилось на йод-131. Активность вплотную к поверхности асфальта достигала 50 рентген в час. На расстоянии двух метров от земли – примерно один рентген в час...»

Свидетельствует М. С. Цвирко:

«27 апреля вечером все повара сбежали. Вода из кранов перестала идти. Руки помыть негде. Принесли нам в картонных коробках хлеб кусками, в другой коробке – огурцы, в третьей – консервы, еще что-то. Я брезгливо брал хлеб, откусывал, а ту часть, что держал рукой, – выбрасывал. Потом понял, что зря брезговал. Ведь тот кусок, который я проглатывал, был такой же грязный как и тот, что держал рукой. Все было страшно грязным...»

Свидетельствует И. П. Цечельская – аппаратчица Припятского бетонно-смесительного узла:

«Мне и другим сказали, что эвакуация на три дня и что ничего брать не надо. Я уехала в одном халатике. Захватила с собой только паспорт и немного денег, которые вскоре кончились. Через три дня назад не пустили. Добралась до Львова. Денег нет. Знала бы, взяла бы с собой сберкнижку. Но все оставила. Штамп прописки в Припяти, который я показывала как доказательство, ни на кого не действовал. Полное безразличие. Просила пособие, не дали. Написала письмо министру энергетики Майорцу. Не знаю, наверное, мой халат, все на мне – очень грязное. Меня не измеряли...»

Виза министра на письме Цечельской:

«Пусть товарищ Цечельская И. П. обратится в любую организацию Минэнерго СССР. Ей выдадут 250 рублей».

Но эта виза датирована десятым июля 1986 года. А 27 апреля...

Свидетельствует Г. Н. Петров:

«Утром 27 апреля объявили по радио, чтобы не выходили из квартир. По домам бегали сандружинницы, разносили таблетки йодистого калия. У каждого подъезда поставили милиционера без респиратора.

На улице ведь было, как стало известно потом, до одного рентгена в час и радионуклиды в воздухе.

Но не все люди послушались инструкций. Было тепло и светило солнце. Выходной день. Но был кашель, сушило горло, металлический привкус во рту, головная боль. Некоторые бегали в медсанчасть измеряться. У них измеряли РУПом щитовидки. Зашкал на диапазоне пять рентген в час. Но других приборов не было. И потому неясна была подлинная активность. Люди волновались. Но потом как-то быстро забывали. Были сильно возбуждены...»

Свидетельствует Л. А. Харитонова:

«Еще 26 апреля, во второй половине дня, некоторых, в частности детей в школе, предупреждали, чтобы не выходили из дома. Но большинство не обращало на это внимания. Ближе к вечеру стало понятно, что тревога обоснованная. Люди ходили друг к другу, делились опасениями. Сама не видела, но говорили, что многие, особенно мужчины, дезактивировались выпивкой. В рабочих поселках и без ядерной аварии можно увидеть

пьяных. А здесь появился новый стимул. Видимо, кроме спиртного, для дезактивации ничего другого просто не было. Припять была очень оживлена, бурлила людьми, будто готовилась к какому-то огромному карнавалу. Конечно, на носу были майские праздники. Но перевозбуждение людей бросалось в глаза...»

Свидетельствует Л. Н. Акимова:

«Утром 27 апреля по радио передали, чтобы не выходили из дома, не подходили к окну. Старшеклассницы принесли йодистые таблетки. В 12 часов сообщили уже определенной, что будет эвакуация, но не надолго – на 2–3 дня, чтобы не волновались и не брали много вещей. Дети все стремились к окну, посмотреть, что на улице. Я их оттаскивала. Было тревожно. Сама выглядывала в окно и поняла, что не все слушаются. На скамье возле дома сидела женщина, наша соседка, и вязала. Рядом в песочке играл ее двухлетний сынишка. А ведь там, как узнали потом, весь воздух, которым дышали, излучал гамма- и бета-лучи. Воздух был насыщен долгоживущими радионуклидами, и все это накапливалось в организме. Особенно радиоактивный йод в щитовидках, наиболее опасный для детей. Все время болела голова и душил сухой кашель...»

А в общем, все жили как обычно. Готовили завтраки, обеды, ужины. Весь день и вечер 26 апреля ходили в магазины. Да и 27 утром тоже. Ходили друг к другу в гости...

А ведь продукты, еда уже тоже были заражены радиацией... Меня еще очень волновало состояние мужа: темно-бурый цвет кожи, возбужденность, лихорадочный блеск глаз...»

Свидетельствует Г. Н. Петров:

«Ровно в четырнадцать часов к каждому подъезду подали автобусы. По радио еще раз предупредили: одеваться легко, брать минимум вещей, через три дня вернемся. У меня еще тогда мелькнула невольная мысль; если брать много вещей, то и пяти тысяч автобусов не хватит...»

Большинство людей послушались и даже не взяли запас денег. А вообще хорошие у нас люди: шутили, подбадривали друг друга, успокаивали детей. Говорили им: „Поедем к бабушке“, „На кинофестиваль“, „В цирк“... Старшие ребята были бледны, печальны и помалкивали. В воздухе вместе с радиацией повисли деланная бодрость и тревога. Но все было деловито. Многие спустились вниз заранее и толпились с детьми снаружи. Их все время просили войти в подъезд. Когда объявили посадку, выходили из подъезда и сразу в автобус. Те, кто мешкал, бегал от автобуса к автобусу, только хватали лишние бэры. И так за день „мирной“, обычной жизни нахватались снаружи и внутрь предостаточно.

Везли до Иванкова (60 километров от Припяти) и там расселяли по деревням. Не все принимали охотно. Один куркуль не пустил мою семью в свой огромный кирпичный дом, но не от опасности радиации (в этом он не понимал и объяснения на него не действовали), а от жадности. „Не для того, говорит, строил, чтобы чужих впускать...“

Многие, высадившись в Иванкове, пошли дальше, в сторону Киева, пешком. Кто на попутных. Один знакомый вертолетчик, уже позже, рассказывал мне, что видел с воздуха: огромные толпы легко одетых людей, женщин с детьми, стариков – шли по дороге и обочинам в сторону Киева. Видел их уже в районе Ирпеня, Броваров. Машины застревали в этих толпах, словно в стадах гонимого скота. В кино часто видишь такое в Средней Азии, и сразу пришло в голову, хоть нехорошее, но сравнение. А люди шли, шли, шли...»

Трагичным было расставание уезжающих с комнатными животными: кошками, собаками. Кошки, вытянув трубой хвосты, пытливо заглядывая в глаза людям, жалобно мяукали, собаки самых разных пород тоскливо выли, прорывались в автобусы, истошно визжали, огрызались, когда их выволакивали оттуда. Но брать с собой кошек и собак, к которым особенно привыкли дети, нельзя было. Шерсть у них была очень радиоактивна, как и волосы у людей. Ведь животные круглый день на улице, сколько в них набралось...

Долго еще псы, брошенные хозяевами, бежали каждый за своим автобусом. Но тщетно.

Они отстали и возвратились в покинутый город. И стали объединяться в стаи.

Когда-то археологи прочли интересную надпись на древнеавилонских глиняных табличках: «Если в городе псы собираются в стаи, городу пасть и разрушиться».

Город Припять не разрушился. Он остался покинутым, законсервированным радиацией на несколько десятков лет. Радиоактивный город-призрак...

Объединенные в стаи псы прежде всего сожрали большую часть радиоактивных кошек, стали дичать и огрызаться на людей. Были попытки нападения на людей, на брошенный домашний скот...

Срочно была сколочена группа охотников с ружьями, и в течение трех дней – 27, 28 и 29 апреля (то есть до дня эвакуации Правительственной комиссии из Припяти в Чернобыль) был произведен отстрел всех радиоактивных псов, среди которых были дворняжки, доги, овчарки, терьеры, спаниэли, бульдоги, пудели, болонки. 29 апреля отстрел был завершен, и улицы покинутой Припяти усеяли трупы разномастных собак...

Эвакуации были подвергнуты также жители близлежащих к АЭС деревень и хуторов: Семиходов, Копачей, Шипеличей и других.

Анатолий Иванович Заяц (главный инженер треста Южатомэнергомонтаж) с группой помощников, среди которых были и охотники с ружьями, обходили дворы деревень и разъясняли людям, что надо покидать свои родные дома.

Больно, горько было видеть страдания и слезы людей, которым предстояло на годы, может, навсегда покинуть землю предков...

«Да шо ж це воно такэ?! Да як же я кину хату, та скотину?! Огород... Да як же це, сынку?!...»

– Надо, бабушка, надо, – объяснял Анатолий Иванович. – Кругом все радиоактивно: и земля, и трава. Скотину теперь этой травой кормить нельзя, молоко пить нельзя. Ничего... Все радиоактивное. Государство... Исполнит вам, за все заплатит сполна. Все будет хорошо...

Но люди не понимали, не хотели понимать такие слова.

– Як же це?!.. Солнце светит, трава зэлэна, усе растет, цветет, сады, бачишь, яки?..

– В том-то и дело, бабушка... Радиация невидима и поэтому опасна. Скот брать с собой нельзя. Коровы, овцы, козы радиоактивны, особенно шерсть...

Многие жители, прослышав, что скот нельзя кормить травой, загнали коров, овец и коз по наклонному настилу на крыши сараев и держали там, чтобы они не шли щипать траву. Думали, что это недолго. Дня два, а потом снова будет можно.

Но все пришлось объяснять снова и снова. Скот расстреляли, людей вывезли в безопасное место...

Но вернемся в город Припять, к генералу ВВС Н. Т. Антошкину.

Утром 27 апреля прибыли по его вызову первые два вертолета Ми-6, пилотируемые опытными летчиками Б. Нестеровым и А. Серебряковым. Гром моторов вертолетов, приземлившихся на площади перед горкомом КПСС, разбудил всех членов Правительственной комиссии, которые только в четыре утра прилегли на пару часов вздремнуть.

Генерал Антошкин управлял полетом и посадкой вертолетов, находясь на крыше гостиницы «Припять». В ту ночь он не сомкнул глаз.

Нестеров и Серебряков произвели тщательную разведку с воздуха всей территории АЭС и ее окрестностей, начертили схему заходов на реактор для сброса песка.

Подходы к реактору с воздуха были опасны, мешала вентиляционная труба четвертого блока, высота которой составляла сто пятьдесят метров. Нестеров и Серебряков произвели замер активности над реактором на разных высотах. Ниже ста десяти метров не опускались, ибо резко возрастала активность. На высоте сто десять метров – 500 ренгген в час. Но после «бомбометания» наверняка поднимется еще выше. Для осуществления сброса песка необходимо зависнуть над реактором на три-четыре минуты. Доза, которую получают за это

время пилоты, составит от 20 до 80 рентген в зависимости от степени радиационного фона. А сколько будет вылетов? Это еще пока было неясно. Сегодняшний день покажет. Боевая обстановка ядерной войны...

На площадку перед горкомом КПСС то и дело садились и взлетали вертолеты. Оглушающий грохот моторов мешал работе Правительственной комиссии. Но все терпели. Приходилось говорить очень громко, просто кричать. Щербина нервничал: «Почему не начали кидать в реактор мешки с песком?!»

При посадке и взлете вертолетов работающими винтами с поверхности земли сдувало высокорadioактивную пыль с осколками деления. В воздухе возле горкома партии и в помещениях, расположенных рядом, radioактивность резко возросла. Люди задыхались.

А разрушенный реактор все изрыгал и изрыгал из себя новые миллионы кюри radioактивности...

Генерал Антошкин оставил вместо себя на крыше гостиницы «Припять» полковника Нестерова, чтобы тот управлял полетами, а сам поднялся в небо и лично осмотрел реактор с воздуха. Долго не мог понять, где же реактор. Незнакомому с конструкцией блока трудно ориентироваться. Понял, что нужно брать на «бомбометание» знатоков от монтажников или эксплуатации...

Прибывали все новые вертолеты. Стоял непрерывный оглушающий грохот.

Разведка проведена, подлеты к реактору определены.

Нужны мешки, лопаты, песок, люди, которые будут загружать мешки и грузить их в вертолеты...

Все эти вопросы генерал Антошкин выложил Щербине. Все в горкоме партии кашляли, сушило горло, трудно было говорить.

– У вас в войсках мало людей? – вопрошал Щербина. – Вы мне задаете эти вопросы?

– Летчики грузить песок не должны! – парировал генерал. – Им надо вести машины, держать штурвалы; выход на реактор должен быть точным и гарантированным. Руки не должны дрожать. Им ворочать мешками и лопатами нельзя!

– Вот, генерал, бери двух заместителей министров – Шашарина и Мешкова, пусть они тебе грузят, мешки достают, лопаты, песок... Песка здесь кругом навалом. Грунт песчаный. Найдите поблизости площадку, свободную от асфальта, – и вперед... Шашарин, широко привлекайте монтажников и строителей. Где Кизима?

Свидетельство Г. А. Шашарина:

«Очень хорошо поработал генерал ВВС Антошкин. Энергичный и деловой генерал. Не давал никому покоя. Тормошил всех.

Отыскивали метрах в пятистах от горкома партии, возле кафе „Припять“ у речного вокзала гору отличного песка. Его намывали земснарядами для строительства новых микрорайонов города. Со склада ОРСа привезли пачку мешков, и мы, вначале втроем: я, первый заместитель министра среднего машиностроения А. Г. Мешков и генерал Антошкин – начали загружать мешки. Быстро упарились. Работали кто в чем был, я и Мешков – в своих московских костюмах и штиблетах, генерал – в своем парадном мундире. Все без респираторов и дозиметров.

Вскоре я подключил к этому делу управляющего трестом Южатоэнергомонтаж Н. К. Антонщука, его главного инженера А. И. Зайца, начальника управления ГЭМ В. Ф. Выпирайло и других.

Антонщук подбежал ко мне со списком на льготы, который выглядел в этой обстановке смехотворным, но я его тут же утвердил. Это был список людей, которые будут работать на засыпке мешков песком, их увязке и погрузке в вертолеты. Такие списки обычно утверждались в прошлом на людей, которые выполняли монтажные или строительные работы на действующих АЭС, в грязной зоне. Но здесь... Антонщук и те, кому предстояло работать, действовали по старой схеме, не понимая, что грязная зона теперь в Припяти везде и что льготы надо платить всем жителям города. Но я не стал отвлекать людей объяснениями.

Нужно было делать дело...

Но прибывших людей не хватало. Я попросил главного инженера Южатомаэнергомонтажа А. И. Зайца проехать в ближайшие колхозы и попросить помощи...»

Свидетельствует главный инженер треста Южатомаэнергомонтаж Анатолий Иванович Заяц:

«27 апреля утром надо было организовать помощь вертолетчикам по загрузке песка в мешки. Людей не хватало. Мы с Антонщук проехали по хуторам колхоза „Дружба“. Ходили по дворам. Люди работали на приусадебных участках. Но многие были в поле. Весна, шел сев. Стали разяснять, что земля уже непригодная, что надо заткнуть зев реактору и что нужна помощь. С утра было очень жарко. У людей воскресное, предпраздничное настроение. Нам плохо верили. Продолжали работать. Тогда мы отыскивали председателя колхоза и секретаря парторганизации. Пошли в поле вместе. Разъяснили людям еще и еще раз. В конце концов люди отнеслись с пониманием. Набралось человек сто пятьдесят добровольцев – мужчин и женщин. Они работали потом, не покладая рук, по загрузке мешков и вертолетов. И все это без респираторов и других средств защиты. 27 апреля обеспечили 110 вертолетовыхлетов, 28 апреля – 300 вертолетовыхлетов...»

Свидетельствует Г. А. Шашарин:

«А Щербина торопил. Под грохот вертолетов орал во весь рот, что не умеем работать, плохо разворачиваемся. Гонял всех, как Сидоровых коз, – министров, замминистров, академиков, маршалов, генералов, не говоря уже об остальных...

– Как реактор взрывать, так они умеют, а мешки загружать песком – некому!

Наконец, первую партию в шесть мешков с песком погрузили на Ми-6. С вертолетами на „бомбежку“ вылетали поочередно Н. К. Антонщук, В. Д. Дейграф, В. П. Токаренко. Они монтировали этот реактор, и летчикам надо было поточнее показать, куда бросать мешки».

Первым на «бомбометание» вел вертолет военный летчик первого класса полковник Б. Нестеров. По прямой со скоростью 140 километров в час шли к четвертому блоку. Ориентир – слева две стопятидесятиметровые венттрубы АЭС.

Зашли над кратером ядерного реактора. Высота сто пятьдесят, нет, высоко. Сто десять метров. На радиометре 500 рентген в час. Зависли над щелью, образованной полуразвернутой шайбой верхней биологической защиты и шахтой. Щель метров пять шириной. Надо попасть. Биозащита раскалена до цвета диска солнца. Открыли дверь. Снизу несло жаром. Мощный восходящий поток радиоактивного газа, ионизированного нейтронами и гамма-лучами. Все без респираторов. Вертолет не защищен снизу свинцом... До этого додумались позже, когда сотни тонн груза были уже сброшены. А сейчас... Высовывали голову в открытую дверь и, заглядывая в ядерное жерло, целясь в него глазом, сбрасывали мешок за мешком. И так все время. Иного способа не было...

Первые двадцать семь экипажей и помогавшие им Антонщук, Дейграф, Токаренко вскоре вышли из строя и их отправили в Киев на лечение. Ведь активность после сбрасывания мешков на высоте ста десяти метров достигала тысячи восьмисот рентген в час. Пилотам становилось плохо в воздухе...

При метании мешков с такой высоты оказывалось значительное ударное воздействие на раскаленную активную зону. Резко увеличались при этом, особенно в первый день, выбросы осколков деления и радиоактивного пепла от сгоревшего графита. Люди дышали всем этим. В течение месяца потом вымывали из крови героев соли урана и плутония, многократно заменяя кровь.

В последующие дни пилоты сами уже догадались класть под сиденье свинцовые листы и надевали респираторы. Эта мера несколько снизила облучаемость летного состава...

Рассказывает полковник В. Филатов;

«В 19.00 27 апреля генерал-майор Н. Т. Антошкин доложил председателю

Правительственной комиссии Щербине, что в жерло реактора сброшено 150 тонн песка. Сказал это не без гордости. Тяжко дались эти сто пятьдесят тонн.

– Плохо, генерал, – сказал Щербина. – Сто пятьдесят тонн песка такому реактору – как слону дробина. Надо резко нарастить темпы...»

Щербина разнес также в пух и прах замминистров Шашарина и Мешкова, обвинив их в нерасторопности. Назначил руководителем погрузки песка начальника Союзатомэнергостроя М. С. Цвирко.

Свидетельствует М. С. Цвирко:

«Вечером 27 апреля, когда Шашарин и Антошкин доложили о сброшенных мешках, Щербина долго орал, что плохо работали. И вместо Шашарина назначил меня руководить погрузкой песка. Я отказался от места, где брали песок до этого. Песок там по замерам дозиметристов был очень радиоактивный, и люди зря хватали лишние дозы. Нашли песчаный карьер в десяти километрах от Припяти. Мешки вначале брали в ОРСе, магазинах, вытряхивая оттуда крупы, муку, сахар. Потом мешки привезли из Киева. 28 апреля нам выдали оптические дозиметры, но их надо заряжать, а их, кажется, не зарядили. У меня дозиметр показывал все время полтора рентгена. Стрелка не двигалась с места. Тогда я взял еще один дозиметр. На нем показывало два рентгена. И ни гу-гу больше. Плонул и перестал больше смотреть. Схватили где-то около семидесяти, ста рентген. Думаю, не меньше...»

Генерал Антошкин от усталости и бессонницы валился с ног, и такая оценка Щербины обескуражила его. Но только на мгновение. Он снова ринулся в бой. С 19 до 21 часа отладил отношения со всеми руководителями, от которых зависело обеспечение вертолетчиков мешками, песком, людьми для осуществления погрузки... Догадались использовать для увеличения производительности парашюты. В перевернутые вверх стропами купола парашютов грузили по пятнадцать мешков. Получалась сумка. Стропы цепляли к вертолету и – к реактору...

28 апреля было сброшено уже 300 тонн.

29 апреля – 750 тонн.

30 апреля – 1500 тонн.

1 мая – 1900 тонн.

В 19 часов 1 мая Щербина сообщил о необходимости сократить сброс вдвое. Появилось опасение, что не выдержат бетонные конструкции, на которые опирался реактор, и все рухнет в бассейн-барбатор. Это грозило тепловым взрывом и огромным радиоактивным выбросом...

Всего с 27 апреля по второе мая было сброшено в реактор около пяти тысяч тонн сыпучих материалов...

Свидетельствует Ю. Н. Филимонцев – заместитель начальника Главного научно-технического управления Минэнерго СССР:

«Я приехал в Припять вечером 27 апреля. С дороги сильно устал. Потолкался в горькоме, где работала Правительственная комиссия, и пошел в гостиницу спать. С собой у меня был карманный радиометр, который мне подарили на Курской АЭС перед моим отъездом на работу в Москву. Прибор хороший, с суммирующим устройством. За десять часов сна я получил один рентген. Стало быть, активность в помещении составляла сто миллирентген в час. На улице в разных местах – от пятисот миллирентген до одного рентгена в час...»

Продолжение свидетельства Ю. Н. Филимонцева приведу несколько позднее.

28 апреля – 16 мая 1986 года

В восемь утра 28 апреля я приехал на работу и вошел в кабинет к начальнику Главного

производственного управления по строительству Минэнерго СССР Евгению Александровичу Решетникову для доклада о результатах командировки на Крымскую АЭС.

Необходимо сообщить читателю, что главк этот, сокращенно – Главстрой, занимался вопросами строительства и монтажа тепловых, гидравлических и атомных электростанций. Как заместитель начальника главка, я возглавлял атомное направление.

И хотя сам я технолог, и долгие годы работал на эксплуатации АЭС, после лучевой болезни мне была противопоказана работа с источниками ионизирующих излучений. Из эксплуатации я перешел на работу в строительно-монтажную организацию Союзатомэнергострой, где осуществлял координацию монтажных и строительных работ на атомных станциях. То есть это была работа на стыке технологии и строительства. Работая в Союзатомэнергострое, где начальником был М. С. Цвирко, я и получил приглашение Решетникова перейти в новый главк.

Иными словами, определяющим для меня на новой работе было отсутствие контакта с радиацией, так как в интеграле у меня было уже сто восемьдесят рентген.

Решетников – опытный и энергичный организатор строительного производства, страстно болеющий за успех дела. Правда, мешало ему развернуться слабое здоровье – болезнь сердца. Он долгое время работал в провинции на строительстве заводов, шахт, тепловых и атомных электростанций. Однако технологической части АЭС, тем более ядерной физики, он не знал.

Войдя в кабинет, я стал докладывать ему о своей поездке на Крымскую станцию, но Решетников прервал меня:

– Авария на четвертом блоке Чернобыльской АЭС...

– Что произошло, причина? – спросил я.

– Связь очень плохая, – ответил он. – Телефоны на станции отключены. Работает только «ВЧ», и то плохо. Аппарат установлен в кабинете заместителя министра Садовского. Но сведения поступают нечеткие. Как будто взорвалась гремучка в аварийном баке СУЗ, в центральном зале. Взрывом снесло шатер ЦЗ и крышу барабан-сепараторных помещений, разрушено помещение ГЦН...

– Реактор цел? – спросил я.

– Неизвестно... Вроде цел... Я сейчас побегу к Садовскому, может, какие новые известия, а тебя очень прошу – посмотри чертежи и подготовь справку для доклада секретарю ЦК В. И. Долгих. Справку сделай достаточно популярную. Пойдет докладывать Садовский, а он, ты знаешь, гидротехник, в атомных тонкостях не понимает. Буду информировать тебя по мере поступления сведений. Если что узнаешь сам, докладывай мне...

– Надо бы слетать туда, посмотреть все на месте, – сказал я.

– Пока погоди. Туда и так улетело много лишнего народу. В Минэнерго некому готовить материалы для доклада. Полетишь после возвращения министра со второй командой. А может, я полечу. Желаю тебе успеха...

Я прошел к себе в кабинет, поднял чертежи и стал смотреть.

Бак аварийного запаса воды на охлаждение приводов СУЗ необходим на случай, если откажет штатная система охлаждения. Смонтирован на высоте от плюс пятидесяти до плюс семидесяти метров в наружной торцевой стене центрального зала. Емкость бака – сто десять кубов. Свободно связан дыхательной трубкой с атмосферой. Если там и собирался радиолитический водород, то он должен был через воздушник уйти из бака. Что-то не верилось, что взорвался бак. Скорее всего взрыв гремучего газа мог произойти внизу, в сливном коллекторе, куда собирается возвратная вода из каналов СУЗ и который заполнен не полным сечением. Мысль работала дальше. Если взрыв внизу, то могло ударной волной вышвырнуть из реактора все поглощающие стержни и тогда... Тогда разгон на мгновенных нейтронах и взрыв реактора... К тому же, если верить Решетникову, разрушения огромные. Ну, хорошо... Взорвался бак СУЗ, что маловероятно, снесло шатер центрального зала и крышу сепараторных помещений. Но, кажется, разрушены еще помещения ГЦН... Их мог

разрушить только взрыв изнутри, например, в прочно-плотном боксе...

Похолодело внутри от таких мыслей. Но очень мало сведений... Попытался позвонить в Чернобыль. Тщетно. Связи нет. Связался с ВПО Союзатомэнерго по тройке. Начальник объединения Веретенников – или темнит, или сам толком ничего не знает. Говорит, реактор цел, охлаждается водой. Но плохая радиационная обстановка. Подробностей не знает. Кроме него, никто ничего вразумительного сказать не смог. Все гадают на кофейной гуще. В строительно-монтажном объединении Союзатомэнергострой дежурный сообщил, что утром 26 апреля был разговор с главным инженером стройки Земсковым, который сказал, что у них небольшая авария, и просил не отвлекать.

Данных для доклада было явно маловато. Справку построил, исходя из взрыва бака СУЗ, возможного взрыва в нижнем сливном коллекторе с последующим разгоном и взрывом реактора. Но перед взрывом наверняка имел место сброс пара через предохранительные клапаны в бассейн-барбатор. Тогда объяснимы взрыв в прочно-плотном боксе и разрушение помещений ГЦН...

Как выяснилось позже, я был не так уж далек от истины. Во всяком случае, взрыв реактора я угадал.

В одиннадцать утра Решетников сообщил, очень волнуясь, что удалось с трудом по «ВЧ» переговорить с Припятью. Активность над реактором – 1000 рентген в секунду...

Я сказал, что это явное вранье, ошибка на два порядка. Может, десять рентген в секунду. В работающем реакторе активность достигает тридцати тысяч рентген в час, как в ядре атомного взрыва.

– Значит, реактор разрушен? – спросил я.

– Не знаю, – загадочно ответил Решетников.

– Разрушен, – уже твердо, и скорее сам себе, сказал я. – Значит, взрыв. Оборвало все коммуникации...

Я представил весь ужас катастрофы.

– Бросают песок, – снова загадочно сказал Решетников. – Ты атомщик... Что еще можешь посоветовать кинуть в реактор, чтобы заглушить его?

– Был у нас лет двадцать назад разгон на мгновенных нейтронах на вскрытом аппарате. Мы тогда с отметки центрального зала бросали в корпус реактора мешки с борной кислотой. Заглушили... Здесь, я думаю, надо бросать карбид бора, кадмий, литий – отличные поглощающие материалы...

– Немедленно доложу Щербине.

29 апреля утром Решетников сообщил мне, что заместитель министра Садовский по нашей справке докладывал о случившемся в Чернобыле секретарям ЦК КПСС В. И. Долгих и Е. К. Лигачеву.

Далее стало известно о пожаре на крыше машзала, о частичном обрушении кровли.

В последние дни в Москве, в министерстве, стало окончательно ясно, что на Чернобыльской АЭС произошла ядерная катастрофа, какой не было равных в атомной энергетике.

Сразу же в Минэнерго СССР организовали срочную и массированную переброску специальной строительной техники и материалов в Чернобыль через Вышгород. Снимали отовсюду и переправляли в район катастрофы: миксеры, бетоноукладчики, краны, бетононасосы, оборудование бетонных заводов, трейлеры, автотранспорт, бульдозеры, а также сухую бетонную смесь и другие строительные материалы...

Я поделился с Решетниковым своими опасениями: если активная зона проплавит под собой бетон и соединится с водой в бассейне-барбаторе, будет страшный тепловой взрыв и радиоактивный выброс. Чтобы этого не произошло, надо срочно слить воду из бассейна.

– А как подступиться? – спросил Решетников,

– Если подступиться нельзя, надо стрелять кумулятивными снарядами. Они прожигают танковую броню, а бетон тем более прожгут...

Мысль была передана Щербине...

29 апреля 1986 года Правительственная комиссия оставила Припять и переехала в Чернобыль.

Свидетельствует Г. А. Шашарин:

«26 апреля я принял решение останавливать первый и второй блоки. Примерно, в 21.00 начали останавливать и где-то к двум ночи 27 апреля остановили. Я приказал на каждый реактор добавить в пустые каналы равномерно по активной зоне по 20 штук дополнительных поглотителей. Если пустых каналов нет, извлечь топливные сборки и вместо них вставить ДП. Таким образом искусственно увеличивался оперативный запас реактивности.

Ночью 27 апреля сидели я, Сидоренко, Мешков и Легасов и думали, что же послужило причиной взрыва. Грешили на радиолитический водород, но потом я почему-то вдруг подумал, что взрыв был в самом реакторе. Отчего-то вот пришла такая мысль. Предполагали также, что диверсия. Что в центральном зале на привода СУЗ навесили взрывчатку и... выстрелили их из реактора. Это и привело к мысли о разгоне на мгновенных нейтронах. Тогда же, ночью 27 апреля, доложил ситуацию В. И. Долгих. Он спросил: может ли быть еще взрыв? Я сказал, что нет. Мы уже к этому времени промерили вокруг реактора интенсивность нейтронного потока. Было не более 20 нейтронов на квадратный сантиметр в секунду. Со временем стало 17–18 нейтронов. Это говорило о том, что реакции как будто нет. Правда, измеряли с расстояния и сквозь бетон. Какова же была подлинная плотность нейтронов, – неизвестно. С вертолета не мерили...

В ту же ночь определил минимум оперативного персонала, необходимого для обслуживания первого, второго и третьего блоков. Составил списки, передал Брюханову для исполнения.

29 апреля, уже на совещании в Чернобыле, я выступил и сказал, что надо остановить все остальные 14 блоков с реактором РБМК. Щербина молча слушал, потом, после совещания, когда выходили, сказал мне:

– Ты, Геннадий, того, не поднимай шум. Понимаешь, что значит оставить страну без четырнадцати миллионов киловатт установленной мощности?...»

В Минэнерго СССР и у нас в Главстрое организовано непрерывное дежурство, контроль грузопотоков на Чернобыль, удовлетворение первоочередных нужд.

Выяснилось, что нет механизмов с манипуляторами для сбора радиоактивных деталей (кусков топлива и графита). По всей площадке вокруг аварийного блока и значительно дальше взрывом разбросало реакторный графит и обломки топлива.

В армии таких роботов также не оказалось. Договорились с одной из фирм ФРГ о закупке за миллион золотых рублей трех манипуляторов для сбора топлива и графита на территории АЭС.

В ФРГ срочно вылетела группа наших инженеров во главе с главным механиком Союзатомэнергостроя Н. Н. Константиновым для обучения работе на роботах и приемки изделий.

К сожалению, использовать роботы по назначению так и не удалось. Они были рассчитаны для работы на ровненькой площадке, а в Чернобыле – сплошные завалы. Тогда забросили их на кровлю для сбора топлива и графита на крыше деаэрационной этажерки, но роботы запутались там в шлангах, оставленных пожарниками. В итоге пришлось собирать топливо и графит руками. Но тут я несколько забежал вперед...

Первого, второго и третьего мая дежурил в Главстрое – контроль грузопотоков в Чернобыль. Связи с Чернобылем практически не было.

4 мая 1986 года Свидетельствует Г. А. Шашарин:

«Четвертого мая нашли задвижку, которую надо было открыть, чтобы слить воду из

нижней части бассейна-барбатора. Воды там было мало. В верхний бассейн заглянули через дырку резервной проходки. Там воды не было. Я достал два гидрокостюма и передал их военным. Открывать задвижки шли военные. Использовали также передвижные насосные станции и рукавные ходы. Новый председатель Правительственной комиссии И. С. Силаев уговаривал: кто откроет, в случае смерти – машина, дача, квартира, обеспечение семьи до конца дней. Участвовали: Игнатенко, Сааков, Бронников, Грищенко, капитан Зборовский, лейтенант Злобин, младшие сержанты Олейник и Навава...»

В субботу 4 мая из Чернобыля прилетели Щербина, Майорец, Марьин, Семенов, Цвирко, Драч и другие члены Правительственной комиссии. В аэропорту «Внуково» их встречал спецавтобус и всех увез в 6-ю клинику, кроме М. С. Цвирко, который вызвал служебную машину и смог уехать отдельно...

Свидетельствует М. С. Цвирко:

«Прилетели в Москву, а у меня давление страшно поперло. Произошло кровоизлияние в оба глаза. Пока в аэропорту „Внуково“ собирали прибывших для отправки автобусом в 6-ю клинику, я вызвал свою служебную машину и поехал в свое привычное 4-е Главное управление при Минздраве СССР. Врач спросил, почему у меня красные глаза. Я сказал, что прострелило (кровоизлияние) в оба глаза, видимо, очень высокое давление. Врач замерил, оказалось: двести двадцать на сто десять. Потом уже я узнал, что радиация здорово нагоняет давление. Говорю врачу, что я из Чернобыля, что, видимо, облучился. Прошу проверить. Врач сказал мне, что они здесь не умеют лечить от радиации, и что мне надо ехать в 6-ю клинику. Тогда я попросил врача все-таки проверить мои данные. Он дал направление, я сдал кровь и мочу и пошел домой. Дома я хорошенько помылся. Перед отъездом я еще хорошо помылся в Чернобыле и Киеве. И стал отлеживаться. Но меня уже разыскивали. Позвонили и сказали, чтобы я срочно отправлялся в 6-ю клинику. Мол, там меня ждут. С большой неохотой приехал туда. Говорю:

– Я из Чернобыля, из Припяти.

Меня направили в приемный покой. Дозиметрист обнюхал меня датчиком. Вроде чисто. Я ведь хорошо перед этим отмылся, а волос у меня нет.

В 6-й клинике я увидел зам. министра А. Н. Семенова. Его уже остригли под машинку как тифозного больного. Он жаловался, что после того, как полежал на койке, голова стала грязнее, чем раньше. Их, оказывается, положили на койки, на которых до того лежали пострадавшие пожарные и операторы, привезенные сюда 26 апреля. Выходит, белье на койках не меняли и прибывшие загрязнялись радиацией друг от друга через постельное белье. Я категорически настаивал, чтобы меня отпустили, и вскоре я уехал домой. Там и отлежался...»

Рассказывает заведующая отделением клиники № 6 Москвы, где лечились облученные пожарные и операторы с ЧАЭС, доктор медицинских наук Анжелика Валентиновна Барабанова:

«Когда привезли первых пострадавших с Чернобыльской АЭС, у нас в клинике Института биофизики не было ни радиометров, ни дозиметров. Мы попросили физиков, кажется, из нашего института или из Института Курчатова подойти к нам и замерить радиоактивность поступивших больных. Вскоре пришли дозиметристы с приборами и замерыли...»

Остальных прибывших в 6-й клинике «обнюхали» датчиком, раздели, обмыли, обрили волосы. Все было очень радиоактивное. Один Щербина не дал себя обрить. После обмывки переоделся в чистое и с радиоактивными волосами ушел домой (Щербина, Майорец и Марьин отдельно от других обрабатывались в соседней с 6-й клиникой медсанчасти).

Всех, кроме покинувшего клинику Щербины, Цвирко и быстро отмытого Майорца,

оставили на обследование и лечение в 6-й клинике, где они находились от недели до месяца. На смену Щербине в Чернобыль улетел новый состав Правительственной комиссии во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР И. С. Силаевым.

3 мая 1986 года

Эвакуирован Чернобыль. Группа охотников расстреляла всех чернобыльских псов. Драма прощания четвероногих со своими хозяевами...

Объявлена 30-километровая зона. Эвакуированы население и скот.

Штаб Правительственной комиссии отступил в Иван-ков. Выброс. Резко возросла активность воздуха.

Маршал С. Х. Аганов тренировался с помощниками на пятом блоке по взрыву кумулятивных зарядов. Помогали офицеры и монтажники. Шестого мая придется стрелять в реальных условиях по аварийному блоку. Дыра нужна для протаскивания трубопровода подачи жидкого азота под фундаментную плиту для охлаждения.

6 мая 1986 года

Пресс-конференция Б. Е. Щербины. В его выступлении занижен радиационный фон вокруг аварийного блока и в Припяти. Зачем?

Председатель Госкомитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянц произнес чудовищные слова, оправдывая Чернобыльскую катастрофу: «Наука требует жертв». Думал, очень умно сказал, а вышло глупо и кощунственно. Гибнут люди...

Маршал С. Х. Аганов стрелял кумулятивными зарядами на аварийном блоке. Заряд приделали к стене ВСРО (вспомогательных систем реакторного отделения) со стороны третьего блока, подожгли бикфордов шнур. Пробили дыру в стенах трех помещений. Но на пути оказались трубопроводы и оборудование, которые мешали протянуть трубопровод. Надо было сильно расширять дыру. Не решились...

В. Т. Кизима предложил другое решение; не стрелять, а прожигать сварочной дугой со стороны транспортного коридора. Есть там такое 009 помещение. Начали подготовку к работам...

Чтобы уменьшить горение графита и гексофторида урана и блокировать доступ кислорода в активную зону, подключили азот к реципиентам и подали его под фундаментный крест аппарата...

Активность в Киеве (воздух) составила первого и второго мая около двух тысяч доз. Сообщил приехавший монтажник. Данные требуют проверки...

7 мая 1986 года

Организован штаб Минэнерго СССР в Москве для оказания оперативной и долговременной помощи Чернобылю. Дежурство по ВЧ до 22.00 в кабинете первого заместителя министра С. И. Садовского.

Совещание у заместителя министра А. Н. Семенова, Предложил ему обваловку аварийного блока с помощью направленного взрыва. Рассмотрели вопрос со специалистами Главгидроспецстроя. Признано невозможным. В грунтах Припяти в основном песок, который направленному взрыву не поддается. Необходимы тяжелые грунты, но таковых там нет. Песок же просто разметает взрывом во все стороны. А жаль! Я бы ставил атомные станции на тяжелых грунтах, чтобы потом, в случае надобности, заваливать их землей, превратив в подобие скифского кургана. Одна-единственная человеческая жизнь дороже самого уникального энергоблока.

В Чернобыль прибыли первые радиоуправляемые бульдозеры: японские «КАМАЦУ» и наши ДТ-250. В обслуживании их есть большая разница. Наш заводится вручную, а управляется дистанционно. В случае, если мотор заглохнет в зоне работы, где высокая радиация, надо посылать человека, чтобы снова завел. Японский «КАМАЦУ» заводится и управляется дистанционно.

Из Вышгорода, где концентрируется техника для Чернобыля, звонил диспетчер. Сказал, что прибыло уже колоссальное количество машин. Водителей очень много. Неуправляемы. Трудно с организацией жилья и питания. Повсеместно пьют. Говорят, для дезактивации. Активность в Киеве и Вышгороде: воздух – 0,5 миллирентгена в час, на поверхности дорог и асфальта – 15–20 миллирентген в час.

Диспетчеру приказал: разбить водителей на десятки и поставить во главе каждой наиболее сознательного. Неподдающихся отправлять по домам. Впредь принимать людей, исходя из необходимости иметь непрерывный резерв на подмену выбывающих из строя (получивших дозу 25 бэр).

В Чернобыле временами резко возрастает активность воздуха. Плутоний, трансураны и прочее. В этих случаях – срочная передислокация штабов и общежитий на новое, более удаленное место. При этом оставляют постельное белье, мебель и другие вещи. На новом месте оборудуют все заново...

Когда в зону бедствия приезжал Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, люди, в частности, жаловались ему на плохое медицинское обслуживание. Премьер разнес в пух и прах министра здравоохранения РСФСР С. П. Буренкова и его замов...

К сожалению, выяснилось, что у нас в стране нет необходимой специальной техники для устранения и локализации ядерных катастроф, подобных Чернобыльской. Таких, как машины «стена в грунте» с достаточной глубиной траншеи, робототехники с манипуляторами и прочее...

Зам. министра А. Н. Семенов вернулся с совещания у замминистра обороны маршала С. Ф. Ахромеева. Рассказал: совещание представительное, человек тридцать генерал-полковников и генерал-лейтенантов. Был начальник химвойск В. К. Пикалов. Маршал распекал собравшихся, что армия не готова к проведению дезактивации. Нет нужной техники и химикатов...

Конечно, к Чернобыльскому ядерному феномену никто не был готов. Тридцать пять лет академики уверяли всех, что атомные станции безопаснее даже тульского самовара. Жизнь показала, насколько важны верные теоретические предпосылки в оценке развития НТР вообще, и атомной энергетики в частности. Ну, и конечно – правда...

Радиационная обстановка на 7 мая в районе бедствия (принято штабом Минэнерго из Чернобыля по ВЧ):

– вокруг и около АЭС: графит (вплотную) – 2000 рентген в час. Топливо – до 15 тысяч рентген в час. В целом радиационный фон вокруг блока – 1200 рентген в час (со стороны завала).

– Припять – 0,5–1,0 рентген в час (воздух). Дороги, асфальт – от 10 до 60 рентген в час.

– Крыша ХЖТО и ХЖО – 400 рентген в час.

– Чернобыль – 15 миллирентген в час (воздух), земля – до 20 рентген в час.

– Иванков (60 километров от Чернобыля) – 5 миллирентген в час...

Звонок из Чернобыля от начальника стройки В. Т. Кизимы. Жалуется на нехватку легкового транспорта. Водители с машинами, «Москвичи», «УАЗы», «Волги», «Рафики», прибывшие с разных строек, выбрав дозу, уезжают самовольно на своем радиоактивном транспорте. Отмыть машины не удастся. Активность в салоне достигает 3–5 рентген в час. Просит дозиметры: накопители и оптические. Острая нехватка. Дозиметры воруют. Уезжающие увозят с собой в качестве сувениров. Самое больное место – организация дозиметрической службы у строителей и монтажников. Эксплуатация деморализована, не обеспечивает и себя...

Связался по телефону со Штабом гражданской обороны страны, получил добро на две

тысячи комплектов оптических дозиметров с блоками питания и зарядки с киевской базы. Передал координаты Кизиме. Просил его направить машину...

В штаб Минэнерго СССР звонят по телефону, приходят многие советские граждане, просят направить их в Чернобыль для участия в ликвидации последствий катастрофы. Большинство, конечно, не представляет, какого характера работа их ждет. Но облучение почему-то никого не беспокоит. Говорят: ведь из расчета 25 рентген... Иные прямо заявляют: хотим заработать. Узнали, будто в зоне, примыкающей к аварийному блоку, платят пять окладов...

Но большей частью помощь предлагают бескорыстно. Один демобилизованный солдат из Афганистана сказал. «Ну и что, что опасно? В Афганистане тоже была не прогулка. Хочу помочь стране».

Подготовили проект Постановления правительства по Чернобылю: «О мерах по ликвидации последствий аварии» (обеспечение техникой, автотранспортом, химикатами для дезактивации, льготы для строителей и монтажников). Министр А. И. Майорев доложит сегодня на заседании Политбюро...

20.00. Принято решение подавать жидкий бетонный раствор на завал, чтобы забетонировать куски топлива и графита и тем самым уменьшить радиационный фон. Для монтажа трубопровода подачи бетонного раствора срочно требуется 60 сварщиков. Приказ зам. министра А. Н. Семенова начальнику Союзэнергомонтажа П. П. Триандафилиди: «Выделить людей!»

Триандафилиди запальчиво кричит Семенову:

— Мы сожжем сварщиков радиацией! Кто будет монтировать трубопроводы на строящихся атомных станциях?!

Последовал новый приказ Семенова Триандафилиди:

«Подготовить список сварщиков и монтажников и передать в Министерство обороны для мобилизации».

В связи с ожидаемыми ливневыми дождями в районе Чернобыльской АЭС — приказ председателя Правительственной комиссии И. С. Силаева:

«Срочно приступить к перемонтажу ливневой канализации города Припять на водохранилище пруда-охладителя» (ранее была в реку Припять).

«Всему штабу Правительственной комиссии выехать к аварийному блоку для организации срочных мер по закрытию активных кусков графита и топлива, выброшенных взрывом»...

О работах в этом направлении расскажу позднее.

Впереди предстояли еще долгие месяцы напряженной и опасной работы в условиях жестких радиационных полей. И в этих полях будут трудиться десятки тысяч ничего не понимающих в радиации людей...

8 мая 1986 года

В десять утра восьмого мая я получил приказ Е. А. Решетникова — 15-часовым рейсом из аэропорта «Быково» вылететь на Киев, и далее — в Чернобыль.

Задание было лаконичным: разобраться в обстановке, оценить ситуацию, доложить.

Подписывая командировку, заместитель министра Александр Николаевич Семенов сказал мне:

— Определись, пожалуйста, с радиационными полями. Когда мы там были, никто толком не знал, сколько светит, а сейчас скрывают, врут. Определись, пожалуйста... И вообще... Приедешь — просвети меня, безграмотного, насчет опасности радиации. А то вот сижу

стриженный под машинку... И давление прет вверх... Не от атома ли это?..

Вылетели из «Быково» около шестнадцати часов. Долго ждали министра. Он явился с опозданием на час в сопровождении своего помощника по режиму, которого взял к себе на работу в Минэнерго СССР из Минэлектротехпрома, где до того сам работал министром.

Кроме меня, летели еще три замначальника Главных управлений Минэнерго СССР: И. С. Попель – замначальника Главснаба, Ю. А. Хиесалу – замначальника Главэнергокомплекта и В. С. Михайлов – замначальника Союзатомэнергостроя – разбитной и несколько дурашливый, с компанейскими замашками, но с очень цепкими и внимательными, изучающими глазами. Он был весь как ртуть, типичный холерик, минуты не мог посидеть спокойно на одном месте. Обязательно вылезал с какими-то соображениями, инициативами, порою лишенными здравого смысла. Словом, шустрый, хитрый зам-начальника Главка по кадрам и быту.

Юло Айнович Хиесалу – спокойный, тихий, слова лишнего не молвит, а когда молвит, то с сильным эстонским акцентом. Но в высшей степени симпатичный и порядочный человек.

Игорь Сергеевич Попель – энергичный широколицый снабженец веселого нрава.

Все трое впервые в жизни ехали в зону повышенной радиации. И естественно, что это их здорово волновало и заранее взбадривало. Всю дорогу до Чернобыля они тормозили меня, бесконечное число раз расспрашивая об одном и том же: что такое радиация, из чего состоит и с чем ее едят, как защищаться, сколько можно и сколько нельзя хватать рентген?

Спецрейс выполнялся на арендованном Минэнерго СССР самолете Як-40, специально приспособленном возить начальство. Фюзеляж имел два маленьких салона: носовой, в котором располагалось более высокое начальство, и хвостовой, где размещались все остальные. Правда, субординация эта соблюдалась главным образом в дочернобыльскую эпоху. Катастрофа резко демократизировала обстановку в спецрейсах...

В носовом салоне по левому борту в креслах за небольшим столиком друг против друга расположились министр и его помощник по режиму.

По правому борту – друг за другом четыре пары кресел, в которых уселись заместители начальников Главков, начальники производственных отделов и служб различных управлений министерства.

Из всех летевших этим рейсом только я один работал долгое время на эксплуатации атомных станций. Министр же, хотя и провел уже первую ядерную неделю в Припяти и Чернобыле, облучился и сидел теперь остриженный под машинку, не представлял в полной мере, что произошло, события воспринимал поверхностно и не был способен к принятию сколько-нибудь серьезного самостоятельного решения по комплексу возникших проблем без помощи специалистов.

Весь округлый, упитанный, даже жирный, с холеным одутловатым лицом, он сидел теперь молча, ни с кем из своих подчиненных в салоне ни разу не заговорил. На лице его блуждала еле уловимая улыбка.

Я незаметно рассматривал его, и мне казалось, что он изумлен свершившимся, этой внезапно свалившейся на него ядерной катастрофой. И словно было написано на его лице: «И зачем я пришел в эту неведомую мне энергетику, взвалил на свои плечи строительство и эксплуатацию атомных электростанций, в которых ничего не понимаю? Зачем ушел от своих родных электромоторов и трансформаторов? Зачем?..»

Возможно, и не об этом думал министр, но уж явно был изумлен этим обрушившимся на него ядерным «хлебовом». Изумлен, но не испуган. Испугаться он не мог, ибо не понимал, что ядерная катастрофа – это опасно. Более того, он был не согласен, что произошла катастрофа. Просто авария... Небольшая поломка...

Летел с нами также и Кафанов – замначальника Союзгидроспецстроя, высокий, мрачный с виду человек, с одутловатым сизым лицом. Внешне он выглядел олимпийски спокойно. Однако с радиацией ему предстояло также столкнуться впервые.

Я сидел в первом ряду кресел, у окна. Внизу уже был виден широко разлившийся Днепр. Ведь недавно только кончился паводок. Хорошо, что кончился. В противном случае, случись катастрофа месяц назад, вся выпавшая на землю радиоактивность оказалась бы в Припяти и Днепре...

Сзади меня шебуршился Михайлов. Его волновало неизвестное будущее, он хотел заранее все выяснить и спрашивал шепотком, видимо, стесняясь министра:

– Скажи, Григорий Устинович, сколько можно схватать, чтобы ну... бесследно?.. Ну, ничего не было?..

– Не торопись, – осаживал я его, тоже шепотом, – Уже снижаемся. На земле расскажу...

Волновался и Попель. Сзади раздавался его четкий красивый голос:

– У меня давление. Я слышал, от лучей оно подскакивает со страшной силой. Зачем мне это надо?..

Кафанов и Юло Айнович Хиесалу молчали. Их голосов я не слышал. Изредка только поглядывал я на министра, манекенно улыбающееся лицо которого за все время полета не изменило своего выражения. Серые пустоватые, с оттенком изумления глаза его смотрели в узкое пространство перед собой, рассматривая нечто нам неведомое.

К Киеву подлетали в шестом часу вечера. Приземляться будем в аэропорту «Жуляны». Низко летим над Киевом. Улицы необычно пустынные для часа «пик». Редкие прохожие. Где же народ? Я часто и раньше подлетал к Киеву с этой стороны, бывал в нем, когда работал на Чернобыльской АЭС, но такого безлюдья никогда не было. На душе стало печально.

Наконец приземлились. Министр тут же всех нас бросил и укатил на «ЗИЛе». Его встречали бледный как смерть министр энергетики Украины В. Ф. Скляр и секретарь Киевского обкома. Нас же, простых смертных, встретил начальник Главнаба Минэнерго СССР Г. П. Маслак, худощавый, приветливый, веселый, лысый.

Вся наша команда во главе с Маслаком уселась в голубой «Рафик». Михайлов и Попель сразу, что называется, набросились на Маслака с расспросами. Ведь Маслак был человек из новой, теперь ядерной земли, подумать только! Ущипнуть себя хочется, с украинской ядерной земли...

Маслак сказал, что активность воздуха в Киеве, как передают по радио, – 0,34 миллирентгена в час, что на асфальте значительно больше, но об этом не передают, сколько точно, он не знает, но слышал, что раз в сто больше. Что это означает, он также не знает, поскольку раньше никогда в жизни дела с атомом не имел. Рассказал он также, что за неделю после взрыва из Киева уехало около одного миллиона человек. В первые дни на железнодорожном вокзале творилось невообразимое, народу больше, чем в дни эвакуации во время Отечественной войны. Цену на билеты спекулянты взвинтили до двухсот рублей, несмотря на дополнительные поезда, выделенные для отъезжающих. Вагоны при посадке брали с боем, уезжали на крышах, на подножках. Но такая паника длилась не более трех-четырех дней. Сейчас можно уже из Киева уехать свободно. А началось, говорит, все с того, что высокопоставленные работники стали тайком вывозить из Киева своих детей. Обнаружилось это просто: классы в школах стали редеть...

Трудно сейчас на фабриках и заводах. Не удастся на иных производствах не то что трехсменку – двухсменку организовать. Но те, кто остались, а их ведь абсолютное большинство – проявляют высокий дух и ответственность.

– Но что же это такое – 0,34 миллирентгена в час?! Черт бы меня побрал! – воскликнул нетерпеливый, сильно горбоносый, с седеющей курчатовской бородкой В. С. Михайлов, – Расскажи, Григорий Устинович.

– Расскажи, расскажи! – завопили все хором, в том числе и киевлянин Маслак.

Что тут поделаешь, пришлось мне рассказать им, что знал.

– Предельно допустимой дозой для атомных эксплуатационников является пять рентген в год. Для всего остального населения – в десять раз меньше, то есть – 0,5 рентгена в год или 500 миллирентген. Разделите на 365 дней в году и получите, что простой смертный имеет

право «схватить» за сутки 1,3 миллирентгена. Такая доза оговорена нормами ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения). Сейчас, то есть на восьмое мая, в Киеве, если верить официальным данным, 0,34 миллирентгена в час, или 8,16 миллирентгена в сутки, – в 6 раз превышает норму ВОЗ. На асфальте же, если верить Маслаку, – суточная доза в 300 раз превышает норму ВОЗ...

«Рафик» еще ехал полупустынными улицами Киева. Время – семь вечера.

– Говорят, – сказал Маслак, – в первые три дня после взрыва активность в Киеве достигала 100 миллирентген в час.

– Это означает, – разъяснил я, – что суммарная доза за сутки составляла 2,4 рентгена или примерно – две тысячи доз против нормы ВОЗ для простых смертных...

– Ну, знаете! – воскликнул экспансивный Михайлов. И вдруг вскричал: – Маслак! Где твои дозиметры? Ты Главснаб, дай нам дозиметры!

– Дозиметры получите в Иванкове, там уже для вас припасено.

– Останови, останови! – начал тормозить Михайлов шофера – Вот здесь, около винного магазина. Надо взять водяры для дезактивации. Облучишь гонады – и ничего больше не потребуется. Что за жизнь без гонад?

Шофер улыбался, но останавливаться не стал. За прошедшие десять дней он убедился, что не умер, что жить еще можно.

– Нет, натурально! – воскликнул Попель. – Это безобразие. У меня уже подскочило давление. Голова на темечке ломит.

– А ты пописай на темечко, помогает, – посоветовал Михайлов.

– Нет, кроме шуток, – продолжал Попель. – Зачем я там нужен, ничего не понимающий? Приедем, приду к Садовскому и скажу: – Я вам нужен, Станислав Иванович? И если он скажет – «нет», тут же уеду назад... Ты не уезжай, жди, пока мы все выясним, – обратился он уже к водителю.

Тот утвердительно кивнул.

– Я тоже спрошу Садовского, – подал голос Юло Айнович Хиесалу.

– Садовский сам профан в атомном деле. Он же гидротехник, – уточнил Михайлов.

– Он прежде всего первый заместитель министра, – возразил Попель.

Я поглядывал в окно, рассматривая прохожих, лица большинства из которых были озабочены, печальны, угнетены.

Мы миновали площадь Шевченко, междугородную станцию, с которой я часто возвращался в семидесятые годы из командировки рейсовым автобусом в Припять, и выехали за городскую черту Киева.

Я смотрел на мачтовый сосновый лес по сторонам, зная, что здесь теперь тоже (подумать больно) радиоактивная грязь, хотя внешне все так же чисто и прибрано. И народу кругом заметно меньше, и люди печальней, какими-то одинокими кажутся. И машин встречающих с чернобыльского направления совсем мало...

Вот миновали Петrivцы, Дымер. Дачи, поселки обочь дороги. Редкие прохожие. Дети с ранцами идут из школы после второй смены. И все они вроде и те, но как бы уже другие...

А раньше – народу было полно, оживленное движение, жизнь кипела. А теперь словно замедлилось все. Поредело и замедлилось. И в душе печаль и невольное чувство вины. Все мы, атомные энергетики, виноваты перед этими ни в чем не повинными людьми, перед всем миром. И я виноват. И те немногие мои коллеги, которые хорошо представляли реальную угрозу атомных станций для населения и окружающей природы. Значит, не проявили мы, понимающие, должной настойчивости, чтобы донести до сознания людей эту опасность. Не сумели пробиться через вал официальной пропаганды о якобы полной безопасности АЭС. Такое невольное чувство заполняло душу. И снова мысли о Чернобыле, о Брюханове, обо всем этом минувшем 15-лети атомной энергетики на украинской земле, о причинах, приведших к взрыву...

То, что я описал в предыдущих главах о событиях 26 и 27 апреля, сложилось во мне позднее, после посещения Чернобыля и Припяти, дотошного опроса многих людей,

Брюханова, начальников цехов и смен АЭС, участников тех трагических событий. Помог мне разобраться в запутаннейшей ситуации и реконструировать весь ход событий и мой опыт многолетней работы на эксплуатации АЭС, пережитое облучение и пребывание в стационаре 6-й клиники Москвы в семидесятые годы. Ведь полной картины не знал никто. Каждый из очевидцев или участников событий знал лишь свой маленький кусочек трагедии. Я же обязан дать полную и правдивую картину, насколько это возможно. Только полная правда о крупнейшей ядерной катастрофе на планете Земля может помочь людям глубоко осмыслить происшедшее, извлечь уроки и обрести новый, более высокий уровень понимания и ответственности. И это касается не только узкого круга специалистов, но и всех людей без исключения. Во всех странах мира...

А пока... Пока мы ехали в сторону Чернобыля, имея в своем распоряжении незначительный запас довольно общих сведений о происшедшем, которые я получил с 28 апреля по 8-е мая, находясь в Москве...

«Рафик» бежал по широкой и совершенно пустой автострате «Киев – Чернобыль», еще десять дней назад оживленной и сияющей огнями машин. 20.30 вечера. До Иванкова еще около двадцати километров. Едущие со мною товарищи обговорили уже все о радиации и ее воздействии на организм, устали и тревожно притихли. Иногда только Михайлов или Попель со вздохом произносили:

– Да, братцы... Вот так... – и снова замолкали... – Спецдежда в Иванкове есть? – спросил я сопровождавшего нас Маслака.

– Должна быть. Я звонил туда.

– Где будет ночевать министр?

– Тоже в Иванкове. Сняли там хату у хозяйки. Шашарин тоже на квартире. Все общежития и жилплощадь энергосетей в Иванкове переполнены. Эвакуировали на днях из Чернобыля рабочих. Подскочила резко активность.

– Надо бы прорваться сегодня в штаб Чернобыля, – сказал я. – От Иванкова еще час езды, с учетом переодевания и ужина – полтора. Надо бы успеть на вечернее заседание штаба Правительственной комиссии...

– Посмотрим, – неопределенно ответил Маслак.

Лишь в девять вечера наш «Рафик» въехал во двор Иванковских энергосетей. Вышли, размяли ноги. В небольшом деревянном бараке, тут же во дворе, на скорую руку закусили. Там была небольшая столовка оперативного персонала энергосетей.

Маслак побежал узнавать, где спецдежда, где нас расселять на ночевку.

Ждали минут тридцать. Во дворе неподалеку возбужденно беседовали друг с другом недавно прибывшие из Чернобыля трое рабочих. Один был в белом, хлопчатобумажном, двое – в синих комбинезонах с дозиметрами в нагрудных карманах. Они то и дело, особенно один – в белом, высокий, лысый, – указывал сорванным с головы чепцом на северо-запад, в высокое, уже вечернее, затянутое грязноватой дымкой небо и выкрикивал:

– Жарит сегодня – две тыщи доз плутония, душит, – он морщился, кашлял, отирал чепцом морщинистое лицо.

– А у меня почесуха, – сказал другой, – все тело зудит, будто аллергия...

– Особенно ноги у щиколоток, – сказал третий и, потянув вверх штанины комбинезона и нагнувшись, стал остервенело чесать ногтями багровые опухшие ноги.

Мы тоже стали смотреть в ту сторону. Небо было зловещим и безмолвным. А мы все смотрели, смотрели туда с таким чувством, будто там война, фронт.

– Здесь, во дворе, сейчас пять миллирентген в час, – сказал лысый в белом комбинезоне.

В дыхалке слегка саднило. Михайлов заволновался:

– Слыхали? Пять миллирентген. У меня на эту гадость точно будет аллергия. – И спросил меня: – А сколько суточная доза для эксплуатации?

– Семнадцать миллирентген.

– Слыхали?! Три часа и – суточная доза! Сколько же мы нахапаем там?

– Все будет наше. Не паникуй.

Вернулся Маслак и сообщил неприятную весть:

– Спецодежды нет, дозиметров нет, ночевать негде. Все забито до предела. Спят буквально друг на друге. Коек не хватает – спят на полу. Едем ночевать в Киев. В Чернобыль в таком виде нельзя, завернут. Это первые дни, говорят, были кто в чем... Я связался с Киевом и дал команду, чтобы мешок со спецодеждой и дозиметры доставили в гостиницу «Киевэнерго». Там и заночуете. Завтра в шесть утра «Рафик» заскочит за вами и отвезет в Чернобыль.

Делать было нечего. Сели в «Рафик» и поехали в Киев. Прибыли в половине двенадцатого ночи. В гостинице «Киевэнерго» уже поджидал нас огромный мешок с хлопчатобумажными синими спецовками, бутсами я шерстяными черными беретами. То, что береты шерстяные, плохо. Шерсть отлично сорбирует радиоактивность. Нужны бы хлопчатобумажные, но их нет. На безрыбье и рак рыба...

Пока товарищи оформляли документы, я вышел во двор. Воздух так же, как в Иванкове, саднил дыхание. Не меньше, стало быть, и здесь. Где-то три-пять миллирентген в час. А по радио, что в вестибюле, только что передали – 0,34 миллирентгена в час. Явно занижают. Зачем?..

Утром – летнее голубое небо, 25 градусов тепла. Бодро уселись в «Рафик» – Михайлов, Медведев, Попель, Хиесалу, Кафанов, Разумный, Филонов. Поехали через Вышгород. Снова та же, что и вчера, картина: притихший Киев, сосредоточенные, обращенные в себя лица редких, спешащих на работу прохожих.

На выезде из Вышгорода, у поста ГАИ – дозиметрист. Такие же дозиметристы с радиометрами на груди и длинными палками датчиков – у постов ГАИ в Петривцах, Дымере, в Иванкове. Останавливают и «обнюхивают» датчиками колеса у редких машин со стороны Чернобыля. Нас пропускают. Возле дозиметрического поста на въезде в Иванков остановили, проверили путевой лист, пропуск в зону. Все нормально. У обочины дороги стоит голубой «Жигуленок» с открытыми настежь дверями и багажником. Внутри – тюки с вещами, ковры. Владельцы, мужчина и женщина, стоят рядом растерянные.

– Откуда вещи? – спрашивает постовой ГАИ, а дозиметрист ощупывает тюки датчиком радиометра.

– Из Чернобыля... Да все чистое... – говорит мужчина

– Не совсем, – говорит дозиметрист. – Пятьсот миллибэр в час...

– Да что же это такое?! – запричитала женщина. – Свое добро и не заberi...

Мы двигаем дальше. Позавтракали во вчерашней столовке Иванковских энергосетей и, не мешкая, поехали в Чернобыль.

По обе стороны дороги, насколько хватает глаз, – безлюдные зеленые поля. Не видно оживления в населенных пунктах, хуторах, городках. То ли еще спят, то ли их покинули. Копшатся в пыли куры, десятка полтора овец бредет без пастуха вдоль дороги в сторону Чернобыля. Вон мальчик с ранцем идет в школу. С любопытством оглядел нас в машине, всех одинаково одетых в синее. Вот старуха тянет упирающуюся козу. Мало людей. Стало острее жечь глаза, саднить дыхание.

– О, сегодня злой воздух, – сказал водитель и натянул на нос висевший на шее респиратор «свиное рыло» – так мы называли поролоновые противопылевые респираторы, внешне похожие на отрубленный кончик морды свиньи.

Обогнали колонну миксеров-бетоновозов, что спешили с сухой бетонной смесью в Припять.

Тридцатикилометровая зона. Военный патруль и дозконтроль. Одни в респираторах, другие нет. Стесняются, бравируют. Проверили путевой лист, пропуск в зону. Все в порядке. Поехали дальше.

Навстречу проскочил бронетранспортер. Водитель в респираторе. Лицо строгое, сосредоточенное. Жжет дыхание, все сильнее режет веки. Вслед за водителем все натянули респираторы, кроме меня. Мне почему-то стыдно. Стыдно бить челом перед радиацией, черт

бы ее побрал! Впереди на асфальте дороги наносы пыли. Нас обошла «Волга» с министром. Пыльное облако с активностью около тридцати рентген в час окутало «Рафик». Надел респиратор. «Волга» министра скрылась за поворотом. Снова одни на дороге. Изредка обгоняем тяжело ползущий миксер с грузом сухого бетона. И вновь глухо, пусто. На обширных просторах полей, в деревнях и хуторах – ни души. Зелень еще свежая. Но скоро, я знал это по опыту, начнет темнеть, чернеть, пожухнет и станет рыжей хвоя елей и сосен. Набравшие силу зелены станут хиреть и, как шерсть баранов, эти «волосы» земли будут копить в себе радиацию. Там ее наберется в два-три раза больше, чем на поверхности дорог.

Вновь и вновь приходится отвечать на расспросы товарищей, объяснять, что такое радиация и с чем ее едят. Хотел сказать, что едят ее с чем попало теперь, она повсюду, вне нас и в нас, дышим ею... Но не стал я это говорить. Объяснял по-научному, но воспринимают туго. Прежние объяснения в Киеве почти забыты. И не удивительно. Кроме меня, ведь никто из едущих в «Рафике» раньше никогда не имел дело с радиоактивностью.

Попель жалуется, что болит темечко.

– Поперло давление, – заключает он. – И зачем мне это надо? Войну прошел, столько пережито... Приедем, сразу спрошу Садовского: нужен я здесь?.. Я ведь в Москве больше могу сделать, чем в Чернобыле, в тыщу раз... И в сто раз быстрее...

Михайлов, Разумный, Кафанов то и дело заглядывают в окуляры своих дозиметров. Там константовая стрелка-нить показывала на шкале количество полученных рентген. Дозиметры нам выдали грубые, со шкалой на пятьдесят рентген. Нужны бы сейчас почувствительнее, например со шкалой рентген на пять...

– А у меня стрелка вообще ушла на минус, левее «нуля», – сказал Разумный. – Что за качество, везде халтура!

– Это ты уже не впитываешь, а отдаешь рентгены, – шутит Филонов. – Уже отдал больше, чем схватил.

– А у меня ровно на «нуле», – заявил Михайлов. – Но глаза жжет и началась почесуха в ногах. – Он остервенело зачесал щиколотки.

– Это у тебя мандраж, Валентин Сергеевич, – сказал Разумный. – От мандража не только аллергия, понос может быть...

Проехала навстречу дождевальная машина. Моет дорогу. Раствор на асфальте пенится. Брызги шуршат по Днищу «Рафика». Давно мне знакомый тошнотавый запах десорбирующих растворов. Асфальту, правда, такое мытье, что мертвому припарка. Радиоактивность хорошо сорбируется в битум, и, чтобы сделать асфальт чистым, его надо вырубить и настлать новый. Или хотя бы грязный асфальт покрыть сверху чистым.

Кругом ни души. Не видно птиц, хотя нет, вон вдалеке лениво и невысоко летит ворон. Интересно бы измерить его активность. Сколько он набрал радиации в перья. А вот через несколько километров еще одна живая душа. Навстречу нам со стороны Чернобыля по обочине дороги бежит, взбивая радиоактивную пыль, пегий жеребенок. Растерянный, сиротливый, вертит головой, ищет мать, жалобно ржет. В этих местах скот уже расстреливали. Малыш чудом уцелел...

Беги, беги отсюда, малыш!.. Впрочем, шерсть на нем тоже очень радиоактивна. Но все равно – беги, беги отсюда. Может, повезет...

До Чернобыля совсем близко. Справа и слева – военные лагеря, палаточные городки, солдаты, много техники: бронетранспортеры, бульдозеры, инженерные машины разграждения, сокращенно – ИМРы, с навесными руками-манипуляторами и бульдозерными ножами. Они напоминают танки, только без орудийных башен. И снова палаточные городки. Войска, войска, войска. Это химические части Советской Армии. Их здесь уже около пятнадцати тысяч.

Проехали будто вымершую деревню. Ни единой живой души. Это непривычное безмолвие гнетет. И снова справа и слева поля. Уходящие вдаль радиоактивные зелены. Вот куры, разгребая лапами и что-то клюют в радиоактивной пыли...

Въезжаем в Чернобыль. Солнце, синее небо без единого облачка, легкая дымка.

Асфальт мокрый от растворов дезактивации. Везде на улицах, у обочин – бронетранспортеры. Есть движение автомашин, как потом выяснилось, от штаба к штабу. Здесь кругом штабы. Разных министерств и ведомств. Едем по главной улице.

– Куда? – спросил водитель. – В райком партии или в ПТУ к Кизиме, там сейчас Управление строительства ЧАЭС...

– В райком, пожалуйста, – попросил я. Патрули в респираторах «свиное рыло», изредка попадаются в респираторах «лепесток-200». На некоторых бронетранспортерах, откинув люки, сидят солдаты, курят. Иные напрямую, некоторые, проткнув дырку в респираторе и воткнув в дыру сигарету. Встречаются и пешеходы. В респираторах. Это те, у которых почему-либо нет машин, а надо срочно пройти по делу то в штаб угольщиков, то минтрансстроевцев.

Подъезжаем к площади райкома партии. Здесь полно автомашин. В основном легковые разных марок, автобусы «Кубанцы», «Рафики», «УАЗы», бронетранспортеры, закрепленные за членами Правительственной комиссии. Вокруг много постовых в респираторах: на площади, у здания райкома, у паркующихся машин.

Все эти легковые и прочие машины придется спустя время закапывать: за месяц-два работы здесь набирают такую активность, что в салоне до пяти и более рентген в час.

На крыльце стоит замначальника Союзатомэнерго Е. И. Игнатенко и еще двое незнакомых мужиков. Игнатенко без чепца, куртка нараспашку, респиратор на шее, курит.

– Привет! Нарушаешь правила РБ, – сказал я.

– Привет! Приехал? Доложись Садовскому.

– Министр здесь?

– Здесь. Только прибыл.

Рядом с крыльцом дозиметрист. Радиометр на груди, водит палкой-датчиком у поверхности земли, переключает диапазоны.

– Сколько? – спросил я.

– От земли – десять рентген в час. Воздух – 15 миллирентген в час.

– А в помещении?

– Пять миллирентген в час.

Вошел в райком. Вслед за мной Попель и Хиесалу. Оба хотят срочно доложить о прибытии Садовскому.

Обошел коридор первого этажа. Каждую комнату занимает отдельная организация. На дверях приколоты кнопками листки, клочки бумаги с надписями: ИАЭ (Институт атомной энергии), Гидропроект, Минуглепром, Минтрансстрой, НИКИЭТ (главный конструктор реактора), Академия наук СССР и многие другие. Вошел в диспетчерскую. Там уже Попель и Хиесалу. Садовский пытается их:

– Зачем приехали?

– Сами не знаем, Станислав Иванович, – с надеждой в голосе выпалил Попель.

– Езжайте немедленно назад! Сегодня же. Машина есть?

– Есть, Станислав Иванович!

Попель и Хиесалу, сияющие, побежали в «Рафик». Их заветная мечта: подальше от радиации – сбылась.

Сам я тоже доложил первому заместителю министра о прибытии. Сказал о задании Семенова и Решетникова.

Садовский уехал в ПТУ, где располагалось Управление строительства Кизимы, примерно в двух километрах от райкома партии.

Я заглянул в комнату с вывеской «ИАЭ». У окна впритык и навстречу друг другу – два письменных стола. За левым столом сидит Евгений Павлович Велихов, за правым – министр А. И. Майорец в таком же, как у меня, синем хлопчатобумажном комбинезоне и шерстяном берете на стриженной под машинку голове. Видно, брали спецовку из одного тюка. Рядом на стульях зампред Госатомэнергонадзора член-корреспондент Академии наук СССР В. А. Сидоренко, академик В. А. Легасов, заместитель министра Г. А. Шашарин, Е. И. Игнатенко.

Вхожу, сажусь на свободный стул.

Майорец нападает на академика Велихова:

– Евгений Павлович! Надо кому-то брать организационное руководство в свои руки. Здесь работают сейчас десятки министерств. Минэнерго не в состоянии объединять всех...

– Но Чернобыльская АЭС – ваша станция, – парирует Велихов, – вы и должны организовать, объединять все... – Велихов бледен, в клетчатой рубашке, расстегнутой на волосатом животе. Утомленный вид. Схватил уже около пятидесяти рентген. – И вообще, Анатолий Иванович, нужно отдавать себе отчет в том, что произошло. Чернобыльский взрыв хуже иных атомных. Хуже Хиросимы. Там одна бомба, а здесь радиоактивных веществ выброшено в десять раз больше. И плюс еще полтонны плутония. Сегодня, Анатолий Иванович, надо считать людей, жизни считать...

Я с уважением подумал о Велихове. Подумал, что академик заботится о здоровье людей.

Позднее я узнал, что фраза «считать жизни» приобрела в эти дни новый смысл. На вечерних и утренних заседаниях Правительственной комиссии, когда речь заходила о решении той или иной задачи – например, собрать топливо или реакторный графит возле аварийного энергоблока, пробраться в зону высокой радиации и открыть или закрыть какую-либо задвижку, – председатель Правительственной комиссии И. С. Силаев говорил;

– На это надо положить две-три жизни... А на это – одну жизнь...

Произносилось это просто, буднично, но звучало зловеще.

Спор между Велиховым и Майорцем о том, кто должен быть хозяином положения, продолжался.

Я вышел из кабинета. Мне не терпелось скорее найти Брюханова и поговорить с ним. Сбылось то, от чего я предостерегал его пятнадцать лет назад в Припяти, работая на Чернобыльской АЭС. Все сбылось, и я хотел видеть его. Хотел очень многое сказать ему. Вернее, высказать ему весь свой гнев, всю боль и горечь. Ведь все сбылось. А он тогда был так самоуверен, так упрямо шел своей дорогой, так пренебрегал опасностью, возможностью ядерной катастрофы. И уже казалось, что он почти прав. Десять лет Чернобыльская АЭС – лучшая в системе Минэнерго СССР, сверхплановые киловатты, скрываемые мелкие аварии, доски почета, переходящие знамена. Ордена, ордена, ордена, слава, взрыв...

Гнев душил меня... Мне казалось, что из всех людей здесь – виноват он один. Прежде всего он...

Ибо воплотилась его политика, его идеология минувшего пятнадцатилетия. Фомин оказался пешкой, исполнительная пешка в волнах этой идеологии. Но только ли его, Брюханова, это идеология? Конечно нет. Брюханов сам всего лишь исполнительная пешка той, минувшей уже, застойной эпохи.

Но кто это?... В коротком полутемном пролете коридора, прислонившись к стене, стоит маленький, щупленький человек в белом хлопчатобумажном комбинезоне, без чепца, седые курчавые волосы, пудрено-бледное морщинистое лицо, выражение смущения, подавленности на этом лице. Он смотрит на меня. Глаза красные, затравленные...

Я прошел мимо, и тут меня ударило: «Брюханов?!» Я обернулся:

– Виктор Петрович?!

– Он самый, – сказал человек у стены знакомым глухим голосом и отвел глаза в сторону.

Первое чувство, возникшее во мне, когда я узнал его, – было чувство жалости и сострадания. Не знаю, куда подевались гнев и злость на него. Передо мною стоял жалкий, раздавленный человек. Он снова поднял на меня глаза.

Мы долго молча смотрели в глаза друг другу.

– Вот так, – наконец сказал он и отвел глаза. А мне, странно говорить, но стыдно было в этот миг, что я оказался прав. Лучше бы уж я был неправ...

– Ты плохо выглядишь, – нелепо как-то сказал я. Именно нелепо. Ибо сотни, тысячи людей облучались сейчас фактически стараниями этого человека. И тем не менее. Я не мог

говорить с ним иначе. — Сколько ты получил рентген?

— Сто — сто пятьдесят, — глухим хрипловатым голосом ответил стоящий в полутьме у стены человек.

— Где твоя семья?

— Не знаю. Кажется, в Полесском... Не знаю...

— Почему ты здесь стоишь?

— Я никому не нужен... Болтаюсь, как дерьмо в проруби. Никому здесь не нужен...

— А где Фомин?

— Он свихнулся... Отпустили отдохнуть...

— Куда?

— В Полтаву...

— Как оцениваешь нынешнюю ситуацию здесь?

— Нет хозяина... Кто в лес, кто по дрова.

— Мне говорили, что ты просил у Щербины разрешения на эвакуацию Припяти 26 апреля утром. Это так?

— Да... Но мне сказали — ждать прилета Щербины, не поднимать панику... Мы тогда многое не сразу поняли, думали — реактор цел... Это была самая тяжкая и страшная ночь... для меня...

— Для всех, — сказал я.

— Это поняли не сразу...

— Что мы стоим здесь? Давай пройдем в какую-нибудь рабочую комнату.

Мы вошли в пустую комнату, что рядом с велиховской, сели за стол друг против друга. Опять глаза в глаза. Говорить было не о чем. Все и так ясно. Почему-то подумалось:

«Он делегат XXVII съезда партии. По телевизору видел. Телекамера несколько раз отыскивала в зале его лицо. Оно тогда было величественное, лицо человека, достигшего вершины признания. И еще... еще... Властное было лицо...»

— Ты докладывал в Киев 26 апреля, что радиационная обстановка на АЭС и в Припяти в пределах норм?

— Да... Так показывали имевшиеся тогда приборы... Кроме того, было шоковое состояние... Помимо воли голова сама проигрывала происшедшее, увязывала это с благополучным прошлым и с полным теперь отсутствием будущего... Я по-настоящему пришел в себя только после приезда Щербины. Хотелось верить, что еще хоть что-то можно поправить...

Я взял блокнот, чтобы записать, но он остановил меня.

— Все здесь очень грязное. На столе миллионы распадов. Не пачкай руки и блокнот...

Заглянул министр Майорец, и Брюханов, видимо, уже по привычке, с готовностью вскочил, забыв обо мне, и пошел к нему. Скрылся за дверью.

Вошел незнакомый, тоже пудрено-бледный человек (при воздействии доз радиации до 100 рентген происходит спазм наружных капилляров кожи и создается впечатление, что лицо человека припудрили). Представился мне. Оказался начальником первого отдела атомной станции. Горько улыбаясь, сказал:

— Если бы не эксперимент с выбегом ротора генератора, все было бы по-прежнему...

— Сколько вы «схватили»?

— Рентген сто... От щитовидки в первые дни светило сто пятьдесят рентген в час. Теперь уже распалось... Йод-131... Зря не дали людям взять нужные вещи... Многие сейчас очень мучаются. Можно было в полиэтиленовые мешки... — И вдруг сказал: — Я помню вас. Вы работали у нас заместителем главного инженера на первом блоке...

— А я что-то вас запамятовал, простите... Где сейчас сидят ваши эксплуатационники?

— На втором этаже, в конференц-зале и в соседней с ним комнате. В бывшем кабинете первого секретаря райкома...

Я попрощался и пошел на второй этаж.

«Снаружи в воздухе хорошо светит, — думал я, — почему они не экранируют окна

свинцом?...»

Прежде, чем зайти в конференц-зал, я медленно прошел вдоль коридора второго этажа – посмотреть, что тут за кабинеты и кто их занимает. Та-ак, понятно... В основном – министры, академики. А вот дверь без надписи. Открыл, заглянул. Пролонговая комната, окна полузашторены. За столом сидел седой человек. Узнал в нем зампреда Совмина СССР И. С. Силаева. В прошлом – министр авиационной промышленности. Сменил здесь Щербину 4 мая.

Зампред молча смотрит на меня. Глаза властно поблескивают. Молчит, ждет, что скажу.

– Окна надо экранировать листовым свинцом, – оставаясь инкогнито, сказал я.

Он продолжал молчать, но лицо его мало-помалу стало обретать жесткое выражение.

Я закрыл дверь и прошел в конференц-зал...

Замечу, что экранирование окон штаба Правительственной комиссии листовым свинцом при Силаеве так и не произвели. Сделали это значительно позже, 2 июня 1986 года при сменившем Силаева зампреде Совмина СССР Л. А. Воронине, когда реактор неожиданно выплюнул из-под наваленных на него мешков с песком и карбидом бора очередную порцию ядерной грязи...

На сцене конференц-зала за столом президиума сидели эксплуатационники с оперативными журналами и по нескольким телефонам поддерживали связь с бункером и блочными щитами управления первых трех блоков АЭС, где дежурил, сменяя друг друга, минимальный состав смен, поддерживающий реакторы в расхоложенном состоянии. У всех сидящих в «президиуме» лица виноватые, нет той былой выправки и уверенности атомных операторов, характерных для времен успеха и славы. Все пудрено-бледные, уставшие, с воспаленными от недосыпания и радиации глазами.

В разных местах зала на стульях – небольшими группками сидят люди, представители разных специальностей, обсуждают вопросы к заседанию Правительственной комиссии.

Прохожу вдоль стола президиума, превращенного в импровизированный пульт управления, к окну. У окна, в переднем ряду кресел, узнаю старого приятеля, начальника химцеха Ю. Ф. Семенова. Он обсуждает с незнакомым мне человеком в спецовке, как выяснилось, мастером, вопросы дезактивации оборудования.

Ю. Ф. Семенова, приехавшего из Мелекесса в Припять в 1972 году, еще я принимал на работу. Он тогда очень рвался на Чернобыльскую АЭС. Специалист он толковый, опытный. Много лет проработал на установках спецочистки радиоактивных вод. Новой работой на Чернобыльской АЭС был доволен и на судьбу, что называется, не жаловался.

– Здорово, старина! – оторвал я его от беседы.

– О-о! Рад видеть тебя! Только вот видишь, в какие времена приехал...

– Приехал вот...

Семенов, тоже пудрено-бледный, за последние несколько лет, что я его не видел, сильно поседел. Смолисто-черные бакенбарды стали совсем белыми.

– Ты же года два, как оформил себе пенсию по первому списку. Хотел оставить цех, уйти на чистую работу? – спросил я его.

– Да-а... Хотел вот, но замешкался как-то... А теперь – куда уж... Думал в Мелекесс с семьей вернуться, там доживать, но вот видишь... Теперь я здесь нужен.

– Жена, дочь где?

– Они в Мелекессе у бабушки... Вещи вот вывезти не удалось. Все, что нажито, все пропало. И дача и машина. Я только новую купил... В квартире у меня, вчера ездил туда, на всех вещах один рентген в час. Куда с этим денешься? Мы ведь жили в первом микрорайоне. Ему больше всего досталось от радиоактивного облака.

Тут Семенова отозвали операторы. В конференц-зал вошел Е. И. Игнатенко. Заметив меня, подошел.

– Если бы твоя повесть «Экспертиза» (Игнатенко написал к ней предисловие) вышла в свет до взрыва, – сказал он, улыбаясь, – она стала бы библиографической редкостью. Ты как в воду глядел. Гремучей смесью разнесло блок...

– Потому ее и придержали, – сказал я, – чтобы автор не превратился в пророка. Так и было сказано: «Печатать после опубликования выводов Правительственной комиссии». Так что в конце года выйдет.

– Да, натворили дел, – задумчиво сказал Игнатенко, глядя в окно, – долго хлебать будем...

Возле окна – огромный мешок с футбольными камерами, белесоватыми от талька.

– Зачем столько камер? – спросил я.

Один из операторов, что сидел за столом президиума, смущенно улыбаясь, ответил, словно ему было неловко за эти футбольные камеры:

– С их помощью пробы воздуха берем.

– Где?

– Да везде... И в Припяти, и в Чернобыле, и в 30-километровой зоне...

– Это что, вместо «камер Туркина»? («Камера Туркина» – пластмассовая гармошка с клапаном, при растягивании которой внутрь забирается порция воздуха или газа для пробы.)

Оператор засмеялся:

– Футбольные камеры по бедности... Где их возьмешь – «камеры Туркина»? А этого добра навалом...

– Как же вы накачиваете их? Насосом?

– Где насосом, а где и ртом. Велосипедных насосов тоже не напасешься. В нынешних условиях – страшный дефицит...

– Ртом надувать – неточный замер будет, – сказал я. – Вдохнул – и половина радиоактивных веществ в легких осталась. Легкие как фильтр действуют. При каждом вдохе-выдохе в легких идет накопление радиоактивной грязи.

– А что делать? – смеется оператор. – Мы уже надышались столько в первые дни, что на такие пустяки внимания не обращаем...

С Игнатенко прошли в соседнее помещение, бывший кабинет первого секретаря Чернобыльского райкома партии. Во всю комнату П-образный стол. За столом знакомые и незнакомые люди в хлопчатобумажных комбинезонах. В торце стола безучастно сидит пудрено-бледный Брюханов. Поймал себя на мысли, что он примерно так же сидел у себя в кабинете во времена полного благополучия: некоторая отрешенность, безразличие, вроде как он здесь ни при чем.

«Размазня! – вспомнил я максималистскую характеристику Кизимы, данную ему еще в давние времена. – Никогда от него конкретного решения не получишь...»

На столе – разложено несколько фотографий разрушенного реактора, сделанных с вертолета, генплан промплощадки, другие бумаги. Рассматриваем с Игнатенко наиболее удачный снимок. Брюханов показал пальцем на неправильной формы черный прямоугольник на полу центрального зала, заваленного обломками конструкций.

– Это бассейн выдержки отработавшего топлива, – сказал Брюханов. – Битком забит кассетами. Воды в бассейне сейчас нет, испарилась. Кассеты разрушатся от остаточных тепловыделений...

– Сколько там кассет? – спросил я.

– Бассейн полный, штук пятьсот...

– А как ты их возьмешь оттуда? – сказал Игнатенко. – Захороним вместе с реактором...

Вошел высокий стройный пожилой генерал в парадном мундире. Обратился ко всем:

– Кто мне подскажет, товарищи? – спросил он. – Я команду группой армейских дозиметристов. Мы никак не наладим контакт ни со строителями, ни с эксплуатационниками. Где, что измерять – непонятно. Мы не знаем ваших конструкций, подходов к радиационно опасным местам. Надо, чтобы кто-то координировал нашу деятельность.

Игнатенко сказал:

– Работайте вместе с Каплуном. Это начальник службы дозиметрии АЭС. Он все знает. И выносите вопросы на заседание Правительственной комиссии... Вы, наверное, недавно здесь?

- Только прибыли.
 - Ну и действуйте, как я сказал.
- Генерал удалился.

Время шло. Мне нужна была машина, чтобы проехать в Припять и к блоку. Попросил помощи у Игнатенко.

– Задача сложная, – сказал Игнатенко. – Транспорт нарасхват. У меня лично машины нет. Здесь тыща хозяев. Проси у Кизимы.

Я спустился на первый этаж в диспетчерскую. У телефона ВЧ дежурил заместитель начальника Главтехстроя Минэнерго СССР Е. И. Павлов.

– У тебя машина есть? – спросил я. – Проскочить в штаб Кизимы.

– Нет, к сожалению. Здесь каждый со своей тачкой. Откуда, что и как – черт ногу сломит. Садовский куда-то уехал на своем «Жигуле»...

– Ладно, пойду пёхом. Будь здоров.

Я вышел на улицу.

Припекало солнце. От политого десорбирующими растворами асфальта поднимались ядовитые испарения. Тошнотно-приторный запах. Иду вдоль улицы вверх. Утром обычно щебечут птахи в зеленой листве, приветствуют солнце. А сейчас что-то тихо. И листва какая-то притихшая, вроде заторможенная. Так кажется. Еще не мертвая, но и не та живая, трепещущая, как в чистом воздухе. Зелень листвы какая-то неестественная, будто листья покрыли воском, законсервировали, и они застыли и прислушиваются, принимают к окружающему их ионизированному газу. Ведь от воздуха светит до двадцати миллирентген в час...

Но все же еще живы деревья, еще находят в этой плазме что-то свое, нужное для жизни. Вот и вишни, и яблони в буйном цвету. В отдельных местах уже есть завязь. Но все и цветы, и завязь копят теперь активность. Куда от нее денешься? Кругом она...

У плетня покинутого подворья девушка лет двадцати в белом хлопчатобумажном комбинезоне обламывает ветви цветущей вишни. Получился уже большой букет.

– Из каких мест будете, девушка? – спросил я ее

– Из Ейска... Приехала вот на помощь Чернобыльцам... А что?

– Да нет, ничего... Женихов здесь много. Солдаты-молодцы – на выбор...

Девушка засмеялась:

– Нужны мне ваши женихи... Я помогать приехала... – она окунула лицо в букет.

– Цветы грязные, – сказал я.

– Да ну вас, – отмахнулась от меня девушка и вновь принялась ломать ветки.

Я тоже сломал несколько густо усыпанных белыми цветами веток. Двинул с букетом к Кизиме. Свернул в переулок налево. Много пыли на дороге. Мимо прогромыхал миксер, поднял клубы радиоактивной пыли. Натягиваю респиратор, надвигаю глубже берет. От пыли ведь от 10 до 30 рентген в час...

Управление строительства Чернобыльской АЭС (название еще старое), а короче – штаб Кизимы, находится в бывшем здании ПТУ. У входа и кругом полно народу. Стоят, сидят на лавочках, ходят туда-сюда по делу и без дела. Подъезжающие и отъезжающие машины поднимают долго не оседающие облака пыли. Голубое небо, нещадное солнце, тишь и безветрие. Респираторы у большинства людей висят на шее. Некоторые, когда поднимается пыль, натягивают их на нос. Метрах в тридцати от ПТУ, в хоздворе – вышедшие из строя бетоновозы, миксеры, самосвалы. В общем-то они исправны, но настолько загрязнены радиацией, что, работая на них, облучаешься иной раз больше, чем от окружающей среды. Активность в кабинах до десяти рентген в час. Это большая проблема здесь: выход из строя техники от радиации...

Недалеко от крыльца ПТУ – два бронетранспортера, легковые машины: «Москвичи», «Жигули», «УАЗы», «Рафики», «Нивы». Дреmlют за рулем или курят около водителя.

Идет дозиметрист с радиометром на груди. Датчиком на длинной штанге измеряет активность пыли. У крыльца высокая густая липа. Птиц не слышно. В лучах припекающего

солнца упруго звенит большая синяя муха.

Не вся живность исчезла. Мухи есть. И не только большие синие, но и обычные домашние. Много мух внутри здания. По запаху, ударившему в нос, становится ясно, что санузлы здесь работают плохо. В фойе, у входной двери дозиметрист измеряет активность спецовки на невысоком, в защитного цвета комбинезоне, рабочем. Лицо у рабочего бурокоричневое, он возбужден.

– Где был? – спросил дозиметрист, приставляя датчик к щитовидной железе.

– У завала... Еще в транспортном коридоре...

– Больше не ходи туда... Хватит с тебя...

– Сколько взял? – услышал я вопрос рабочего.

– Говорят, больше не ходи туда, – сказал дозиметрист и отошел в сторону.

Я попросил его измерить активность букета цветов.

– Двадцать рентген в час. Выбросьте его подальше... Я вышел на улицу и забросил букет в хоздвор, к радиоактивным машинам.

Вернулся. Заглянул в две-три комнаты. На полу вповалку отдыхают после схваченных доз рабочие в синих и зеленых робах. В одной из комнат молодой парень, привстав на локте, говорил другому:

– Будто цепями тебя измолотили, такая усталость. В сон дико клонит, а заснуть не могу.

– У меня тоже, – отвечает ему товарищ. – Вот они, мои двадцать пять рентген как проявляются...

Пришел к Кизиме. В приемной, у телефона надывается диспетчер. Говорит с Вышгородом. Понял, что говорит с управляющим треста Южатоэнергострой А. Д. Яковенко.

– Нужны люди на смену! – кричит диспетчер. – Водители нужны! Рядом бригадир... Вот он... Даю трубку... Не надо?. Да они все нахватались уже...

Из кабинета Кизимы вышло несколько человек. Возбуждены. Вхожу. Кизима один. Откупоривает банку мангового сока. На щеках паутина волокон ткани Петрянова от респиратора «Лепесток».

– Привет, Василий Трофимович!

– А-а, привет москвичам! – безрадостно отвечает он. В его приветствиях всегда подначка. Не только сейчас. Всегда так было, сколько его помню. Человек на работе, кто бы он ни был, всегда интересуется его прежде всего в деловом плане. Без лирических отступлений поясняет, кивая на банку сока:

– В нем больше всего витаминов, целый комплекс. От радиации помогает, восстанавливает силы.

Он жадно пьет сок. Судорожно дергается кадык.

– Вот, – говорит, – работаю как прораб...

Раздался телефонный звонок. Кизима взял трубку.

– Да! Кизима... Слушаю, Анатолий Иванович... Министр, – шепнул он мне, прикрыв микрофон рукой. – Да-да, слушаю. Взять карандаш и лист бумаги? Взял. Рисую наклонную линию под сорок пять градусов, так... Теперь вертикальную... Есть... Теперь горизонтальную. Нарисовал... Получился прямоугольный треугольник. Все? – Он еще некоторое время слушал, потом положил трубку. – Вот, понимаешь, работаю как прораб. Министр Майорец – как старший прораб, а товарищ Силаев, зампред Совмина СССР, – как начальник стройки. Полный бардак. Они же в строительстве ничего не понимают. Вот, пожалуйста, звонок министра. Передал мне рисунок по телефону. Треугольник... – Кизима повернул ко мне листок. – Это он заставил меня изобразить завал возле блока. Говорит, на него качай цементный раствор. Будто я первоклашка и ничего не знаю. А я этот завал пешком обошел еще 26 апреля утром. А потом еще несколько раз. И учти, без всяких дозиметров и респираторов. И сейчас только что оттуда... А он мне, понимаешь, рисуй треугольник. Ну, нарисовал, а дальше что? Мне, честно говоря, они не нужны: ни министры, ни зампреды. Здесь стройка, пусть радиационно опасная, но стройка. Я начальник стройки. Мне

достаточно Велихова научным консультантом, военные должны организовать комендатуру и обеспечить порядок. И людей, конечно. Люди-то разбежались. Имею в виду штатный состав стройки. Да и дирекции. У них уехало без документов и выходного пособия более трех тысяч человек. Дозиметрическая служба не организована, радиометров и дозиметров не хватает. Оптические дозиметры, те, что есть, – большинство не работают. Посылаю на дело в опасную зону двадцать пять человек с одним дозиметром и тот неисправный. Но даже неисправный действует магически. Люди доверяют этой железяке. А без нее не идут на облучение. Вот у тебя дозиметр... Отдай его мне. С ним пошлю еще двадцать пять человек...

– Вернусь из Припяти – отдам, – пообещал я Кизиме. – А за теми, по которым я договорился со Штабом гражданской обороны страны, ты послал машину? Полторы тысячи комплектов – это выход. Службу организуй сам. Не жди у моря погоды. Возьми на помощь одного опытного «дозика» у дирекции.

– Так и придется делать...

Вошел прораб, руководящий подвозкой сухого бетона к растворяющему узлу, от которого по трубе будут качать цементную смесь на завал.

– Василий Трофимович, – обратился он к Кизиме. – Нужны водители на замену выбывающих из строя. Мы сжигаем людей. Эта смена уже выбрала всю свою норму. Почти у всех – двадцать пять бэр и больше. Люди плохо себя чувствуют.

– А что Яковенко? – спросил я. – Три дня назад его диспетчер звонил в Москву и жаловался, что трест не может справиться с прикомандированными шоферами, мол, бездельничают, пьют водку, негде расселять, нечем кормить...

– Да что ж он врет! Мне позарез нужны люди!

– Я свяжусь сейчас с Москвой, попрошу, чтобы срочно командировали. Прораб вышел.

– Жжет грудь, кашель, болит голова, – сказал Кизима. – Так все время.

– Почему не экранируешь свинцом окна, кабины автомашин? Это уменьшит облучаемость.

– Свинец вреден, – убежденным тоном говорит Кизима. – Он настораживает людей и сдерживает работы. Я уже в этом убедился. Не надо свинец...

Звонок. Кизима снял трубку.

– Так... Так... А что говорит Велихов? Думает?... Пусть думает. Прекратите пока подачу смеси на завал... – Положил трубку. – Гейзеры из жидкого бетона начали бить. На топливо в завале как попадет жидкость, начинается то ли разгон атомный, то ли просто нарушение теплообмена и рост температуры топлива. Резко ухудшается радиационная обстановка.

Стук в дверь. Вошел молодой генерал-майор и с ним еще три офицера: полковник и два подполковника.

– Генерал-майор Смирнов, – представился молодой военный. – Мне рекомендовали обратиться к вам за помощью.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил Кизима, – слушаю вас.

– Наше подразделение прибыло для охраны пруда-охладителя. Вода в нем высокой активности...

– Как в первом контуре во время работы реактора, – сказал Кизима. – Туда ведь пожарными машинами откачивали воду с топливом с затопленных минусовых отметок станции. Минус шестая степень кюри на литр в пруде...

– Так вот, – продолжал генерал, – чтобы не было диверсии, могут взорвать плотину, и вся грязная вода уйдет в Припять и Днепр... Я выставляю по всему периметру дамбы посты, но необходимы какие-то укрытия, защищающие часовых от облучения...

– Я предлагаю лотки, – сказал Кизима. – Есть у нас тут железобетонные лотки длиной два метра каждый. Поставить на попа под некоторым углом один к другому, чтобы получилась «дверь» для входа, и будка готова. Давать команду?

– Давайте! – обрадованно сказал генерал. Кизима позвонил, распорядился. Военные ушли. Я в свою очередь связался с Москвой. Попросил срочно командировать водителей на смену облученным. О том же переговорил с Яковейко. Он обещал, что завтра утром двадцать

пять человек прибудут в Чернобыль для подмены.

– Мне бы надо, Василий Трофимович, – сказал я, – проскочить к аварийному блоку. Машину можешь дать на часок-другой?

– С машинами дело дрянь... Водители, которых прикомандировали с атомных строек, набрав дозу, без предупреждения и не дождавшись замены, уезжают на своем транспорте, кстати увозя с собою радиоактивную грязь.

– Распоряжение о новом и дополнительном прикомандировании легковых машин дано вчера в Москве. Сегодня, вернувшись из Припяти, проверю. Даешь машину?

– Здесь один начальник уехал на денек в Киев. Возьми его «Ниву». У нее два ведущих моста, может сгодиться. Прихвати у дозиметристов радиометр. На часок-другой одолжат. – Кизима назвал номер машины. – Шофера зовут Володей.

– Не робкий?

– Парень боевой. Недавно из армии.

Я покинул кабинет Кизимы. Представившись, взял на пару часов у дозиметристов радиометр, проверил и перезарядил свой оптический дозиметр ДКП-50.

К счастью, у Володи оказался спецпропуск в Припять. Через десять минут мы уже выскочили на автостраду в сторону Чернобыльской АЭС. Сотни раз ездил я по этой дороге в семидесятые годы. И позже, когда работал уже в Москве и приезжал сюда в командировку, 18-километровая лента асфальта только здесь, на перегоне от Чернобыля до Припяти, окантована справа и слева розовым бетоном метровой ширины. Это защитные полосы, чтобы не обламывался с боков асфальт. Мы радовались в свое время, что только у нас такая дорога и что меньше средств придется тратить на ремонт дорожного полотна. Но теперь...

– А если возле 4-го блока заглохнет мотор? – с явной подначкой спросил вдруг Володя. – У нас уже случалось такое, правда, не около блока, а в Припяти... Там не так печет...

– Недавно из армии? – спросил я его.

– С полгода как, – ответил Володя.

– Тогда не страшно, – сказал я. – Заведешь, если заглохнет... По какой специальности служил?

– На «УАЗе-469» возил командира полка... А вот и дозиметрический пост. Солдаты химвойск, смотрите, – обратил мое внимание Володя.

На обочине дороги стояла большая зеленая машина-цистерна с навесными приспособлениями: насосы, приборы, шланги...

Со стороны Припяти подъехал «Москвич», его остановили, промерили датчиком колеса, днище, кузов сверху. Пассажиров и водителя попросили выйти. Машину стали мыть десорбирующими растворами. Солдаты в респираторах и матерчатых шлемах, плотно облегающих голову, уши, спадающих шалькой на плечи.

Один из солдат, с радиометром на груди и длинной палкой-датчиком, сделал нам отмашку рукой. Мы остановились. Он проверил спецпропуск, приклеенный Володей к лобовому стеклу. Все в порядке. Обнюхал датчиком нашу «Ниву» – фон.

– Можете ехать, – сказал солдат. – Но учтите – там машину испачкаете. Вон, на «Москвиче» – три рентгена в час. И не отмывается. Не жалко машину?

– У нас радиометр, – показал я на прибор, – будем осторожны.

Солдат внимательно посмотрел на меня своими впитывающими синими глазами и как-то неопределенно покачал головой, мол, меня не обведешь, дядя, и, с силой захлопнув дверцу, разрешающе махнул рукой.

Володя поддал газу. «Нива» летела со свистом. А я смотрел на отороченную розовым бетоном ленту асфальта. Выходит, зря радовались тогда, что не будет отламываться асфальт, подпертый бетоном. А теперь вот – все грязно, очень грязно. И асфальт, и розовый бетон. Все... Зачем?..

Я приспустил стекло и высунул датчик. Интересно было узнать, как нарастает активность с приближением к Припяти.

Справа и спереди, за убегающими вдаль радиоактивными зелеными хорошо был виден белоснежный в лучах майского солнца комплекс Чернобыльской АЭС, ажурное кружево мачт объединенного распроектирования 330 и 750 киловольт.

Я знал уже, что на площадку ОРУ-750 взрывом закинуло куски топлива, и оттуда здорово «сифонит»...

На фоне всей этой шикарной белизны и ажурности болью в душе отдавался страшный вид черного развала 4-го энергоблока.

Стрелка радиометра вначале показала 100 миллирентген в час, а затем уверенно поползла вправо – 200, 300... 500 миллирентген в час. И вдруг – рывок на зашкал. Я переключил диапазоны. 20 рентген в час. Что это? Скорее всего рентгеновский ветерок со стороны аварийного блока. Через пару километров стрелка радиометра снова упала, но на этот раз на 700 миллирентген в час.

Вдали показался хорошо различимый, давно знакомый указатель: «Чернобыльская АЭС имени Ленина» с бетонным факелом. Далее – бетонный знак: «Припять. 1970 год».

Итак: направо, мимо Управления строительства и бетонного завода – к блоку, прямо и чуть левее, куда направлена бетонная стрела указателя, – путепровод через железную дорогу, левее которого станция Янов, – в город Припять, где совсем недавно проживало пятьдесят тысяч жителей. А сейчас...

– Давай, Володя, сначала в Припять, – попросил я.

Володя взял чуть левее, поддал газку, и вскоре мы влетели на путепровод. Перед глазами открылся белоснежный, в лучах солнца, город. На путепроводе стрелка радиометра снова рванула вправо. Я стал переключать диапазоны.

– Быстрее проскакивай это место, – сказал я Володе. – В этом направлении шло облако взрыва. Натрясло здесь... Быстрее...

На большой скорости мы проскочили горб путепровода и стремглав влетели в раскинувшийся перед нами мертвый город. Сразу бросились в глаза и больно ударили – трупы кошек и собак, всюду: на дорогах, во дворах, в скверах – белые, рыжие, черные, пятнистые трупы расстрелянных животных.

Пустой брошенный город, и эти зловещие следы покинутости и необратимости несчастья. Невольно подумалось: «Почему не убирают? Это же...»

– Езжай по улице Ленина, – попросил я Володю, – с нее проще завернуть к дому, где я жил, когда работал здесь.

Строительный номер дома – девятый, я помнил до сих пор.

Посередине улицы Ленина бульвар, молодые, но высокие уже тополя, по бокам дорожки – скамейки, распутившийся кустарник. В конце улицы видно внушительное здание горкома КПСС, правее него – десятиэтажная гостиница «Припять», еще правее – пристань на старице реки Припять. Далее – ресторан, дорога к отелю «Ласточка», где останавливалось приезжее начальство.

Странно выглядел город. Будто раннее, раннее утро. Но только вот очень светло, и солнце в зените. Но все спят мертвым беспробудным сном. Утварь и белье на балконах. Блики солнца в окнах, похожие на бельма, а вот случайно раскрытое окно и, как мертвый язык, выпавшая наружу занавеска, увядшие цветы на подоконниках...

– Стоп, Володя, вот здесь направо. Сбавляй скорость...

Стрелка радиометра «ползала» туда-сюда от одного рентгена до семисот миллирентген в час.

– Езжай медленно, – попросил я. – Вот мой дом... Здесь я жил. На втором этаже. Ишь, как разрослась рябина. Вся в радиоактивном цвете. При мне до второго этажа не дотягивала, а теперь аж до четвертого дотянулась.

Пусто. Плотно зашторенные окна. Но чувствуется, что за этими шторами нет жизни. Уж больно они как-то удручающе неподвижны. Вон велосипеды на балконе вон какие-то ящики, старый холодильник, лыжи с красными палками. Все пусто, глухо, мертво...

На узкой бетонной дороге внутреннего дворика – поперек труп огромного черного, в

белых яблоках, дога.

– Останови возле трупa, замерю, сколько набрала шерсть.

Володя заехал левыми колесами на клумбу и остановился. Зелень цветов от радиации почернела, цветы пожухли. Активность грунта и бетона дороги – шестьдесят рентген в час...

– Смотрите, смотрите! – вскрикнул Володя, показывая рукой в сторону трехэтажного здания школы с огромными окнами спортивного зала. Там учился мой сын. Помню праздничный вечер. Актальный зал, радостные лица учеников и учителей...

По узкому проулку от школы, вдоль стены длинного пятиэтажного дома в нашу сторону бежали две больших тощих свиньи. Они подскочили к машине, взвизгивая, ошалело тыкали мордами в колеса, в радиатор. Затравленными красными глазками поглядывали на нас, поводили рылами вверх, к нам, словно прося чего-то. Движения их были какие-то несогласованные, раскоординированные. Их шатало.

Я подсунил датчик к боку борова – 50 рентген в час, затем к трупу дога – 110 рентген в час. Боров пытался было хапнуть зубами датчик, но я успел отдернуть.

Тогда голодные радиоактивные свиньи принялись пожирать дога. Они довольно легко отрывали из бока уже разложившегося трупa большие куски, раздвигая труп и протаскивая его туда-сюда по бетону. Из провалившихся глаз и ощеренной пасти поднялась стая растревоженных синих мух.

– Вот подлое мушиное отродье, никакая их радиация не берет! Сдавай назад, Володя.

– Куда едем? – спросил он.

– На путепровод – и к разрушенному блоку.

– А если заглохнет мотор? – снова спросил Володя, хитро улыбнувшись.

– Заглохнет – заведешь снова, – в тон ему ответил я. – Поехали.

Вырулив на улицу Ленина, Володя спросил:

– Едем по встречной полосе? Или как?.. Наша сторона вон там. Обьезжать сквер?

– Не надо.

– Как-то неудобно. Вроде нарушаем правила уличного движения.

– Ты видишь еще где-нибудь движение?

Володя горестно усмехнулся, и мы помчали не по своей стороне мимо трупов собак и кошек к аварийному энергоблоку. Путепровод проскочили на полной скорости. Снова стрелка радиометра рванула на несколько диапазонов вправо и опять упала.

Мы ехали по старой дороге мимо Управления строительства, домостроительного комбината, столовой «Лісова пісня» и бетоносмесительного узла.

Справа открылась ужасающая картина разрушенного энергоблока. Весь разлом и завал имели цвет черных обгорелостей. Над полом бывшего центрального зала, где реактор, вверх струились волнистые потоки восходящего, ионизированного радиацией газа. Как-то необычно ново и зловеще в этой разрухе и черноте поблескивали на солнце сорванные с мертвых опор и сдвинутые в сторону барабаны-сепараторы...

До блока метров четырехста.

– Включай передний мост тоже, – сказал я Володе. – Может потребоваться повышенная проходимость.

Володя включил передний мост. Все четыре колеса стали ведущими. Но что это?..

– Посмотри, Володя! – Внутри ограды, рядом с разрушенным блоком и вплотную к завалу ходят солдаты, что-то собирают... – Поворачивай направо. Вот здесь... Дальше... Езжай за здание ХЖТО и остановись вплотную к ограждению.

– Зажарит нас, – сказал Володя, прицельно глянув на меня. Лицо у него красное, напряженное. Мы оба в респираторах.

– Останови здесь... О-о! Да там офицеры тоже... И генерал...

– Генерал-полковник, – уточнил Володя.

– Это, наверное, Пикалов... Они собирают топливо и графит руками. Видишь, ходят с ведрами и собирают. Ссыпают в контейнеры. Вон, расставлены железные ящики...

Графит валялся и за изгородью, рядом с нашей машиной. Я открыл дверь, подсунил

датчик радиометра почти вплотную к графитовому блоку. Две тысячи рентген в час. Закрыв дверь. Пахнет озоном, гарью, пылью и еще чем-то. Может быть, жареной человечины...

Солдаты и офицеры, набрав полное ведро, как-то, мне казалось, неспешно шли к металлическим ящикам-контейнерам и высыпали туда содержимое ведер.

«Милые мои, – подумал я, – какой страшный урожай собираете вы... Урожай застойного двадцатилетия... Но где же? Где миллионы рублей, отпущенных государством на разработку робототехники и манипуляторов? Где? Украли?... Пустили по ветру?..»

Лица солдат и офицеров темно-бурые. Ядерный загар. Синоптики обещают ливневые дожди, и, чтобы активность не смыло дождями в грунт, вместо роботов, которых нет, пошли люди. Позже, узнав об этом, академик Александров возмущался: «На Чернобыле не жалеют людей. Это все падет на меня...»

А ведь не возмущался, когда выдвинул на Украину взрывоопасный реактор типа РБМК...

Вдали видны навалы песка. Минтрансстроевцы уже роют захватки под реактором. Пробили уже два тоннеля. Потом эстафету у них возьмут угольщики.

– Под бетонную подушку роют, – сказал Володя. – Говорят, бутылка водки под реактором стоит 150 рублей... Для дезактивации.

– Поехали! – приказал я Володе. – Вон, видишь, впереди дорога. Она идет вдоль подводящего канала. По ней свернешь налево.

Едем. Против торца машзала – 200 рентген в час. На дороге, вдоль пристанционного узла трансформаторов – брошенные пожарные машины. Посчитал – девятнадцать штук...

Володя вырулил на дорогу. Поехали мимо ОРУ-750. Стрелка радиометра подскочила до 400 рентген в час. Ясное дело – сюда забросило взрывом топливо. Метров через 200, напротив ОРУ-330, стрелка упала до 40 рентген в час. И вдруг... Ч-черт! Непредвиденное. Дорога завалена (перегорожена) железобетонными блоками. Проезда нет. А рентгены бегут, как время. Левее асфальта железная дорога.

– А ну, Володя, покажи, на что способен. Сворачивай на железную дорогу, и метров 50 по полотну вот на эту бетонку, что ведет к АБК-1. Вперед!

«Нива» не подвела. И Володя оказался на высоте. Возле АБК-1 активность один рентген в час. На площади перед административным зданием несколько бронетранспортеров. Посредине – строй солдат. Офицер ходит перед строем и ругает подчиненных за то, что они нарушают правила радиационной безопасности: сидят на земле, курят, раздеваются по пояс, чтобы загореть, пьют водку и прочее. У офицера и солдат респираторы не надеты, висят на шее.

«Безграмотность от плохо поставленного обучения, – подумал я. – Ведь от этих молодых парней пойдет потомство... Но даже один рентген в год дает пятидесятипроцентную вероятность мутации...»

– Побудь, Володя, тут, я быстро... Смотри, не уезжай, а то я застряну здесь...

Володя как-то ободряюще-сочувственно улыбнулся.

Захватив радиометр, побежал в бункер. Там чисто. Даже фона нет. Но душно. Полно народу. Как в бомбоубежище во время войны. Столы, кровати по бокам для отдыха персонала. Вон группа отдыхающих дуется в козла. Слышен стук костяшек. Здесь же дежурные дозиметристы, возле телефонов – операторы, у которых связь с БЩУ и со штабом в Чернобыле, в райкоме КПСС. На стене карта радиационных замеров по промплощадке. Но мне не нужна. Замерил сам...

Покинул бункер и поднялся на второй этаж АБК. Тишина, пустота. По переходной галерее прошел на десятую отметку деаэрационной этажерки... Теперь – быстро вперед! Моя цель – блочный щит управления 4-го энергоблока. Я должен увидеть то место, где была нажата роковая кнопка взрыва, посмотреть, на какой высоте застряли стрелки указателей положения поглощающих стержней, замерить активность на БЩУ и рядом, понять, в какой обстановке работали операторы...

Быстрым шагом, почти бегом, пошел по длинному коридору в сторону 4-го блока. До

БЩУ-4 примерно 600 метров. Быстрее...

На радиометре – рентген в час. Стрелка медленно ползет вправо. Миновал БЩУ-1 и БЩУ-2. Двери открыты. Видны фигуры операторов. Расхолаживают реакторы. Вернее, поддерживают реакторы в режиме расхолаживания. 3-й блок. Ему уже досталось от взрыва. Активность – два рентгена в час. Иду дальше. Металлический привкус во рту. Ощущаются сквозняки, пахнет озоном, гарью. На пластикатовом полу – осколки выбитых взрывом стекол. Активность – пять рентген в час. Провал возле помещения комплекса «Скала», семь рентген в час. Вот щитовая КРБ второй очереди. Десять рентген в час.

Ощущение, что иду по коридорам и каютам затонувшего корабля. Справа двери в лестнично-лифтовой блок, дальше – в резервную пультовую. Слева – дверь в БЩУ-4. Здесь работали люди, которые сейчас умирают в 6-й клинике Москвы. Вхожу в помещение резервного пульта управления, окна которого выходят на завал. 500 рентген в час. Стекла выбиты взрывом, хрустят и взвизгивают под каблуками. Назад! Вхожу в БЩУ-4. У входной двери – 15 рентген в час, у рабочего места СИУРа (умирающего сейчас Леонида Топтунова) – десять рентген в час. На сельсинах-указателях поглощающих стержней стрелки застыли на высоте двух, двух с половиной метров. При движении вправо активность растет. В крайней правой стороне БЩУ – 50–70 рентген в час. Выскакиваю из помещения и бегом в сторону первого энергоблока. Быстро!..

Вот оно – настало немыслимое. Мирный атом во всей своей первозданной красе и устрашающей мощи...

Володя на месте. Солнце, голубое небо, жара градусов тридцать. Строй посреди площади давно распался, офицер куда-то ушел. Солдаты сидят на бронетранспортерах. Курят. Двое разделись по пояс, загорают. Молодость не верит в смерть. Молодые бессмертны. Здесь это так наглядно. Не выдержал, кричу:

- Парни, хватаете лишние бэры! Вас же инструктировали только что!
- Белобрысый солдат улыбается, привстал на броне,
- А мы что, мы ничего... Загораем...
- Поехали!

К вечеру 9 мая, примерно в 20 часов 30 минут, прогорела часть графита в реакторе, под сброшенным грузом образовалась пустота, и вся машина из пяти тысяч тона песка, глины и карбида бора рухнула вниз, выбросив из-под себя огромное количество ядерного пепла. Резко выросла активность на станции, в Припяти и в 80-километровой зоне. Рост активности ощущался даже за 50 километров в Иванкове и других местах.

В наступившей уже темноте с трудом подняли вертолет и замеры активности...

Пепел лег на Припять и окружающие поля.

16 мая я улетел в Москву.

Уроки Чернобыля

Размышляя об уроках Чернобыльской трагедии, прежде всего я думаю о тех сотнях тысяч людей, судеб которых в той или иной степени коснулась ядерная катастрофа 26 апреля 1986 года.

Думаю о десятках погибших, имена которых мы знаем, и о тех сотнях нерожденных, о прерванных жизнях, имен которых мы никогда не узнаем, ибо они погибли из-за прекращения беременности у женщин, облученных в Припяти 26 и 27 апреля...

Мы обязаны помнить о безмерно высокой плате за десятилетия атомного легкомыслия и преступной самоуспокоенности.

К 17 мая 1986 года Управление ВОХР Минэнерго СССР похоронило с воинскими почестями на Митинском кладбище четырнадцать человек, пострадавших 26 апреля на аварийном блоке и умерших в 6-й клинической больнице Москвы. Это эксплуатационники и пожарные. Борьба врачей за жизнь остальных тяжелых и менее тяжелых больных

продолжалась.

Работники аппарата Минэнерго СССР дежурили в клинике, помогая медперсоналу.

В начале семидесятых годов я лежал здесь на девятом этаже, в отделении профессора И. С. Глазунова. Тогда еще не было здания-пристройки слева. Отделение битком было забито больными лучевой болезнью. Были и очень тяжелые случаи.

Запомнился Дима, парень лет тридцати. Подвергся облучению, находясь в полуметре от источника. Стоял к нему спиной и чуть правым боком. Пучок лучей шел снизу вверх. Максимум воздействия пришелся на голени, стопы, промежность, ягодицы. По направлению к голове воздействие ослабевало. Стоял спиной к источнику, поэтому увидел не саму вспышку, а ее отражение на противоположной стене и потолке. Поняв, в чем дело, побежал выключать что-то, для чего сделал одну треть пути вокруг источника. Находился в аварийных условиях три минуты. К случившемуся отнесся очень трезво. Вычислил приблизительную дозу, им полученную. В клинику поступил через час после аварии.

При поступлении в клинику температура – тридцать девять, озноб, тошнота, возбужден, глаза блестят. Говорит жестикулируя, немного по-шутовски представляя случившееся. Однако очень связно и логично. Немного не по себе всем от его шуток. Контактен, тактичен, терпелив.

Через 24 часа после аварии для кореологического анализа у больного из четырех точек (грудина, подвздошные кости, обе спереди и слева сзади) взяли костный мозг. На пункции вел себя спокойно и очень терпеливо. Средняя интегральная доза на весь организм – четыреста рад. На четвертые-пятые сутки – большое страдание стало причинять поражение слизистой рта, пищевода, желудка. Во рту, на языке, щеках – язвы, слизистая отходила пластами, пропал сон, аппетит. Температура тридцать восемь – тридцать девять, возбужден, глаза блестят, как у наркомана. С шестых суток появилось поражение кожи правой голени, отек, чувство распирания в ней, одеревенение, морфинные боли.

На шестые сутки в связи с глубоким агранулоцитозом (падение числа зернистых форм лейкоцитов, ответственных за иммунитет) перелито около четырнадцати миллиардов клеток костного мозга (около семисот пятидесяти миллилитров костного мозга с кровью).

Больного перевели в стерильную кварцующуюся палату. Начался период кишечного синдрома. Стул – 25–30 раз в сутки с кровью и слизью. Тенезмы, урчания и переливания в области слепой кишки. В связи с тяжелым поражением рта и пищевода шесть дней пищи через рот не получал, чтобы не травмировать слизистые. Внутривенно переливались питательные смеси.

В это же время на промежности и ягодицах появились вялые болезненные пузыри. Голень правой ноги – сине-багровая, отечная, блестящая, гладкая на ощупь.

С четырнадцатых суток началась эпиляция (выпадение волос), причем очень странно. Выпали все волосы справа: и на голове, и на теле. Дима сам про себя говорил, что он как беглый каторжник.

Очень терпеливый, немного утомлял нас своими шутками. Своеобразный юмор висельника, однако он очень здорово подбадривал остальных двоих, облучившихся вместе с ним.

Они совсем раскисли, хотя течение болезни у них было безусловно более легким. Дима писал им юмористические записки в стихах, читал трилогию Алексея Толстого «Хождение по мукам» и говорил, что наконец-то он может спокойно полежать. Но иногда он срывался и очень круто переходил в депрессию. Однако и депрессия эта была не тяжела для окружающих. Очень долго его раздражали громкие разговоры, музыка, шум каблуков. Однажды он наорал в такой депрессии на одну врачиху, что от стука ее каблуков у него понос начинается. Родственников к нему до трех недель не допускали.

С сороковых суток состояние его улучшилось, и на восемьдесят вторые сутки Диму выписали. Осталась глубокая трофическая язва (незаживающая) на правой голени. Сильно хромает. Стоял вопрос об ампутации правой ноги по колену...

Второй больной – Сергей, двадцати девяти лет. Лежал один в соседней кварцующейся

палате. Поступил из НИИ, где манипулировал с радиоактивными веществами в «Горячей камере». Из-за слишком близкого сближения кусков делящегося вещества произошел ядерный всплеск.

Несмотря на сразу же начавшуюся рвоту, рассчитал ориентировочную дозу – десять тысяч рад. Через полчаса потерял сознание. Доставили на самолете в крайне тяжелом состоянии. Многократные рвоты, температура сорок, отек лица, шеи, верхних конечностей. У него были такие руки, что измерять давление обычной манжетой не удавалось. Сестрам приходилось ее надставлять.

Очень терпеливо перенес трепанбиопсию и пункцию костного мозга. Находился в сознании. Через 54 часа после аварии артериальное давление резко упало до нуля. Через 57 часов Сергей скончался от острой дистрофии миокарда...

Мой лечащий врач, с которым я подружился, рассказал мне после моей выписки о кончине Сергея:

«Под микроскопом вообще невозможно было увидеть ткань сердца: ядра клеток образовывали скопления, обрывки мышечных волокон... Это по существу была смерть под лучом от непосредственного воздействия ионизирующей радиации, а не от вторичных биологических изменений. Спасти таких больных невозможно, так как ткань сердца просто ползет...»

Его товарищ Николай, тридцати шести лет, находился при аварии рядом. Прожил 58 суток. Это были сплошные мучения: тяжелейшие ожоги (кожа сходила пластами), пневмония, агранулоцитоз. Ему переливали костный мозг еще по старому методу от шестнадцати доноров. Благодаря всем этим процедурам с пневмонией и агранулоцитозом справились. Кроме того, у него был тяжелейший панкреатит, он сильно кричал от болей в поджелудочной железе. Наркотики не помогали. Успокаивался лишь после наркоза закисью азота.

Была ранняя весна. Кажется, апрель. Как и сейчас в Чернобыле. Светило солнце, и в больнице было очень тихо. Я заглянул к Николаю. Он лежал один в стерильной палате. Рядом с кроватью стоял столик со стерильными хирургическими инструментами, на другом столике – мази Симбезон, Вишневского, фурацилин, настойка прополиса, облепиховое масло, стерильный корнцанг с намотанной на него марлечкой. Все это для обрабатывания обнаженной кожи.

Он лежал на высокой наклонной койке. Над кроватью – каркас из железных прутьев, на нем мощные лампы, чтобы не было холодно, потому что Николай лежал совсем голый. Кожа от облепихового масла стала желтоватой... Но что это?.. Николай... Владимир Правик... Как все поразительно страшно повторилось!.. Пятнадцать лет спустя – такая же палата, та же наклонная койка с железным каркасом, греющие лампы, по графику включающийся кварц...

Владимир Правик голый лежит на наклонном ложе под железным каркасом с лампами. Вся поверхность тела обожжена радиацией и огнем. Трудно разобрать, где огнем, где радиацией, все слилось. Чудовищные отеки снаружи и внутри. Распухли губы, полость рта, язык, пищевод...

Тогда, пятнадцать лет назад, Николай страшно кричал от болей внутренних органов и кожи. Не умели в то время блокировать боль. Теперь научились. Уж слишком много накопилось в людях боли... Но ядерная боль – особенная, она нестерпима и беспощадна. Она доводит до шока и потери сознания. Все тело героя-пожарного переполнила ядерная боль. И тогда кололи морфий и другие наркотики, которые на время купировали болевой синдром. Правика и его товарищам сделали внутривенную пересадку костного мозга. Внутривенно же влили экстракт печени многих эмбрионов для стимулирования кроветворения. Но... Смерть не отступала...

Все уже было у него: и агранулоцитоз, и кишечный синдром, и эпиляция (выпадение волос), и стоматиты с тяжкими отеками и отслоениями слизистой рта...

Но Владимир Правик стойчески переносил боль и муки. Этот славянский богатырь выжил бы, победил бы смерть, если бы только кожа не была убита на всю ее глубину...

И казалось, что в таком состоянии не до мирских радостей и горя, не до судеб своих товарищей. Сам ведь на краю гибели. Но нет! Пока мог еще говорить, Владимир Правик пытался узнать через сестер и врачей, что с его друзьями, как они? Живы ли? Продолжают ли еще борьбу, теперь уже со смертью? Он хотел, чтобы они боролись, чтобы их мужество помогало и ему. И когда каким-то непостижимым образом все же доносились вести: умер... умер... умер... – как само дуновение гибели, – врачи говорили больным, что это не у нас, что это где-то в другом месте, в другой больнице... То была ложь во спасение.

И вот настал такой день, когда стало ясно: сделано все, что способна была сделать современная радиационная медицина. Все методы рискованной и обычной терапии применены для борьбы с острой лучевой болезнью, но тщетно. Даже новейшие «факторы роста», стимулирующие размножение клеток крови, не помогли. Потому что нужна была еще живая кожа. А ее у Правика не было ни кусочка. Она вся была убита радиацией. Радиацией были убиты и слюнные железы. Рот пересох, как земля в засуху. Правик поэтому еще не мог говорить. Только смотрел, мигал еще веками без ресниц, которые выпали, смотрел выразительными глазами, в коих порою вспыхивал жгучий огонь протеста и нежелания подчиниться смерти. Потом внутренние силы сопротивления стали ослабевать и постепенно иссякли. Началось умирание, исчезновение плоти на глазах. Он стал таять, сохнуть, исчезать. Это мумифицировались убитые радиацией кожа и ткани тела. Человек с каждым часом, с каждым днем – уменьшался, уменьшался, уменьшался. Проклятый ядерный век! Даже умереть по-человечески нельзя. Умершие – почерневшие высохшие мумии – стали легкими, как дети...

Свидетельствует В. Г. Смагин:

«В Москве, в 6-й клинике на Щукинской, нас поместили сначала на четвертом, а потом на шестом этаже. Более тяжелых, пожарных и эксплуатационников – на восьмом. Среди них пожарные: Ващук, Игнатенко, Правик, Кибенок, Титенок, Тищура; операторы: Акимов, Топтунов, Перевозченко, Бражник, Проскуряков, Кудрявцев, Перчук, Вершинин, Кургуз, Новик...

Лежали в отдельных стерильных палатах, которые кварцевались несколько раз в сутки по графику. Кварцевые лампы были направлены на потолок, чтобы лучи не обжигали. Ведь все мы были страшно загорелые, у нас был ядерный загар...

Физраствор, который всем нам влили в вену в Припятской медсанчасти, на многих подействовал ободряюще, потому что снял интоксикацию, вызванную облучением. Немного лучше себя почувствовали больные с дозами до четырехсот рад. Остальных мучили сильные боли в облученной и обожженной огнем и паром коже. Боль в коже и внутри изматывала, убивала...

Первые два дня, 28 и 29 апреля Саша Акимов приходил в нашу палату, темно-коричневый от ядерного загара, сильно подавленный. Говорил одно и то же, что не понимает, почему взорвалось. Ведь все шло отлично, и до нажатия кнопки „АЗ“ ни один параметр не имел отклонений.

– Это меня мучает больше, чем боль, – сказал он мне 29 апреля, уходя навсегда.

Больше он не появлялся. Он лег и уже не вставал. Ему резко стало хуже.

Все тяжелые лежали в отдельных кварцующихся палатах, на высоком наклонном ложе. Над ними греющие лампы. Они лежали голые, потому что вся кожа воспалилась и отекала, ее надо было обрабатывать, больных переворачивать. Всем тяжелым и полутяжелым сделали пересадку костного мозга, применяли „средства роста“ – лекарства, ускоряющие рост клеток костного мозга, но тяжелых спасти не удалось...»

Свидетельствует Л. Н. Акимова:

«Возле Саши дежурили его родители и братья-близнецы. Один из братьев отдал ему для пересадки свой костный мозг. Но ничего уже не помогло. Пока мог говорить, он все время повторял отцу и матери, что все делал правильно и никак не может понять, что произошло.

Это его мучило до самой кончины. Сказал также, что к персоналу своей смены претензий не имеет. Они все выполнили свой долг.

Я была у мужа за день до смерти. Он уже не мог говорить. Но в глазах была боль. Я знаю, он думал о той проклятой роковой ночи, проигрывал все в себе снова и снова и не мог признать себя виновным. Он получил дозу 1500 рентген, а может быть, и больше и был обречен. Он все более чернел, и в день смерти лежал черный как негр. Он весь обуглился. Умер с открытыми глазами. Его и всех его подчиненных мучила одна только мысль, один вопрос: „Почему?“»

Рассказывает доктор медицинских наук А. В. Барабанова:

«Мы сделали все возможное, чтобы спасти Акимова и его товарищей (пересадка костного мозга, факторы роста), но у них погибла от облучения кожа. А без кожи человек жить не может. Помните рассказ, во времена Александра Македонского мальчика покрасили золотом, и он умер... Акимов не верил, что умрет. Видя, как мучается Топтунов, он спрашивал меня: „Неужели Леня умрет?...“»

Свидетельствует В. А. Казаров – заместитель начальника ВПО Союзатомэнерго:

«Я посещал Славу Бражника четвертого мая 1986 года. Молодой парень тридцати лет. Пытался расспросить его, что произошло. Ведь никто тогда в Москве толком ничего не знал. Бражник лежал голый на наклонном ложе. Весь отекий, темно-бурый, распухший рот. Через силу сказал, что все тело страшно болит, слабость.

Сказал, что вначале проломило кровлю и на нулевую отметку машзала упал кусок железобетонной плиты, разбил маслопровод. Масло загорелось. Пока он тушил и ставил пластырь, упал еще кусок и разбил задвижку на питательном насосе. Отключили этот насос, отсекли петлю. В пролом крыши полетел черный пепел... Ему было очень тяжело, и я не стал его больше расспрашивать. Все просил пить. Я дал ему боржоми.

– Боль, все болит... Страшно болит...

Я, говорит, не знал, что может быть такая страшная боль...»

Свидетельствует В. Г. Смагин:

«Я был у Проскурякова за два дня до его смерти. Он лежал на наклонной койке. Чудовищно распухший рот. Лицо без кожи. Голый. Грудь в пластырях. Над ним греющие лампы. Он все просил пить. У меня был с собой манговый сок. Я спросил, хочет ли он соку. Он сказал, что да, очень хочет. Надоела, говорит, минеральная вода. На тумбочке у него стояла бутылка „Боржоми“. Я напоил его соком из стакана. Оставил банку с соком у него на тумбочке и попросил сестру поить его. В Москве у него родственников не было. И к нему почему-то никто не приехал...

Возле СИУРа Лени Топтунова дежурил его отец. Он же отдал сыну для пересадки свой костный мозг. Но это не помогло. День и ночь проводил у кровати сына, переворачивал его. Леня был весь загорелый до черноты. Только спина светлая. Видимо, на нее попало меньше радиации. Он везде был с Сашей Акимовым, был его тенью. И сгорели они одинаково, и почти в одно время. Акимов умер 11-го мая, а Топтунов – 14-го. Они погибли первыми из операторов...

Многие, кого уже считали выздоравливающими, вдруг умирали. Так умер внезапно на 35-е сутки заместитель главного инженера по эксплуатации первой очереди Анатолий Ситников. Ему дважды переливали костный мозг, но была несовместимость, он отторгал его...

В курилке 6-й клиники собирались каждый день выздоравливающие, и всех мучила одна мысль: „Почему взрыв?“

Думали-гадали. Предполагали, что гремучая смесь могла собраться в сливном коллекторе охлаждающей воды СУЗ. Мог произойти хлопок, и регулирующие стержни „выстрелило“ из реактора. В результате – разгон на мгновенных нейтронах. Думали также о

„концевом эффекте“ поглощающих стержней. Если парообразование и „концевой эффект“ совпали – также разгон и взрыв. Где-то все постепенно сошлись на мысли о выбросе мощности. Но уверены до конца, конечно, не были...»

Свидетельствует А. М. Ходаковский – заместитель генерального директора производственного объединения Атомэнергоремонт:

«Я руководил по поручению руководства Минэнерго СССР похоронами погибших от чернойбыльской радиации. По состоянию на 10 июля 1986 года схоронили двадцать восемь человек.

Многие трупы очень радиоактивны. Ни я, ни работники морга вначале этого не знали, потом случайно замерыли – большая активность. Стали надевать пропитанные свинцовыми солями костюмы.

Санэпидстанция, узнав, что трупы радиоактивны, потребовала делать на дне могил бетонные подушки, как под атомным реактором, чтобы радиоактивные соки из трупов не уходили в грунтовые воды.

Это было невозможно, кошунственно. Долго спорили с ними. Наконец, договорились, что сильно радиоактивные трупы будем запаивать в цинковые гробы. Так и поступили.

В 6-й клинике через 60 дней после взрыва долечивается по состоянию на июль 1986 года еще девятнадцать человек. У одного из них вдруг на 60-е сутки пошли по телу ожоговые пятна при общем неплохом состоянии».

– Вот как у меня, – Ходаковский задрал рубаху и показал на животе темно-коричневые пятна неопределенной формы. – Это тоже ожоговые пятна, видно, от работы с радиоактивными трупами...

Рассказывает А. В. Барабанова:

«Мы очень хорошо помыли и почистили умерших от радиоактивности. Вынули все внутренности, промыли, дезактивировали. Хоронили довольно-таки чистыми. Но в цинковых гробах. Требование санэпидстанции...»

Свидетельствует В. Г. Смагин:

«В 6-й клинике лечился и главный инженер Чернобыльской АЭС Николай Максимович Фомин. Пробыл там с месяц. После выписки, незадолго до его ареста, обедали с ним в кафе. Он был бледен, подавлен. Ел плохо. Спросил меня:

– Витя, как ты думаешь, что мне делать? Повеситься?

– Зачем же, Максимыч? – сказал я. – Наберись мужества, пройди все до конца...

С Дятловым мы были в клинике в одно время. Перед выпиской он сказал мне:

– Меня будут судить. Это ясно. Но если мне дадут говорить и будут слушать, я скажу, что все делал правильно.

Незадолго до ареста встретил Брюханова. Он сказал:

– Никому не нужен, жду ареста. Приехал вот к Генеральному прокурору, спросить, где мне находиться и что делать...

– И что говорит прокурор?

– Ждите, – говорит, – вас позовут...»

Арестовали Брюханова и Фомина в августе 1986 года. Дятлова – в декабре.

Брюханов был спокоен. Взял с собой в камеру учебники и тексты для изучения английского языка. Сказал что он теперь, как Фрунзе, приговоренный к смерти.

Дятлов тоже спокоен и выдержан. Фомин потерял себя. Истерики. Сделал попытку самоубийства. Разбил очки и стеклом вскрыл себе вены. Вовремя заметили, спасли.

На 24 марта 1987 года был назначен суд, который отложили из-за невменяемости Фомина.

Разыскал и встретился с заместителем начальника турбинного цеха блока № 4 Чернобыльской АЭС Разимом Ильгамовичем Давлетбаевым. Как я уже писал, он был на БЩУ-4 в момент взрыва. За время аварии получил триста рентген. Вид очень больного человека. Мучает лучевой гепатит. Сильно отечное лицо. Нездоровые, налитые кровью глаза. Но держится молодцом. Подтянут, собран. Стильно подбритые тонкие каштановые усыки. Несмотря на инвалидность, работает. Мужественный человек.

Я попросил его рассказать про ту ночь 26 апреля 1986 года. Он сказал, что ему запретили говорить о технике. Только через первый отдел. Я сказал, что о технике все знаю, даже больше, чем он. Нужны подробности о людях.

Но Разим Ильгамович был очень скуп на слова. Говорил все время с оглядкой на первый отдел.

– Когда пожарные появились в машзале, там все уже сделали эксплуатационники. За время аварийных работ в машзале, с 1 часа 25 минут до 5 утра 26 апреля, я несколько раз вбегал на блочный щит управления, докладывал начальнику смены. Акимов был спокоен, четко отдавал распоряжения...

Когда все началось, встретили без паники. Ведь мы по роду своей профессии были готовы к подобному. Не в такой, конечно, степени, но все же...

Давлетбаев возбужден, и я не перебиваю.

Характеризует Александра Акимова, своего вахтенного начальника:

– Акимов очень порядочный и добросовестный человек. Симпатичный, общительный. Член Припятского горкома партии. Хороший товарищ...

Характеризовать Брюханова отказался. Сказал:

– Брюханова не знаю.

Высказал свое мнение о прессе, печатавшей репортажи из Чернобыля.

– Я внимательно следил за прессой. Она представила нас, эксплуатационников, как некомпетентных, неграмотных, почти злодеев. Поэтому под воздействием прессы на Митинском кладбище, где похоронены наши ребята, с могил сорвали все фотографии. Пожалели только фото Топтунова. Совсем еще молодой. Как бы неопытный. Нас считают злодеями. А между тем, десять лет Чернобыльская АЭС выдавала электроэнергию. Хлеб нелегкий, вы знаете. Сами работали...

– Когда вы покинули блок? – спросил я.

– В 5 утра. Началась острая рвота. Но мы все успели сделать: и погасили пожар внутри машзала, и вытеснили водород из генератора, и заместили водой масло из маслобака турбины...

Мы не были чистыми исполнителями. Мы многое переосмысливали. Но во многом «поезд уже ушел». Имею в виду технологический процесс на момент приема смены. И остановить его было уже невозможно. Но мы не были простыми исполнителями...

Да, во многом можно согласиться с Давлетбаевым. Атомные операторы – не просто исполнители. В процессе эксплуатации атомных станций им приходится принимать массу самостоятельных и ответственных решений) зачастую очень рискованных, чтобы спасти блок, с честью выйти из аварийной ситуации или тяжелого переходного режима. Всего многообразия всевозможных сочетаний режимов и неполадок никакими инструкциями и регламентами, к сожалению, не предусмотреть. И тут важны опыт и глубина профессионализма эксплуатационников. И Давлетбаев прав, говоря, что после взрыва операторы показали чудеса героизма и бесстрашия. Они достойны преклонения.

И все же... В тот самый роковой миг перед взрывом профессионализм и опыт не сработали ни у Акимова, ни у Топтунова. Оба показали себя чистыми исполнителями, хотя слабая попытка сопротивления грубому нажиму Дятлова возникла у обоих. Это был тот самый момент, когда у операторов включился профессионализм, но... страх перед окриком взял верх.

Не сработал профессионализм и у опытного, осторожного Дятлова, у начальника смены

АЭС Рогожкина, у главного инженера Фомина, директора Брюханова.

Но если мужество и бесстрашие у атомных операторов после взрыва стали главной движущей силой, то у Брюханова и Фомина профессионализм и честность не сработали и после катастрофы. Их ложь в собственное спасение, попытка выдать желаемое за действительное долго еще вводили всех в заблуждение, и это стоило новых человеческих жизней...

Так в чем же, на мой взгляд, главный урок Чернобыля?

Он прежде всего в том, что эта страшная ядерная беда вызывает нас к Правде. Рассказать правду, всю правду и только правду. Это прежде всего. Исходя из правды, следует второй вывод:

Реакторы типа РБМК по конструкции порочны и несут в себе возможность «положительного останова», то есть взрыва, и впредь, несмотря на все принятые меры. Ведь этот реактор по-прежнему имеет положительный температурный, паровой и концевой эффекты реактивности, суммарное значение которых слишком велико. Собрать эти эффекты в сумму непросто, но возможно. В Чернобыле они сошлись вместе и показали, что из этого выходит.

Чернобыль, как и все трагедии в прошлом, показал, насколько велики мужество и сила духа нашего народа. Но Чернобыль же вызывает к разуму и аналитической мысли: не забудьте, люди, посмотреть на происшедшее ясным взором, не дайте залакировать беду.

Конечно, приняты правильные решения для АЭС с РБМК:

– модифицировать концевые выключатели стержней СУЗ, чтобы в крайнем верхнем положении поглощающие стержни были еще погружены в активную зону на глубину 1,2 метра.

Эта мера увеличит скорость эффективной защиты и устранил возможность постоянного увеличения размножающих характеристик активной зоны в ее нижней части по мере опускания стержней от верхних отметок;

– число стержней-поглотителей, постоянно присутствующих в активной зоне, будет увеличено до 80–90 штук, тем самым уменьшая коэффициент пустотности активной зоны до терпимого значения. Это временная мера, которая позже будет заменена переводом РБМК на топливо с начальным обогащением 2,4 процента с установкой неподвижных дополнительных поглотителей в активную зону, чтобы в случае ЧП положительный выброс реактивности не превышал одну бету. А ведь при взрыве в Чернобыле он достиг пяти бета и более...

– и последнее: постепенный вывод из эксплуатации АЭС с реакторами типа РБМК и замена их тепловыми электростанциями, работающими на газообразном топливе, представляется наиболее правильным выводом, исходя из уроков Чернобыльской трагедии.

Хочется верить, что это произойдет. Ибо говоря о любых научно-технических достижениях человека разумного, об атомной энергетике, в частности, не надо забывать, что все эти достижения должны служить процветанию жизни, а не ее гибели.

И потому самый главный урок Чернобыля – это еще более обостренное ощущение зыбкости человеческой жизни, ее уязвимости. Всемогущество и бессилие человека продемонстрировал Чернобыль. И предостерег: не упивайся своим могуществом, человек, не шути с ним, не ищи в нем суетных благ, утех, блеска славы. Пристальной и все ответственной вглядывайся в себя и в созданное тобой. Ибо ты причина, но ты и следствие. Бесконечная череда счастливых и трудных лет в будущем. Для него все созданное тобой. И тем горше смерти и увечья Чернобыля. В конечном счете это мучает больше всего, те, рассеянные радиацией нити хромосом, убитые или изуродованные гены. Они уже ушли в будущее. Ушли, ушли... Люди еще встретятся с ними. И это самый страшный урок Чернобыля.

А те, кто ушли из жизни раньше, почти сразу после взрыва, кто покинул нас, агонизируя в страшных мучениях ядерной смерти...

Сердце болит о них, душа помнит. Хочется еще и еще раз увидеть этих ребят. Их мало, тех, кто в земле, но с ними ушло столько боли, столько страданий, которых хватило бы на миллионы живых. Они сконцентрировали в себе, символизируют тысячи и миллионы

смертей и оставили на земле боль сурового предостережения.

Склоним головы перед ними – мучениками и героями Чернобыля.

Свидетельствует Ю. Н. Филимонцев:

«Ездили после Чернобыля на Игналинскую АЭС. Там, в свете Чернобыльской аварии, проверили физику и конструкцию реактора. Сумма положительных коэффициентов реактивности еще большая, чем в Чернобыле, во всяком случае – не меньше. Паровой эффект – четыре беты. Ничего не предпринимают. Спросили: почему не пишете по инстанции? Ответили: а что толку писать? Бесполезно...

Тем не менее, выводы комиссии о реконструкции всех реакторов типа РБМК в сторону повышения безопасности неукоснительно приняты к исполнению...

Правительству представлено несколько актов расследования. В том числе акты Минэнерго СССР, Правительственной комиссии и Минсредмаша. Все внешние организации сделали выводы против Минэнерго. Они сводились к тому, что виновата эксплуатация, а реактор здесь ни при чем. Минэнерго же, наоборот, представил более взвешенные и сбалансированные выводы, указав на вину эксплуатации и на порочную конструкцию реактора.

Щербина собрал все комиссии и потребовал согласованного заключения для предоставления в Политбюро ЦК КПСС...»

МИТИНСКОЕ КЛАДБИЩЕ

В первую годовщину чернобыльской катастрофы я поехал на Митинское кладбище почтить память погибших пожарников и атомных операторов. От станции метро «Планерная» на 741 автобусе через двадцать минут езды, сразу за деревней Митино, раскинулся огромный город мертвых.

Кладбище совсем новое, чистенькое. Могила уходят за горизонт. Слева от входа – аккуратный, облицованный желтой керамической плиткой, непрерывно действующий крематорий, из трубы которого шел быстрый черный дымок.

Справа от входа – кладбищенская контора.

Кладбище молодое. Посаженные на могилах деревья еще не выросли. По весне стоят пока темные, с нераспущенными листьями. В разных местах кладбища, над могилами, взлетают и садятся стаи воронья: расклеывают оставленные на могилах: яйца, колбасу, конфеты...

Иду по главной кладбищенской улице. Метрах в пятидесяти от входа, слева от дороги – двадцать шесть могил с белокаменными надгробьями. Над каждой могилой небольшая мраморная стела с гравированной золотой надписью: фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти.

Могила пожарных, их шесть, утопают в цветах: вазочки и горшочки с живыми цветами, венки искусственных цветов с красными лентами и надписями на них от родных и сослуживцев. Пожарные страны помнят своих героев.

На могилах атомных операторов цветов поменьше, венков вообще нет. Министерство атомной энергетики и Минэнерго СССР не вспомнили в годовщину Чернобыля о павших. А ведь они тоже герои, они сделали все, что смогли. Проявили мужество и бесстрашие. Отдали жизни...

Но лежат здесь и те, кто случайно оказался той роковой ночью у места трагедии, не понимая подлинного значения происходящего.

Ясное голубое небо, солнце, теплынь. Грай взлетающего и садящегося на могилы воронья, уходящая вдаль до горизонта главная улица кладбища, и на ней люди, люди, идущие к дорогим могилам.

Невдалеке от захоронения чернобыльцев слышались звуки автоматных выстрелов. Посмотрел в ту сторону. Взвод солдат салютовал из «Калашниковых». Подошедший мужчина

сказал, что хоронят солдата, погибшего в Афганистане.

На могильных стелах пожарных выгравированы золотые звезды. Здесь лежат Правик, Кибенок, Игнатенко, Ващук, Тищура, Титенок...

Над могилами же атомных операторов, на мраморных надгробиях, нет никаких знаков отличия. Нет и фотографий, которые вначале были. Теперь осталась только фотография на могиле Леонида Топтунова. Совсем еще мальчишка, усатенький, круглолицый, пухленькие щеки. Отец его возле могилы соорудил аккуратную красивую скамеечку. Мне показалось, что у Топтунова самая любовно ухоженная могила.

Двадцать шесть могил... В шести из них покоятся герои-пожарные. В двадцати остальных: операторы 4-го энергоблока, электрики, турбинисты, наладчики. Две женщины – Клавдия Ивановна Лузганова и Екатерина Александровна Иваненко, работницы военизированной охраны. Одна была на проходной напротив 4-го блока, дежурила там всю ночь до утра. Вторая – в строящемся ХОЯТе (хранилище отработавшего ядерного топлива) – в 300 метрах от блока. И в этих могилах тоже есть подлинные герои, чье мужество спасло станцию в не меньшей степени, чем мужество пожарников. Я уже говорил о них ранее. Вот они: Вершинин, Новик, Бражник, Перчук – машинисты турбинного зала, которые погасили пожар изнутри, пожар, развитие которого имело бы страшные последствия для всей АЭС. Чем же награждены они? Насколько мне известно, к наградам они не представлены. Не награжден и начальник смены реакторного цеха Валерий Иванович Перевозченко, сделавший все возможное и невозможное, чтобы спасти подчиненных ему людей, вывести их из зон высокой радиации.

Не награжден и заместитель главного инженера по эксплуатации первой очереди Анатолий Андреевич Ситников, не пощадивший жизни, чтобы разобраться, что же на самом деле произошло с 4-м реактором.

Не награжден и лежащий здесь виброналадчик харьковчанин Георгий Илларионович Попов, который и вовсе случайно оказался там, но машзал не покинул и всем, чем мог, помогал турбинистам тушить пожар в машзале. Хотя мог уйти и остаться живым.

Не награжден электрик Анатолий Иванович Баранов, который вместе с Лелеченко локализовал аварийную ситуацию на электрооборудовании, замещая водород в генераторе, подавал питание на 4-й блок в условиях бешеных гамма-полей.

Лелеченко похоронен в Киеве. Посмертно он награжден орденом Ленина.

В связи с наградами следует сказать еще об одном факте. Материалы по награждению атомных операторов, живых и мертвых, готовились под завесой страшной секретности. Почему, спрашивается? Мне, по крайней мере, это непонятно. Непонятно тем более, что ненагражденными в итоге оказались и подлинные герои, которыми живые должны гордиться. Должны гордиться их семьи, дети, внуки...

И мне думается, справедливость восторжествует. Героизм не спрячешь.

Иду вдоль могил, подолгу останавливаясь возле каждой. Кладу к надгробиям цветы. Пожарники и шестеро атомных операторов скончались в страшных муках в период с 11-го по 17-е мая 1986 года. Они получили наибольшие дозы облучения, больше всех приняли радионуклидов внутрь, тела их были сильно радиоактивны, и, как я уже писал, они были похоронены в запаянных цинковых гробах. Так требовала Санэпидстанция, и я думал об этом с горечью, ибо земле таким образом помешали сделать ее извечную и нужную работу – превращение тела умершего в прах. Вот он, чертов атом! Даже смерть, даже захоронение не такое, как у нормальных людей. Даже здесь, в извечном человеческом исходе, нарушаются тысячелетние человеческие традиции. Вот ведь как получается...

И все же говорю им: мир праху вашему, спите спокойно. Ваша смерть всколыхнула людей. Они хоть на вершок отошли от спячки, от слепой и серой исполнительности...

Но как много еще надо сделать! Какие уроки предстоит еще извлечь. Какую борьбу выдержать, чтобы сделать нашу землю по-настоящему чистой и безопасной для жизни и счастья...

А ведь атомные бюрократы не дремлют. Пришибленные несколько Чернобыльским

взрывом, они вновь поднимают голову, восхваляя совершенно «безопасную» силу мирного атома, не забывая одновременно и о сокрытии правды. Ибо лить елей мирному атому, воскуривать фимиам можно только в одном случае, если скрывать правду. Правду о сложности и опасности труда атомных энергетиков, потенциальной опасности атомных станций для окружающей природы и ничего не смыслящих в радиации людей вокруг.

То-то министр энергетики и электрификации СССР А. И. Майорец уже и приказ № 90-с от 18 июля 1986 года выпустил, в котором строго-настрого запрещает своим подчиненным говорить правду о Чернобыле в печати, по радио и на телевидении. Чего, спрашивается, боится министр? Понятное дело. Боится потерять свое кресло. А чего бояться? Взял бы да покинул его добровольно. Не по праву ведь занимает: ни знаний, ни опыта...

Но не покинет ведь. Зря надеемся. А надо бы. И скорее. Проку больше будет. Ибо нам всем нужна правда. Только правда, и вся правда, ибо...

Тут я хочу привести, очень трезвые, на мой взгляд, выдержки из статьи американского ученого-атомщика К. Моргана, призывающего людей к бдительности.

С удовольствием привел бы подобные слова академиков А. П. Александрова или Е. П. Велихова, например, но они таких слов не произносили.

Так вот что сказал К. Морган:

«В настоящее время стало очевидным, что не существует такой малой пороговой дозы ионизирующего излучения, которая была бы безопасной или риск заболеть от которой (даже лейкозом) был бы равен нулю...

Радиоактивные благородные газы (РБГ) являются основным источником облучения населения при нормальной эксплуатации АЭС. Особый вклад вносит криптон-85 с периодом полураспада 10,7 лет...

Я хотел бы выразить большое недовольство относительно распространенной в атомной энергетике практики „сжигания“ и „выжигания“ временных ремонтных рабочих. Под этим мы подразумеваем привлечение плохо проинструктированного и неподготовленного персонала к временному выполнению „горячих работ“ (радиоактивных). Из-за отсутствия понимания риска хронического облучения такой персонал с большой вероятностью может создать радиационные аварии, в результате которых может быть причинен вред как ему, так и другим людям. Я считаю практику „выжигания“ персонала глубоко аморальной, и до тех пор, пока в атомной энергетике не откажутся от подобной практики, я перестану быть активным сторонником этой отрасли...

За последние 10–15 лет новые данные показали, что риск раковых заболеваний людей под воздействием радиации в десять или более раз выше, чем мы считали в 1960 году, и что не существует безопасной дозы...»¹

И все же хочется закончить хронику словами выдающегося советского ученого, действительного члена Академии медицинских наук СССР, крупнейшего специалиста по лечению лейкозов Андрея Ивановича Воробьева. Вот что он сказал в связи с Чернобыльской катастрофой:

«Вы можете себе представить, что будет с планетой, если разбомбить атомные электростанции даже обычными боеголовками, без ядерных зарядов? Представить человечество в таком ампутированном виде не может ни один цивилизованный человек. Думаю, что после этой аварии должно закончиться средневековое мышление человечества.

Очень многое требует сегодня переоценки. И хотя количество жертв в результате аварии ограничено, а большинство пострадавших останется в живых и выздоровеет, происшедшее в Чернобыле показало нам масштабы возможной катастрофы. Это должно буквально переформировать наше мышление, в том числе и мышление любого человека, кем бы он ни был – рабочим или ученым. Ведь ни одна авария не бывает случайной. Значит, надо понимать, что атомный век требует

¹ К. Морган. Пути уменьшения радиационного воздействия атомной энергетики в будущем. М.: Атомиздат, 1980. С. 59–64.// Безопасность ядерной энергетики/Под ред. Раста и Уивера.

такой же точности, с какой рассчитываются траектории ракет. Атомный век не может быть в чем-то только одним атомным. Очень важно понять, что сегодня люди должны знать, например, что такое хромосомы, так же хорошо, как знают они, что такое четырехтактный двигатель внутреннего сгорания. Без этого нельзя жить. Хочешь жить в атомном веке – создавай новую культуру, новое мышление...»

Хотелось бы верить, что предлагаемая читателю «Чернобыльская тетрадь» поможет в формировании такой новой культуры.

1987 г.

Четыре года спустя

«Чернобыльская тетрадь» написана в мае 1987 года. Потребовалось еще два года упорной борьбы с атомными ведомствами, чтобы повесть увидела свет в СССР. При этом следует подчеркнуть, что журнал ЦК КПСС «Коммунист» в марте 1989 года первый пробил брешь в железобетонной преграде цензуры, опубликовав фрагменты из «Чернобыльской тетради». Успех развил «Новый мир», опубликовавший в июне 1989 года сокращенный вариант повести.

В июне 1989 года были отправлены на пенсию некоторые участники чернобыльской драмы – заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина и министр энергетики и электрификации СССР А. И. Майоренко

Издательство «Книжная палата» завершило прорыв, опубликовав полный текст «Чернобыльской тетради».

По следам публикации «Чернобыльской тетради» в центральную и региональную прессу хлынула правда о последствиях чернобыльской катастрофы на обширных территориях Украины, Белоруссии и России. В этом я вижу главное значение повести. Ибо реальной оценке ситуации должна сопутствовать эффективная помощь пострадавшим.

Со дня страшной катастрофы прошло четыре года. Читатель же оставил героев повести – живых и мертвых, в майские дни 1986 года. С тех пор произошло много событий как в Чернобыле, так и вокруг него, бесспорно достойных отражения средствами литературы. Привлечены к партийной и административной ответственности многие руководители атомной энергетики СССР. Исключены из партии и освобождены от занимаемых должностей заместитель министра энергетики Г. А. Шашарин, заместитель министра среднего машиностроения Г. А. Мешков, начальник Госатомэнергонадзора Е. В. Кулов и многие другие. В 1987 году завершился судебный процесс над непосредственными виновниками аварии. Директор АЭС В. П. Брюханов, главный инженер Н. М. Фомин, заместитель главного инженера А.С. Дятлов приговорены к десяти годам лишения свободы. Начальник смены Чернобыльской АЭС Б. Рогожкин – к пяти годам, начальник реакторного цеха А. Коваленко – к трем, инспектор Госатомэнергонадзора Ю. Лаушкин – к двум годам. Я испытываю к этим людям жалость и сострадание. Они не только виновники, но и жертвы катастрофы.

Безмерно жаль погибших операторов и пожарных, но еще горше от сознания, что потери вышли далеко за пределы опубликованных цифр, и трагический счет им растет.

Ведь в 1986 году прервали беременность тысяча женщин, опасавшихся за здоровье будущих детей. Искалечены радиацией в 1986—87 годах десятки тысяч молодых и здоровых парней – ликвидаторов последствий аварии, собиравших топливо и графит вокруг разрушенного блока, на крышах машзала и дезакторной этажерки 4-го блока и центрального зала 3-го блока. Этим людям, в прошлом здоровым и сильным, а сейчас потерявшим способность полноценно трудиться, отказывают в квалифицированной медицинской помощи, обзывая симулянтами. Радиоактивный и отчуждающий Чернобыль продолжается.

Ведь фактически на ядерных руинах 4-го энергоблока произошло «выжигание» радиацией здоровья десятков тысяч людей, от которых пошло и пойдет в будущее больное потомство. О недопустимости такой практики предостерегал еще в шестидесятые годы К.

Морган.

Прошло четыре трагических черновобельских года. С тех пор собрано все выброшенное взрывом топливо и графит, которые можно было собрать. Построен саркофаг над 4-м разрушенным блоком, представляющий собой мощное, облицованное металлом железобетонное укрытие с встроенным в него вентиляционно-фильтровальным центром, через который производится отсасывание из внутреннего объема саркофага и очистка на фильтрах газовой и аэрозольной активности. Очищенные таким образом газы сбрасываются в вентиляционную трубу второй очереди Чернобыльской АЭС, ту самую, которая служила ориентиром вертолетчикам, сбрасывавшим песок, глину, доломит, карбид бора и другие материалы в жерло ядерного вулкана в апреле – начале мая 1986 года.

К концу 1988 года к разрушенному реактору сквозь многометровые бетонные стены, завалы с топливом и радиоактивные конструкции и оборудование пробиты туннели и ходы (их в тяжелейших радиационных условиях соорудили безвестные герои. Это тема моей второй повести о Чернобыле – «Туннель»), и изумленный взгляд исследователей увидел разрушенную, оплавленную активную зону изнутри.

Большая часть оставшегося в реакторе топлива, графита и сброшенного в активную зону песка, глины и других материалов расплавились и через оборванные коммуникации низа реактора вытекли в подреакторные коридоры и помещения и там застыли гигантскими причудливыми «лапами» фантастического животного, сразу получив название «слоновые ноги», каждая объемом до нескольких кубометров. Таких «слоновых ног» насчитали четыре, и еще много застывших «языков» ядерной лавы, растекшейся на десятки метров по подреакторным помещениям и коридорам и отвердевшей там навеки. Самая низкая точка, где обнаружен «язык» застывшей лавы, – первый этаж бассейна-барбатора. Вся эта застывшая «лава», черная от включенного в нее графита, обладает огромной радиоактивностью. Мощность дозы вблизи застывших «слоновых ног» и «языков» достигает восьми тысяч рентген в час.

Сильному разрушению подвергся двухметровой толщины железобетонный пол подреакторного помещения, принявший на себя основной тепловой удар взорвавшегося реактора.

Серьезную опасность внутри саркофага представляет пыль, содержащая частицы плутония. Предотвращает ее распространение наружу вентиляционно-фильтровальная установка укрытия.

Радиационный фон непосредственно над разрушенным реактором достигает 1000 рентген в час.

В последнее время над Чернобыльской АЭС нависла реальная угроза закрытия. Этого требует широкая общественность Украины, Белоруссии и России. Я также отстаиваю эту позицию и публично высказался по этому вопросу в статье «Зеленое движение и атомная энергетика» (см. *далее*). За закрытие Чернобыльской и ей подобных АЭС – ратует пафос «Чернобыльской тетради».

Ведь сегодня стало совершенно ясно, что применявшаяся четыре истекших года научно-практическая концепция ведения работ на территориях, загрязненных радиоактивностью, ожидаемого эффекта не дала. Нейтрализовать вредоносное воздействие радиации на человека так и не удалось, несмотря на огромные работы по дезактивации местности.

Поэтому и принято наконец решение (и это через четыре года после аварии!) о новом отселении людей из Киевской и Житомирской областей Украины, из многих районов Белоруссии и Брянщины.

Но выполняется это решение очень медленно. Необходимые для компенсации потерь жилья, имущества и земли, для восстановления разрушенного здоровья средства выделяются с большим опозданием. Продолжают страдать от радиации ни в чем неповинные люди.

Скорбно сознавать, что так запоздали с отселением сотен тысяч людей. Велика инерция сознания и безнравственность некоторых ученых. Но ложь о Чернобыле, убаюкивавшая

миллионы людей, сегодня, наконец, рассеивается.

Правда и милосердие объединились.